Ирина Эренбург

Я видела детство и юность XX века

Дневники дочери знаменитого писателя Ильи Эренбурга

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Ирина Эренбург, дочь знаменитого писателя Ильи Эренбурга, вела свой дневник в условиях сталинского террора и даже не надеялась на то, что ее рукопись когда-нибудь увидит свет. Смелость женщины, которая решилась хранить у себя подобные записи, несмотря на угрозы обысков и ареста, позволила через годы донести пронзительную и честную историю первой половины XX века. Изюминка книги — воспоминания об удивительных годах обучения в парижской школе.

В книгу вошли уникальные материалы: откровенные рассказы о революции, Первой мировой и Великой Отечественной войнах, которые в России не публиковались никогда, а также воспоминания о жизни русских эмигрантов во Франции.

- Ирина Эренбург
  - К читателю
  - Мое детство
  - Лотарингская школа
    - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
      -
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3
      - Глава 4
      - Глава 5
      - Глава 6
      - Глава 7
      - Глава 8
      - Глава 9
      - Глава 10
      - Глава 11
      - Глава 12
      - Глава 13
      - Глава 14
      - Глава 15
      - Глава 16
      - Глава 17
      - Глава 18
      - Глава 19
      - Глава 20
      - Глава 21
    - ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11

- Мой дневник во время войны
  - 1941 год
  - 1942 год
  - 1943 год
  - 1944 год
  - 1945 год
- Анкета, заполненная Ириной Эренбург в 1995 г. по просьбе одного из немецких журналов
- Письма
  - ПИСЬМА БОРИСА ЛАПИНА — ИРИНЕ ЭРЕНБУРГ ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ КОМАНДИРОВКИ НА ФРОНТ
  - ПЕРЕПИСКА ИРИНЫ ИЛЬИНИЧНЫ ЭРЕНБУРГ
    - Ирина Эренбург — литературоведу Александру Рубашкину
    - Ирина Эренбург — Болеславу Издебскому (Эфраиму Фишману)
    - Ф. А. Вигдорова — Ирине Эринбург
    - Виктор Шкловский — Ирине Эренбург
    - Ирине и Василию Грановским — Ирина Эренбург
    - Ирина Эренбург — Галине Петоян, беженке из Карабаха
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185

- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229

- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246

Ирина Эренбург
Я видела детство и юность XX века

К читателю

Писательница Ирина Ильинична Эренбург вела свой дневник в условиях сталинского террора, во время Второй мировой войны. Она не строила тогда ни малейших иллюзий и отдавала себе полный отчет относительно возможности публикации его даже в необозримом будущем. Вот что она записала об этом 20/VIII 1944 года: «Весь этот материал никому не нужен. Пусть останется для меня. Или для потомства».

Когда в период гласности увидели наконец свет многие «крамольные» произведения, Ирина Ильинична вспомнила о своем дневнике. В 1989 году она написала воспоминания «Мое детство», охватывающие период ее жизни от приезда из Франции в Россию и до возвращения во Францию в 1924 году. Этот раздел как бы восполнил недостающий этап в ее литературном цикле — автобиографической трилогии: «Мое детство» — «Записки французской школьницы» — «Мой дневник во время войны». Воспоминания и военный дневник касаются двух важнейших периодов жизни И. И. Эренбург, самых тяжелых — Первая мировая война — революция и Великая Отечественная война. И в обе эти войны она хлебнула сполна.

Летом 1995 года Ирина Эренбург сокрушенно сказала: «Не могу пристроить мой дневник. Ни здесь, ни в Америке… не получается. Может быть, в Израиле? Попробуй…»

Машинописная копия рукописи содержала два раздела: «Мое детство» и «Мой дневник во время войны». В последний автор включила подаренный ей чужой «Дневник партизанки» — разведчицы-диверсантки Васены. Дневник Ирины Эренбург сам по себе настолько значителен, что поначалу казалось, что дневник Васены тут не совсем уместен. Однако автор книги именно так скомпоновала два дневника, и надо полагать, в этой идее был хотя трудно объяснимый, но глубокий смысл. Может быть, дело в некоторой схожести и характеров, и судеб авторов обоих дневников, и судеб людей, окружавших их, будь то в тылу и на фронте, будь то в лесах Белоруссии. Васена, по-видимому, студентка начальных курсов медицинского института, человек честный, абсолютно лишенный националистических тенденций, бесстрашный и глубоко ненавидящий фашизм.

«Дневник партизанки» — ценнейший исторический документ. Это, по сути, летопись партизанской борьбы в Великую Отечественную войну на оккупированной территории Белоруссии, которой руководили Лукин, Федоров, Кашура. В описываемое время мне, 12-летней девочке, чудом удалось

пробраться через заставы эсэсовцев в труднодоступные болотистые места. Я набрела в лесу на партизанский отряд и на протяжении 8 месяцев была свидетельницей описываемых Васеной событий.

Ирина Ильинична поступила благородно и исключительно ответственно, включив этот дневник в свою книгу. Жаль было бы такой хороший и важный материал предать забвению.

Обсуждалось, естественно, и название книги: «Разлука» или «Годы разлуки». Первоначально книга была озаглавлена — «Так я жила», но под таким названием в 1995 году вышла в Германии на немецком языке книга «So habe ich gelebt», в которую, как это выяснилось по выходе в свет, лишь частично вошел дневник (около половины, притом сильно сокращенных записей) и со значительными немаловажными купюрами.

Готовя книгу к печати, Ирина Ильинична снабдила дневник сносками (обозначены цифрами). Однако в книге оставались нераскрытыми инициалы некоторых людей, оставались без справок некоторые упомянутые лица. Пробел этот удалось восполнить благодаря личному знакомству в свое время с этими людьми автора этих строк.

В книге содержатся факты и события, которые за их давностью (более полувека) могут быть незнакомы определенной части молодого поколения читателей, в том числе русскоязычным читателям, проживающим за рубежом. В связи с этим представлялось целесообразным дополнить и текст и пояснения Ирины Ильиничны отдельным комментарием, сохранив орфографию авторов.

Настоящая книга включает также воспоминания Ирины Ильиничны о школьных годах во Франции — «Лотарингская школа». На русском языке и в полном объеме она публикуется впервые.

После смерти Ирины Ильиничны мы нашли в ее письменном столе архив ее мужа — писателя и поэта Бориса Матвеевича Лапина, его письма, отправленные ей из Киевского окружения в первые месяцы войны. Пожелтевшие, ломкие странички, полные нежности и трогательной заботы, и душераздирающие записи Ирины Эренбург — свидетельство трагической судьбы этих двух людей и их возвышенной и беззаветной любви. Этим письмам Б. Лапина место здесь, в книге Ирины Эренбург «Разлука». Объединение их с дневником глубоко символично.

Б. Лапин погиб за несколько недель до того, как Ирина Эренбург сделала первую запись в дневнике. По сути, на протяжении всех четырех военных лет Б. Лапин был ее единственным адресатом. Она надеялась, ждала… 31 декабря

1941 года в 23 ч. 50 мин. она записывает: «Дорогой мой, встречаю Новый год с тобой. Не унывай, мы еще увидимся…», а 23.IX.1943 года: «И тот, и другой *(Эренбург и Гроссман, вернувшиеся из окрестностей Киева.* — Прим. Ф.П.) говорят: надежды быть не может. Я и сама понимаю, что раз перешли Днепр, то где может быть Боря? Логически все ясно, в лучшем случае убит. А может быть, замучен и расстрелян, может быть, покончил с собой. Я понимаю, что Бори нет», — в этих мыслях-догадках Ирина Ильинична так близка к зловещей правде… Она не перешагивает окно своей квартиры на 9 этаже, но и не цепляется за жизнь, все еще продолжает надеяться, а потому — и жить. Преодолев чувство безысходности, она решает заняться отнюдь не женским делом — становится военным корреспондентом армейской газеты «Уничтожим врага», но вскоре редакцию этой газеты объявляют «синагогой» и закрывают. И снова… отчаяние, тоска и боль… И все же Ирина Ильинична не сдается. И откуда такая сила духа и вообще физические силы у этой худенькой, полуголодной, убитой горем женщины?

Ирина Эренбург сумела на многие трудные и даже тяжелые моменты не только в общественной, но и в своей личной жизни взглянуть сквозь призму журналистского профессионализма, сквозь призму времени. И из двух «обломков» войны (себя и своей приемной дочери) она цементирует новую семью, незримым членом в которой образ Бориса Матвеевича Лапина всегда присутствует, и на протяжении 55 лет он переходит из поколения в поколение.

Моей внучке Ане было 7 лет, когда накануне Дня Победы она вместе с классом отправлялась в Александровский сад возложить цветы на могилу Неизвестного солдата. Ирина Ильинична обратилась к ней уже в дверях: «Аня, у меня к тебе просьба…» Аня мгновенно ее опередила: «Положить Боре цветы». Ребенок знал и точный адрес: «Героям, павшим за оборону г. Киева».

Несколько лет назад в ответ на мое удивление сделанной Ириной Ильиничной мне дарственной надписи на книге стихов Б. Лапина: «…в память об ее заочном отце…», она с некоторым укором пояснила: «Ты моя дочь — Боря твой отец… Ты с ним не познакомилась…» Она думала о нем. Если бы он вернулся с войны…

Говоря о Б. Лапине, следует коснуться и двух вопросов, которые всегда витают вокруг его личности, вернее, возникают в связи с его гибелью. Почему он не покинул окруженный Киев, как это сделали другие военные корреспонденты, когда это уже было трудно, но еще возможно, — и которые убеждали его: еще пару минут и уже будет поздно. Почему — на самый худой конец — он

не сдался в плен — это все же была бы хоть и очень тусклая, но все же какая-то маячащая надежда на сохранение жизни — минимальный шанс.

У Ирины Ильиничны не было ответа на эти вопросы, она лишь молча приподнимала плечи, а может, просто не хотела теребить свою душу. Для нее он оставался живым.

Борис Лапин рос с отцом — военным врачом — и еще подростком вместе с отцом был на фронтах Первой мировой войны. Вероятно, там, тогда уже у него сформировалось представление о чести воина и гражданина. Не в обиду другим, выбравшимся из почти замкнувшегося Киевского кольца, следует сказать, что Лапин не мог покинуть поле боя, он сражался до конца — таков был Борис Лапин.

Относительно второго вопроса — Лапин, безусловно, сознавал, какой плен ожидал его — офицера Красной Армии, корреспондента газеты «Красная звезда», еврея и, наверное, это главное — зятя антифашиста № 1 — Ильи Эренбурга. Видимо, решение Б. Лапина не могло быть иным. Ирина Эренбург в 30 лет стала вдовой. Без детей. Она была хороша собой, обаятельна, умна, образована, интеллигентна, элегантна, обладала изысканным вкусом и хорошими манерами, была прекрасной, гостеприимной хозяйкой и содержательной собеседницей, была на редкость отзывчивой. У нее было много возможностей устроить свою личную жизнь, но равных, достойных Б. Лапина, для нее не существовало, и его место в ее сердце было занято только им одним.

За год до кончины она вышла утром из своего кабинета со словами: «Посмотри, у меня флюс. — Откуда флюс? У вас же нет своих зубов. Вы падали? — Не знаю. Представляешь… какой-то бродяга пришел, обросший, с бородой, грязный. Мерзавец… назвался Борей. — Каким Борей? — Ну, что ты не понимаешь? Борей… Лапиным. Я его прогнала!» — торжествующе сказала она. Вероятно, она резко вскочила во сне с постели и в темноте ударилась нижней челюстью о металлический каркас ночной лампы. Но ее волновал не перелом, не то, что полтора месяца ей нельзя будет раскрывать рот, говорить, жевать и т. д., а мерзкий поступок самозванца, что посягнул на Борино имя, на самого Борю.

Так Ирина Эренбург свою личную трагедию трансформировала в высокий образец высшей дани памяти человеку столь же высокого достоинства, какой была и она сама.

Касательно данной книги следует отметить два существенных момента. Раздел «Мое детство» написан в начале 1989 г. В описании страшных и голодных лет детства неизменно

присутствуют и детский задор, и озорство, и недетская ответственность, сострадание и доброта, и конечно же юмор, который так свойственен был ее отцу. Впечатление, что все это происходило не 80 лет тому назад с кем-то, где-то, а только что, у нас на глазах, — так живо воспроизвела Ирина Ильинична картины жизни тех далеких лет, когда ей уже шел 79-й год.

И второе — «Мой дневник во время войны» — Ирина Эренбург вела в возрасте от 30 до 34 лет — самом работоспособном и самом удачливом в творческом плане периоде жизни. Она писала правду, описывала жизнь тех лет так, как это было на самом деле, и давала им адекватную — по тем временам очень смелую оценку. Она писала о чудовищности государственной системы, об аморальности власть имущих, об идеологии геноцида собственного народа.

Все, которых прямо или косвенно коснулась эта эпоха, и свидетели того времени отдадут должное Ирине Эренбург за ее глубокую проницательность и за ее высокую гражданственность. В самом деле, какой смелостью нужно было обладать, чтобы в разгар войны написать (и хранить у себя дома!): «Мы в руках Сталина», или после встречи с Михоэлсом — в ответ на его рассказ о том, что в Америке тоже фашизм — «Гитлер победил — культура кончилась…», или «…выжить еврею — запрещено». Нет сомнения, если бы рукопись этого дневника была обнаружена при обыске у нас на квартире летом 1951 года, писательница могла бы жестоко поплатиться. Тем более что НКВД еще ранее проявлял интерес к Ирине Эренбург.

В 1936 г. она собралась навестить отца во Франции, где он находился как корреспондент газеты «Известия». Однако визу Ирине Ильиничне предлагали только в обмен на информацию об ее отце, о его встречах с друзьями, знакомыми, о содержании их бесед… Разумеется, Ирина Ильинична возмутилась, на что ей было сказано, что она больше никогда не увидит Парижа. Все же она тогда побывала во Франции, хоть и не стала осведомительницей НКВД. Много позже она прочтет в протоколе допроса ее парижской подруги Наташи Столяровой: «А кстати, насчет Ирины Эренбург — она тоже должна быть тут вместе с вами».

Ирина Эренбург не только смело высказывалась, но и совершала смелые, далеко не безопасные поступки. Два десятка лет она прятала и перепрятывала от КГБ рукопись «Черной книги», переправила ее в Институт памяти жертв нацизма и героев Сопротивления — Яд Вашем (Израиль). Она поддерживала и помогала диссидентам разрешать за границей их литературные и материально-финансовые проблемы, что также было тогда

связано с большим риском для нее самой, а также для членов ее семьи. Увы! Некоторые из них теперь забыли об этом. Казалось, будто она не задумывается над возможными серьезными последствиями своих поступков, и вероятно, так оно и было. Она действовала сама, а когда что-то было не в ее силах, ее компетенции — она принуждала действовать других.

Естественен вопрос — как, каким образом это ей удавалось? Прежде всего это был взгляд — только ее взгляд — такой острый, прямой, пронизывающий насквозь, едва ли не парализующий и вместе с тем взгляд надежды и ожидания… И интонации ее голоса, и переходящее в требование настойчивое убеждение, упорство. Она не отступала. Думается, в этом и состояла методология влияния на людей ее далеко не простой и не обычной натуры. Ирина Ильинична конечно же знала мощь своей силы воздействия. «Ты говорила с А.Г.? Он мог бы и сам мне позвонить! — Да. Я у него была, просила. Он очень занятой человек, да и почему он сам должен вам звонить? — Но ты все равно… скажи ему, чтобы он это сделал… — ему же хуже будет, если я с ним сама… напрямую свяжусь». А.Г. симпатизировал Ирине Ильиничне (хотя и не был с ней знаком), и я сочла возможным передать ему ее «наказ», и мы оба посмеялись, а главное, дело было сделано.

Каждый, кто прочтет эту книгу, поймет, какой неординарной личностью была Ирина Эренбург, как ей удавалось уловить главное в любом вопросе, в любой проблеме, мгновенно сориентироваться в любой создавшейся ситуации. Она излагала мысль (и в устной речи) так кратко и четко — в двух-трех словах и, о многом промолчав, умела так много сказать, что, по-видимому, также унаследовала от своего отца. Многозначащие паузы… многоговорящее молчание… — атрибуты того времени.

Ирина Ильинична, несомненно, обладала незаурядным журналистским талантом. Полностью взвалив на свои плечи заботу о семье матери, она не смогла, к сожалению, реализовать его в большей мере, чем это получилось.

Она вынуждена была много и тяжело работать. Но проблема состояла в том, что вскоре после войны ее очерки не печатали (например, об академике Лине Штерн), договоров на переводы художественной литературы не заключали.

Сегодня, наверное, трудно себе представить, что дочь самого знаменитого в ту пору писателя, у которой уже в те годы было собственное литературное имя и как писательницы, и как переводчицы, и как журналистки, вынуждена была во второй половине 40-х и в 50-х гг. работать в качестве литературного раба. Ситуация несколько изменилась после того, как

французский писатель Андрэ Стиль во время одного из посещений Москвы поставил издательству условие, что его книгу будет переводить Ирина Эренбург. После появились и другие переводы, но, учитывая ее материальные нужды и ее неженскую трудоспособность, их было явно недостаточно.

Ирина Ильинична Эренбург была и мозгом и нервом не только своей семьи, но и многих друзей, и соседей, и знакомых. «Послушайся мудрой Ирины…» и это стоило делать. Вот уже четырнадцать лет ее с нами нет, а друзья, знакомые, все новые и новые исследователи творчества Ильи Эренбурга со всего мира приходят в домашний музей-кабинет ее отца, который она берегла 30 лет и еще при жизни поручила его своей внучке — Ирине Щипачевой.

Ирина Эренбург умела так проникновенно слушать и сопереживать, так здраво, не торопясь, расставить все компоненты возникавших проблем, что все огорчения, обиды и даже удары судьбы отступали на задний план, и оставалось самое важное — праздник общения с нею, ощущение высокой духовности. И что, безусловно, еще важнее — общение с Ириной Эренбург было и школой высокой культуры в самом широком аспекте этого понятия, и люди поэтому тянулись к ней.

Ей совершенно была чужда стариковская ворчливость, она любила жизнь и была благодарна за каждый прожитый день и, завершая его, готовилась к грядущему, к предстоящим встречам. «Кто у нас завтра? В 11 — бельгиец… Пит, в 17 — Антонина Николаевна… Бабель. Вечером… зайдут Сарновы, Дорис с Андреа и… Лена Сегал. Чем мы будем их кормить?» Этот любит то-то, а тот — любит… И она до последнего времени сама готовила каждому его любимое блюдо. Сил все оставалось меньше, но она не жаловалась, только иногда у нее прорывалось: «Хочу быть молодой. — Зачем? — Мне интересно жить. Творится новая история России».

Ирина Эренбург — человек с четко выраженной гражданственной позицией — несмотря на преклонный возраст и нездоровье, активно поддерживала движение за демократию и свободу в России и болела за нее всей душой. Именно ее пригласили представить Россию на Международном форуме «Женщины столетия», состоявшемся осенью 1990 года в Гамбурге.

XX век России — Ирина Эренбург была достойной, одной из считаных его подлинных свидетельниц.

Живя в России, деля с ее народом и радости и горести, будучи истинной россиянкой по духу, Ирина Ильинична всю свою жизнь была связана и с Францией, со всем тем, что так свойственно ее народу, с ее искусством, культурой, с ее

атмосферой. «Там, — говорила она, — я себя чувствую женщиной и… еще некоторое время после возвращения домой, в Москву. Я рада, что и вам передала свою любовь к Франции». Она часто ездила в Париж, жила там легко, свободно и очень красиво, жила, наслаждаясь. А провожающих ее на Северном вокзале в Париже казалось было больше, чем пассажиров во всем вагоне.

Ирина Ильинична не была верующей. Она еще в детстве разочаровалась в религии, но любила национальные традиции. В Пасху пекла куличи, а в Песах в доме была маца. Она не верила в потустороннюю жизнь, говорила, что предпочитает получать цветы при жизни, а не после смерти. Для нее, по-видимому, было очень важно быть похороненной вместе с отцом. Об этом она вслух заговорила в годовщину смерти Ильи Григорьевича — 31 августа, только в 1995 году, когда она в последний раз смогла дойти от ворот кладбища до могилы отца: «Третьим, наверное, нельзя. Не разрешат… — Трудно было поддержать этот разговор. — Почему? В могиле Мясникова похоронены жена и оба их сына. Разрешат. — Ты думаешь? А, так хорошо…» — успокоилась она.

Последние 25 лет Ирина Ильинична жила одна — таково было ее непреклонное желание. Она сопротивлялась любой опеке. И даже будучи совсем беспомощной, говорила обиженно: «Ты меня слишком оберегаешь». Дни были плотно забиты посетителями, гостями, заботами о внучках, им она отдавала все свое время. В одном из последних писем она мне писала: «Я их очень люблю, хотелось бы поменьше… но не могу».

Ирина Ильинична умерла на руках внучек в буквальном смысле слова.

И в том театре, что зовется жизнью — какой бы трудной и печальной она ни была, — Ирина Эренбург была прекрасным режиссером. И своей смерти тоже.

Фаина Палеева

Мое детство

Мама ушла от Эренбурга[1] еще во Франции. Ушла к его другу Тихону Ивановичу Сорокину[2]. Ушла, потому что мечтала создать семью, а с моим отцом это было невозможно. Они долго любили друг друга — я это выяснила, прочитав пачку писем Эренбурга к маме, которые нашла в тайном ящичке буфета в Проточном переулке.

Во время революции мы с мамой уехали в Россию. Еще шла Первая мировая война, и мы плыли на пароходе Красного Креста, который вез в Россию семьи политэмигрантов. На пароходе были только женщины и дети.

Мы поселились под Петроградом у бабушки и деда. Мама дождалась Сорокина, и они обвенчались. Мама была верующая, но в церковь ходила крайне редко. «Они все продались» — не раз я слышала от нее. Под словом «все» она имела в виду и священников, и пасторов, и аббатов.

Мама решила меня всячески обезопасить. На случай провала революции — она меня крестила. Мне помазали лоб водой и подарили крестик. Эренбург поджидал меня у выхода из церкви. Он повел меня в кондитерскую и сказал: «Можешь съесть столько пирожных, сколько захочешь». Он жалел меня, хотя сам был атеистом и относился к храмам как к произведениям искусства. Много лет спустя я спросила отца, почему он не захотел присутствовать при моем крещении, и получила от него краткий ответ: «Я не люблю, когда подавляют личность».

Брак с Тихоном Ивановичем давал маме возможность превратить меня в русскую девочку Ирину Сорокину, что, наверное, очень обрадовало ее отца. Мой дед-немец осудил маму за то, что она вернулась из Франции, куда он ее послал учиться, без диплома (она ушла со 2-го курса медицинского факультета), вдобавок привезла внебрачного ребенка, да еще и от еврея.

На случай победы революции — я родилась не в капиталистической стране, не в Ницце, а в Петрограде. В 1967 году, после смерти Эренбурга, для прав наследования потребовалась моя метрика. Я написала в Ниццу и получила справку, что Клара Шмидт (мама изменила свое немецкое имя на интернациональное — Екатерина, как только приехала в Париж) родила девочку Ирину Наталью; отец, естественно, не был указан. Нотариус, повертев эту бумажку, решила, что моей метрикой будет книга мемуаров Эренбурга.

Драму деда я осознала много позже. Отто Маркович Шмидт начал простым приказчиком в одном из колбасных магазинов

Петербурга, а к 1917 году имел два больших доходных дома в городе, виллу в Лесном и 13 детей. Большая часть из них получила высшее образование. Двоих его сыновей — моих дядей — Германа и Отто расстреляли в 1941 г. за то, что они были немцы. До этой трагедии дед не дожил. К тому времени, когда, по настоянию мамы, я навестила этого чуждого мне старика, он ослеп, ютился в отведенной ему каморке в некогда принадлежавшем ему доме в Лесном и целыми днями на ощупь собирал гвозди на мостовой, чтобы заново построить дома. Я представилась и напомнила, как он моего отца-еврея не пустил в дом, но увидела, что ему стало безразлично, была ли его внучка полукровкой, дочерью известного писателя Эренбурга. Я убрала комнату, перемыла посуду и с легким сердцем ушла. Дети присылали ему продукты, звали его к себе, но он ни к кому из них не поехал и умер в полном одиночестве на груде ржавых гвоздей.

Никто из взрослых не нашел нужным объяснить мне перемены, произошедшие в моей семье. Я всю жизнь называла Сорокина папой, а Эренбурга Ильей.

Мы уехали в Москву. Меня повели в Большой театр на оперу «Хованщина». Мне очень понравились красные бархатные кресла и костер, от которого в зал шел дым. После спектакля на сцену вышел солдатик на костылях и о чем-то просил. Ему бросали цветы. Мне было его очень жаль.

В Москву должны были приехать бабушка и дедушка со стороны отца, но мы, не дождавшись их, «бежали» на Кавказ. На самом деле мы не бежали, а ехали в переполненном вагоне, ехали очень долго, задыхаясь от духоты, стекла нельзя было опускать — на крыше вагона были люди, которые крюками вытаскивали вещи пассажиров. Несмотря на мамины предосторожности, у нас украли чемодан.

Наконец мы приехали в Тифлис. Все улицы или поднимались вверх, или шли вниз. Большинство прохожих говорило на непонятном языке. Я очень быстро забыла Петроград, забыла французский настолько прочно, что через семь лет, приехав во Францию, учила его заново, забыла отца и всю свою шестилетнюю жизнь.

Поселились мы с мамой и папой в длинной квартире на втором этаже. Все окна-двери выходили во двор, на один общий балкон. Мы, дети, проводили весь день на этой крытой веранде.

Меня отдали в русский детский сад, где учили грамоте. Мама сшила мне из мешковины ранец, в нем лежали тетради, ручка и непроливашка с чернилами. Каждое утро мама всовывала в ранец сверток с завтраком. На перемене я его вынимала и долго

обнюхивала. Он пах не только едой, а еще и маминым руками и домом. Съев завтрак, я нетерпеливо ждала, когда меня заберут из этого тоскливого, враждебного мира и я снова буду играть на балконе в пятнашки, казаки-разбойники, в войну, о которой все время говорили взрослые.

Весной мама легла в больницу, а я временно переселилась к соседке. Из группы меня забрали. Говорили, что опасно ходить по улицам — стреляют. Детям запретили даже спускаться во двор. Деревья покрылись листьями, а холмы, которые были видны с балкона, стали зелеными и бархатными, как мой крокодильчик…

— Завтра привезу тебе сестричку, — сообщил мне папа. — У нее нос крышей, — добавил он.

Мама действительно принесла девочку, но носик у нее оказался самым обыкновенным. Он не был покрыт черепицей, как я ожидала, и я потеряла всякий интерес к Наташе.

Вскоре после появления у нас нового члена семьи папа уехал, а вслед за ним «бежали» и мы. В этот раз мы «бежали» пешком.

По Военно-Грузинской дороге тянулся обоз беженцев. Уныло скрипели арбы, нагруженные узлами и чемоданами. По обочине, в облаках пыли понуро плелись наши мамы. Все они были одеты по-городски: туфли на каблуках, соломенные шляпы или панамки, длинные платья. Многие из них, и мама в том числе, вскоре разулись и брели босиком. Детей было очень много. Вначале мы собирали цветы, ловили бабочек, бегали наперегонки и даже играли в разбойников, хотя всем нам было ясно, что «бежим» мы именно от разбойников. Наше путешествие казалось нам сказочным…

Потом нас начали мучить голод и жажда. Какие-то запасливые женщины совали нам на ходу еду, давали по глотку воды из бутылок. У меня отчаянно заболели ноги, но я долго крепилась — мама несла на руках Наташу. Солнце пекло все сильнее, дети начали хныкать, и возчики разрешили детям взобраться на арбы. Я устроилась на чьем-то узле, и мама мне сунула орущую Наташу. Смешно получилось с сестренкой. Папа сказал: «Мама уехала за братиком». Но вскоре они переменили решение, и мама привезла девчонку. Сидя в душной арбе и все время стукаясь о деревянные дуги брезентового верха повозки, под плач сестры, я блаженно дремала.

К ночи обоз дотащился до какого-то аула. Грязная полутемная корчма показалась мне волшебным дворцом. Да и остальным, видимо, тоже. Все, несмотря на усталость, смеялись. Мама перепеленала Наташу, накормила ее, и та наконец замолчала. Детей разместили на скамьях, а женщины легли на пол, на узлы.

Я проснулась от выстрелов. В кромешной темноте корчмы стоял такой вой, что я не слышала своего голоса, хотя, казалось, кричала. А может быть, от ужаса молчала? Кто-то упал на меня, но я вцепилась в скамью и не свалилась. Наконец зажгли свечу. Мама, зажав под мышкой Наташку, бросилась ко мне.

— Ничего не болит? Жива? Да отвечай же!

На длинный стол поставили керосиновую лампу, и все постепенно успокоились.

Оказывается, в корчму ночью ворвалось несколько человек. Они выстрелили в лампочку и в воздух, схватили часть наших вещей и скрылись. Возчики, которые спали в своих повозках, ничего не слышали.

Мы прибыли во Владикавказ. Нас поселили в подвале бывшей гимназии. Здесь было очень тесно и почти совсем темно. Ходили по узким проходам-тропинкам между лежащими вещами и людьми. Вначале доедали запасы, привезенные из Тифлиса, потом стали выдавать скупые пайки, а грудным детям — по половнику молока в сутки. Помню, с какой тоской я смотрела, как Наташа, посинев от плача, выплевывала соску с драгоценной белой жидкостью. Кто-то из взрослых сказал:

— Безобразие! Здесь дети голодают, а в городе купаются в молоке!

Когда-то, наверное, у бабушки в Петрограде, я купалась в ванной, и перед моими глазами встала картина: полногрудая розовотелая женщина погружается в кремовое молоко с пенками и лакает его, как собачка.

В таинственный город детям выходить запрещалось. А больше всего на свете хотелось выскочить на свежий воздух, увидеть солнце, траву. И вот раз, воспользовавшись тем, что мама отвлеклась разговором в углу подвала, а дежурный пошел разнимать драку в очереди за молоком, я прошмыгнула в заветную дверь и оказалась на большой, ярко освещенной солнцем, высокой до самого неба площади. Вдали виднелись зеленые деревья. Я побежала к ним, и сразу же засвистели пули. Знакомый звук по Тифлису. Там стреляли все время. Я все-таки добежала до парка и вцепилась в ограду. Страх мгновенно прошел — деревья мне показались надежной защитой. Я хотела перелезть через решетку и замерла с занесенной вверх ногой. На толстых ветвях деревьев висели люди в нижнем белье. На груди у них болтались, непонятно зачем, дощечки. Меня кто-то схватил в охапку, перенес через площадь и, сунув в подвал, исчез. Так я и не знаю, кто меня спас. Мое отсутствие длилось очень недолго. Дежурный еще не вернулся на свое место, плакса Наташа по-прежнему спала, мама продолжала свой разговор в другом углу

подвала. Вернулась она к нам мрачная.

— Ирина, — обратилась она ко мне, и по ее тону я поняла, что она все знает, но я не угадала. — Папы в городе нет. Сегодня ночью мы уедем отсюда. Попробуем его найти.

— Вот и хорошо. Мне здесь очень скучно. Мамочка, — начала я своим самым жалким голосом исповедоваться в своем поступке, но мать меня оборвала:

— Ты уже большая. Перестань ныть.

Впервые я что-то скрыла от мамы.

— Проснись же наконец! Понесешь вот эту корзинку, — шепотом говорила мама в ту же ночь. Рядом с ней стоял незнакомый бородатый старик. Он взвалил на плечо наш узел, мама понесла Наташу, и мы, осторожно пробравшись среди спящих, вышли на площадь. Я зажмурилась от страха, но пули не свистели, было невероятно тихо, с неба глядели на нас звезды, чернели деревья, но я отвернулась, чтобы не увидеть еще раз повешенных людей.

Бородач повел нас темными дворами и проулочками. Мама была напряжена, а я была в восторге от нашего ночного похода. Время от времени мы почему-то заходили в какую-нибудь подворотню и, замерев, к чему-то прислушивались. Я поняла, что нужно молчать. Наташа спала. Наконец мы вышли в поле, где стояла запряженная повозка старика. Только тогда я решилась шепотом спросить маму, куда мы едем. «К папе».

Ехали мы всю ночь. Или мне так показалось. Я просыпалась то среди леса, то в степи, но, посмотрев на прямую спину мамы, тут же засыпала. Вдруг лошади понеслись и захрапели. Возчик, стоя, подхлестывал их и кричал тонким бабьим голосом: «Волки! Волки!» Вдоль дороги тянулся черный лес, и там, среди деревьев, двигались огоньки-глаза волков. Мама, прижимая одной рукой Наташу, другой меня, всхлипывала. Я не знала, что мама может плакать, и мне стало очень страшно. Волков я не видела, и не они меня испугали, а мамина беспомощность. Я окончательно проснулась, когда вокруг нас посветлело. Мы стояли в степи. Мама расшнуровывала ботинок и ругала старика. «Совести у вас нет. Изверг. Куда же я без денег денусь с детьми!» Возчик тупо повторял: «Давай все, а то — ссажу». Мы поехали дальше. У околицы какой-то деревни мама стащила с телеги наши вещи, посадила меня их стеречь, а сама — с Наташей на руках — ушла искать жилье. Мы поселились в Екатериноградской станице.

Когда мы вернулись с Кавказа в Петроград, мама рассказывала при мне своей младшей сестренке Элечке, указывая на меня, что Эренбург все эти годы разыскивал нас, волнуясь за судьбу своей дочки. Я, молча, удивилась, что у меня два папы, но

тут же забыла об этом открытии. Недавно, перечитывая письмо Ильи к поэтессе Меркурьевой[3], я наткнулась на такую строчку: «Я узнал окольным путем, что мои друзья и дочка из Владикавказа перебрались в Моздок, но ничего от них не имею». Илья это писал из Киева в феврале 1919 г., когда мы с мамой и годовалой Наташей жили в Екатериноградской и искали папу, который в это время лежал в моздокской больнице с очередным тифом.

Мама договорилась преподавать в местной школе, но занятия должны были начаться в сентябре. За избу были отданы пальто и платье, но жить нам было не на что, и мама занялась товарообменом. Все хозяйство легло на меня. Я стала «большой». Я должна была топить печь, варить кашу, кормить сестру. Как это ни странно, всему этому я быстро научилась, хотя бывало, что русская печка не разгоралась, нещадно дымила. Наташа оставалась без еды — или я забывала ее покормить, или каша пригорала — но она была удивительно безропотна и меланхолично сосала уголок наволочки, замусливая его до черноты.

Мама часто уезжала в город; она отвозила туда муку и сушеные абрикосы, а привозила сладкое вино. Ее часто обманывали, но она не видела другого способа заработать, чтобы как-то продержаться до осени.

Первое время мама брала с собой Наташу. Станция находилась в степи. Поезда ходили без всякого расписания. Я должна была прислушиваться к паровозному гудку — если его долго не было, это означало, что мама сидит на станции голодная. Я брала кофейник с крепкой заваркой морковного чая, подкрашенного молоком, лепешку и шла на станцию.

Однажды за мной увязалась Катька, моя подружка. День был знойный. Выжженная степь звенела, над ней висела дымка, и станция — небольшой деревянный сарай — парила где-то на краю света. Вначале мы шли бодро, болтая о деревенских новостях и наслаждаясь одиночеством. Мы с Катькой поклялись, что будем верны друг другу всю жизнь, нашли кусочек стекла и кровью написали свои имена на ладонях.

Потрескавшаяся серая земля немилосердно жгла ноги. Мы попробовали идти на пятках, но и это не помогло.

— Давай посидим, — предложила Катька.

— Вот так бывает солнечный удар, — заметила я. — У нас в Тифлисе был мальчик, которому на голову скатился кусочек солнца, и он умер.

— Брешешь. А знаешь, почему земля трескается? Она внутри жидкая, кипит, и ее распирает. Пить хочется. Не бойся, мамке

останется, — продолжала подружка.

Мы сделали еще несколько шагов, и во рту снова пересохло. Казалось, что язык потрескался, как земля. Кофейник становился все легче, а поезд все не шел и станция приближалась удивительно медленно. Была выпита последняя капля, я села на огненную землю и заплакала. Катька меня не понимала.

— Скажешь, что споткнулась и чай вылился. Делов-то!

Но в эту минуту совсем близко раздался спасительный паровозный гудок, я проследила за змейкой поезда, она остановилась у сарая и почти сразу же поползла дальше. Все в порядке. Мама попьет в городе. У нее не пропадет последнее молоко. Наташа не умрет.

Мария Семеновна, такая же беженка, как и мы, сообщила маме, что большевики победили.

Этой непонятной, но явно интересной новостью я поделилась с моими подругами, объясняя, что в Петрограде есть высоченная башня, на ее площадках разместились белые, зеленые, эсеры. А большевики влезли на самую высокую площадку, теперь командовать будут и в Тифлисе, и в Моздоке, и в Нальчике они. «Мой папа эсер, и я его никогда не увижу», — с поддельной грустью добавляла я, сама не веря ни одному своему слову.

В станице не только дети, но и взрослые не знали, что творится за пределами их деревни. И все эти белые, зеленые и красные — определения неинтересные, не имеющие к Екатериноградской никакого отношения. Поэтому мое сообщение никого не взволновало.

В станице жила сумасшедшая старуха. У нее был двухэтажный каменный дом в глубине заросшего сада, и с улицы видна была только ржавая крыша. Мать троих офицеров, старуха потеряла разум, когда в армию забрали ее последнего сына и он, как и его братья, то ли был расстрелян, то ли погиб. Ее муж-генерал был убит на фронте в самом начале войны. Время от времени генеральша появлялась на базаре в черном кружевном платье с высоким воротничком. Она шла среди рядов, величественная и жалкая, горделиво неся вазу или яркую подушку, и громко объявляла: «Два фунта муки». Свершив сделку, она, не глядя ни на кого, шла домой и исчезала надолго. Никто не бывал в ее доме. Нас мучила тайна ее жизни. И вот однажды Катька собрала ватагу деревенских ребят, и мы, подкараулив момент, когда генеральша ушла в только что открытый кооператив, залезли к ней. Такого запустения я никогда не видела. Каменные, поросшие мхом ступеньки шатались, входная дверь висела на одной петле, потолок был затянут паутиной, пол усыпан штукатуркой, пахло плесенью и было холодно, как в

погребе.

Все молчали, а мне хотелось уйти. Осторожно ступая по сгнившему паркету, мы бродили по пустым комнатам. На стенах висели портреты военных в расшитых золотом мундирах. Огромная кровать — остатки былой роскоши — была покрыта грязным атласным одеялом. Больше мебели в доме не было, наверное, генеральша все стопила. В спальне на одной стенке висели три фотографии молоденьких офицеров, тут же на полу стояла щербатая ваза с крошечными выродившимися живыми астрами. Эти цветы мне напоминали о существовании солнца, жизни, и мы радостно убежали из этого мертвого царства.

С тех пор генеральше никто не кричал: «Бывшая, бывшая, где твои сынки?» Но она, наверное, и не заметила этой перемены. Ей было совершенно все равно, что творится вокруг. Прошло много десятилетий, а я жалею ее.

Становилось все голоднее. Мы уже пекли лепешки из смеси крапивы, лебеды и отрубей, которые я подбирала у деревенской мельницы. В основном в станице жили богатые казаки. Они презирали беженцев за их бедность, за то, что они горожане и не умеют физически работать.

Из города я встречала маму на околице. В этот раз поезд долго не приходил, степь исчезла в ночи и наполнилась какими-то незнакомыми и странными звуками. В деревне стали гаснуть окна, и я, испуганная, побежала домой.

Мама вернулась поздно. Она привезла папу. Он лежал в Моздоке на вокзале в своей неизменной фетровой шляпе и, несмотря на жару, трясся от озноба. Мама, нагруженная Наташей и бочонком с вином, все же доволокла его до поезда и привезла в Екатериноградскую. Все это время, пока мы его ждали, он пролежал в больнице в тифу.

Я, узнав в заросшем щетиной бродяге папу, кинулась было к нему, но он каким-то жалким, тихим голосом остановил меня: «Не надо, Ирина, я болен. У меня возвратный тиф».

Казалось: отец нашелся — наступит счастье. Но мои ожидания не оправдались. На меня навалилась масса новых забот. Мама по-прежнему уезжала в город, у нее окончательно пропало молоко, и Наташу она теперь оставляла дома. На мне лежала обязанность накормить сестренку и папу, а он превратился в ребенка, все время капризничал, нудно требовал белых булочек, взбитых сливок, о существовании которых я давно забыла. Я старалась отвлечь его, рассказывала ему сказки, которые когда-то читали мне, и самое удивительное, что он слушал их, расстраивался плохому концу и требовал к себе больше внимания, чем Наташа.

Как-то мама дала мне денег и поручила сходить на базар и купить отцу яблок. «Много, много…» — прошептал он. Я помнила, что папа когда-то очень любил мозги, и в первую очередь я их и купила, но на яблоки у меня денег не осталось, я попросила Катьку украсть хотя бы одно, зная, что она мастерски ворует. Не успела я отойти от базара, как она нагнала меня — у нее в подоле платья перекатывались два огромных краснощеких яблока. Ликуя, я вручила их отцу, и он заплакал. Как было страшно видеть храброго, сильного папу плачущим.

Я не верила, что он когда-нибудь поправится. Он уже всегда будет лежать, обижаться на мух, на то, что ему не дали соленого огурца или еще чего-нибудь нереального.

Приезжая из города, мама говорила, что власти там все время меняются, но отец интересовался только едой, а я радовалась возможности удрать из дома. Мама принималась за стирку, так и не найдя слушателя.

Однажды, когда мама была в городе, в станицу въехало несколько конников в шинелях. Они попросили ребят, слонявшихся на площади, показать, где живут беженцы. Я топила печь, когда без стука вошли в нашу комнату двое военных и потребовали папу *(так в подлиннике. —* Ред.) показать документы. Я объяснила, что мамы нет дома, а папа болен и разучился разговаривать. По глазам отца я поняла, что это опасные люди и надо защитить его. Но как?

Военные вывалили на пол наше жалкое имущество и приказали папе встать, он не шевельнулся, тогда они перевернули матрац и, свалив больного, ушли. У меня от ужаса не было сил кричать, я была уверена, что папа умер, но только захлопнулась за пришельцами дверь, как он встал и сел на кровать. Слабым голосом он мне велел проследить за всадниками и сообщить ему, когда они выедут из деревни. Это были первые разумные слова папы с тех пор, как мама приволокла его из Моздока.

Папа стал выздоравливать. Теперь он помогал мне, и я смогла изредка, оставив Наташу на него, выкупаться в речке. Маме тоже стало легче: приехав из города, она заставала чистый дом, горячую кашу и накормленных детей. Осенью отец уехал, мама занялась школой. Нужно было привести ее в порядок: вставить стекла, побелить, залатать крышу, завезти дрова. Насколько я помню, этим занимались родители. Пока шел ремонт, уроки проводились во дворе школы, и я, с Наташей на руках, за забором присутствовала на занятиях. Так я вызубрила таблицу умножения, выучила «Отче наш» и узнала о том, что Земля вертится. На том мое образование закончилось: школа была готова, и дети ушли в классы. Их было два.

Во мне проснулось чувство зависти. Все учились, а я вынуждена была сидеть с сестренкой. Я жадно набросилась на чтение. Мама часто привозила из города книги и журналы: комплект «Светлячка»[4], несколько книжек Чарской[5], разрозненное собрание сочинений Достоевского. В «Светлячке» меня особенно пленил Мамин-Сибиряк, над Чарской я плакала, Достоевский на меня произвел гнетущее впечатление. Многое я не поняла, но на всю жизнь неприязнь к этому писателю у меня осталась. Думаю, что частично это вызвано слишком ранним чтением «Преступления и наказания».

Городских в деревне не любили, презирали, но понимали, что они образованные, и обращались к ним за помощью. Мама, кроме того, что преподавала в школе, еще и лечила, так как деревенский фельдшер был вечно пьян. За свои консультации мама получала яйца, молоко и фрукты. К ее советам прислушивались, но вели себя свысока, считая, что раз она получает плату, эта горожанка-беженка обязана им подчиняться. Школьники не слушались никаких увещеваний и, приученные все делать только из-под палки, доводили маму до слез. Не раз она уходила из школы, не закончив урока.

Екатериноградская готовилась к Рождеству, готовилась как к делу первостепенной важности. Откармливали свиней, индюшек и уже дней за десять до сочельника принимались резать всю эту живность, коптить окорока, запекать их в тесте. Во многих хатах жизнь была подчинена предстоящему пиршеству. Мама принесла ветвистое сухое деревце и сказала, что его надо украсить. Елки здесь не росли. Вечерами, когда Наташа спала, я клеила из газет игрушки, гирлянды, корзиночки. Каким-то чудом удалось раздобыть белоснежную вату для снега, и таким образом сухая ветка стала отдаленно напоминать рождественскую елку. Наступил сочельник. Накануне приехал папа. Как только стемнело, меня с Наташей отправили на улицу и сказали, чтобы мы не возвращались, пока нас не позовут. Войдя в дом с Наташей на руках, я застыла от изумления. Деревце превратилось в елку благодаря множеству горящих свечек. Тут же за моей спиной открылась дверь, я почувствовала струю холодного воздуха, обернулась и увидела настоящего Деда Мороза с большой седой бородой. Он, молча, вынул из своего мешка какие-то свертки, положил их под деревцо и молча вышел. Вскоре вернулся от соседей папа, и я ему рассказала, что даже в Екатериноградскую приходит Дед Мороз. Мне он принес кулек с конфетами и куклу, маме шаль. Папа поцеловал нас и поздравил с праздником.

В Ницце, когда наша собака Юрза попала под машину, я молилась за нее в католическом костеле, куда меня повела моя

кормилица. В Екатериноградской я часто ходила в церковь. Я не понимала разницу между православной и католической религиями. Думаю, что если бы в станице была синагога или костел, я стала бы иудейкой или католичкой. Я соблюдала все православные посты, исповедовалась, выстаивала, когда было время, богослужения. В Париже я тоже пошла в церковь. Тут моя вера кончилась. То ли поп мне не понравился, то ли пришло время, когда мне не нужна была больше религия.

Я проснулась от того, что меня трясла мама. Она умоляла меня сбегать за бабкой Анфисьей. «Она все знает». На улице стояла ночь, но я не осмелилась перечить маме.

На рассвете мама, запершись в комнате с бабкой, так стала кричать, что я, держа Наташу на руках — в свои два года она еще не ходила, — плакала навзрыд, но сестренка, ничего не понимая, требовала, чтобы я ее покормила. Я ее щипала и возмущалась тем, что можно думать о еде, когда мама умирает.

Наконец нас пустили в комнату. Мама была живая, это главное, а то, что у меня родился брат, меня сначала не интересовало.

Братик оказался очень смешным, с длинными темными волосами и, несмотря на голод, довольно толстенький. Мама мне поручила отправить папе телеграмму: «Сережа приехал». Видимо, мама стыдилась глагола «родился». Маленькому Сереже пришлось сразу же познакомиться с нашей действительностью. Мама заболела родильной горячкой, и я поила братика разбавленным молоком, а когда не было молока, по деревенскому способу прожевывала ложку пшенной каши, заворачивала эту еду в тряпочку и совала малышу в рот. Я занозила себе ногу, и у меня началась флегмона с высокой температурой. Я лежала, а мама набивала печь дровами — благо она сделала запасы, ставила в печь кашу и успевала накормить нас до того, как у нее поднимался жар. Молоко нам иногда приносили. Но вот настала катастрофа: в ведрах кончилась вода. Я понимала, что мы все умрем без воды. Целый день к нам никто не заходил. Только поздно вечером к нам пришла мамина знакомая и притащила воды.

В тридцатых годах я поехала в Екатериноградскую за какой-то справкой для папы, который поступал на работу в Торгсин (руководила тогда этим заведением жена Каменева). Шла коллективизация. Истребление крестьян. Оно не обошло и станицу Екатериноградскую. Я увидела мертвую деревню. Окна домов были забиты досками. Некогда богатые огороды поросли сорняком. Роскошные абрикосовые деревья почему-то прогнулись, дали трещины. На церковной площади росла трава, в церкви

давно не было служб. Я увидела детей с вздутыми от голода животами. Советская власть, которая мне нужна была для справки, находилась в поле — пасла колхозное стадо. Я отправилась туда. Вокруг костра сидели девушки и парни. Они варили все ту же пшенную кашу. Приняли меня приветливо, угостили кашей, выдали справку, и я с ними проговорила всю ночь до утра. Их мобилизовал комсомол. Они приехали из Моздока в деревню, откуда выселили крестьян в Сибирь, часть из которых была расстреляна. Мои новые знакомые жалели так называемых кулаков, они их уже не застали, но увидели разоренную станицу. И я их жалела, хотя помнила свое голодное детство в этой некогда зажиточной станице. Удивительно, по тем временам, что никто из ребят на меня не донес, и я благополучно вернулась в Москву.

Самым трудным было пилить дрова, особенно зимой. У нас была большая пила, которой мы плохо владели: она то и дело соскакивала с бревна, делала новые и новые углубления, ее часто заедало. Руки замерзали, становились чугунными, потом мы прислонялись к печке, пальцы начинали согреваться, и мы с мамой стонали от боли.

В нашей жизни бывали разные периоды: лепешки из кукурузной муки сменялись, когда мука кончалась, воблой — она висела гирляндами у печи, — после этой рыбы, которой пропахла вся наша одежда, в доме появился целый мешок пшена, потом настало время отрубей. Как-то мама, уезжая в город, обещала что-нибудь привезти вкусное. Вернулась она вечером, дети уже спали. По радостному выражению лица мамы я поняла, что она принесла нечто очень необычное. Мы с ней сели за стол, она налила в блюдце ароматное настоящее подсолнечное масло, вынула из мешка серую мучную лепешку, и мы, молча, сосредоточенно стали макать куски лепешки в золотистую жирную жидкость. Я не помню, чтобы я когда-нибудь ела что-то вкуснее этого. Судя по маминому счастливому лицу, она была того же мнения.

Иногда мама мечтала вслух или просто хотела утешить меня. Она говорила, что скоро все будет замечательно, у всех будет еда, все смогут учиться, я пойду в школу, Наташа — в детский сад, а Сережа — в ясли. В эти минуты я себя чувствовала мудрее мамы. Я верила только в Христа.

В станице открыли кооператив. Лавка упростила жизнь деревни, отпала необходимость ездить в город за фабричными товарами. Заведующий, он же и продавец, был прислан из города. Этот огромный детина был единственным представителем новой власти в станице. Но вскоре, рано утром, когда Степан — так звали продавца — открывал лавку, его застрелили. Товары тут же

разграбили, и кооператив навсегда прекратил существовать *(так в подлиннике.* — Ред.).

На станицу налетела саранча. Стая закрыла собой солнце, стало темно. Все жители Екатериноградской побежали в поле: взрослые с криками и плачем, а детвора — из любопытства. Я помню страшное зрелище: поле и степь были покрыты жирными прожорливыми насекомыми, солнце вновь сияло, а крестьяне топтали саранчу, размахивали палками, метлами, горящими факелами, но ничто не могло тронуть стаю с места. Беспомощность взрослых меня поразила. Так же внезапно, как она прилетела, саранча поднялась в воздух, снова заслонила было солнце. Мы увидели совершенно голые поля, степь. Прожорливые насекомые не оставили ни травинки. На улицах валялись трупы жирной саранчи, я боялась на них наступить босыми ногами, а Катька с наслаждением их давила.

Первое время по настоянию мамы я носила трусики, ни у кого из девчонок их не было, и все задирали мне платье, обзывали городской. И поэтому, когда с веревки сушившегося после стирки белья украли несколько пар моих трусов, я была счастлива. Теперь я стала окончательно деревенской.

В станице существовали разные способы пропитания. Я быстро их освоила. Летом на крышах сушили абрикосы. Спелые фрукты разрезали пополам, вынимали косточку и клали на расстеленную на крышах домов мешковину. Они на солнце превращались в курагу. Мы незаметно палками сгребали теплые абрикосы и поспешно сглатывали их, почти не разжевывая.

Походы на огороды были очень распространены и даже не считались кражей. Шустрая Катька открыла еще один источник насыщения. В День поминовения усопших все жители деревни отправлялись на кладбище. Несли в горшочках кутью и на могилах ели ее. Катька повела меня на кладбище: все угощали нас рисовой кашей с изюмом, и я до сих пор помню, что в этот день я наконец-то поела досыта.

Когда поспевают арбузы, в деревне начинается варка повидла. На церковной площади разжигаются костры. В огромных, подвешенных над кострами чанах кипит бурая густая жидкость. Ее надо время от времени помешивать. Вокруг костра устраиваются на всю ночь целыми семьями. Не было силы, которая в такую ночь удержала бы меня дома. Мама это знала. У моих подружек не было своих арбузов, и мы пристраивались к чужим котлам. С повидла снимали пенки, и они доставались детворе. Горящие среди темной ночи костры создавали таинственную атмосферу: здесь говорили о привидениях, о загробном мире, о подвигах казаков, легендарных героях. Я

рассказала Катьке, что наш мельник Костюков на самом деле Синяя Борода, и сама в это поверила. Мы долгое время боялись проходить мимо мельницы… К нам присоединялся деревенский пастух. О нем говорили, что он юродивый, но теперь я понимаю, что он был поразительно доверчив, а это считалось ненормальным. Например, мальчишки ему совали пакет с дохлыми мышами и говорили: «Вот тебе гостинец». Он благодарил, улыбался, разворачивал подарок и недоумевающе смотрел на ребят, которые радостно хохотали. Его укоряли: «Миша, почему ты не гонял коров на речку?» Он совершенно серьезно отрицал это обвинение, не понимая, что его дразнят.

В деревне было много собак. Щенят обычно топили, а иногда слепых, но живых бросали просто в овраг, куда на тачках свозили помои. Мы пробовали спасать этих несчастных щенят, но они у нас умирали. Мы их хоронили, орошая слезами могилки, и снова пытались выкормить новых щенят. Но все же рыжей Любке удалось вырастить маленькую собачку, которая неотступно следовала за ней и даже сопровождала ее в школу и тихо сидела в классе у ее ног.

На крышу церкви влезла какая-то женщина. В деревне говорили, что она сумасшедшая, ее надо снять. Одни уверяли, что это Матрена, у которой умер ребенок, другие утверждали, что она пришлая. Весь день глазели на нее, слушали, как она пела, и толковали о том, как бы снять эту рехнувшуюся. Но настал вечер, все с площади ушли, а сумасшедшая продолжала петь, стоя у колокольни. Зеваки, расходясь, утверждали, что ночью она сама спустится.

В эту ночь мама оставалась в городе. Я уложила Сережу и Наташу, плотно закрыла ставни, задвинула засов двери, но грустное пение с колокольни было слышно в комнате, и мне стало страшно. Я вспомнила разговоры, что сумасшедшая, может, ночью спустится. Наш дом стоял ближе остальных к церкви. Бесспорно: она придет к нам. Она может убить Наташу и Сережу. Поборов страх, я приоткрыла дверь. Женщина на церкви уже не пела, а тихо выла. Значит, она не спустилась. Засунув железный болт на дверь, проверив ставни, я легла. Сумасшедшая то голосила, то принималась кричать, угрожая кому-то, то пела. Наибольший ужас меня охватывал, когда она замолкала. Мне слышались ее шаги у нашего дома, шорох у входа. Если она ворвется к нам, у меня не хватит сил ее вытолкнуть. Я придвинула стол к входу, окна перегородила скамьями, детей переложила на свою кровать. Всю ночь напролет я металась между детьми и окнами, плакала, зарывшись в подушку. Вооружившись кочергой и угольным утюгом, изображала из себя

грозного сторожа, обнимала спящих брата и сестру и, конечно, не могла заснуть, стараясь придумать способы защиты. К рассвету женщина умолкла. Было уже совсем светло, когда я решилась открыть ставни. Ее сняли и, связав, куда-то повели. Я увидела ее измученное лицо, ее полный тоски взгляд, устремленный к небу, и мне стало стыдно за свой страх.

Мама, выслушав мой рассказ, согласилась со мной, что надо завести собаку. Мы взяли ее на рынке и назвали Кудлашкой. Она была очень ласковая и верно сторожила дом, но когда она ощенилась — это произошло ночью под хатой, — она превратилась в озабоченную и напуганную мать. Мне очень хотелось посмотреть на щенков, но я понимала, что Кудлашка правильно поступила, мама бы наверняка часть из них утопила. К нам в комнату Кудлашка заходила только поесть и тут же залезала в свое убежище. Наконец она вывела своих детей на свет божий. Их оказалось пять штук. Вскоре дети стали Кудлашке чужими, и она опять превратилась в приветливое создание.

Мама притащила из Моздока очередной бочонок кагора и, не успев все вино обменять на курагу, уехала в город. Пришла покупательница и попросила меня налить полный кувшин. Я решила обрадовать маму своей распорядительностью. Я видела, как мама из бочонка наливала вино: она засовывала в бочонок резиновую трубку, сосала другой ее конец и его совала в бутылку, держа ее ниже бочонка. У меня все получилось, женщина сказала, что рассчитается с мамой, и ушла. Я накормила детей и вдруг вспомнила о сладком вкусе вина. Мне захотелось распробовать кагор — выпила я, наверное, немного. Помню, что вино мне не понравилось, но когда приехала мама, соседи рассказали, что я, шатаясь и распевая непонятные песни, ходила по деревне. Меня все видели, но никто не знал, куда я делась.

После того как мама решила, что я утонула в речке, и залилась слезами, Наташа вдруг, поняв, что меня ищут, меланхолично сказала: «Ириша спит», — и пальчиком показала под кровать.

Мне не влетело, да я думаю, что мое состояние, когда я проснулась, было самым действенным наказанием.

Теперь все чаще к нам приезжал папа, они с мамой говорили о переезде в Нальчик. Мне не хотелось уезжать от моих подруг, жаль было расставаться с деревенской жизнью. Я забыла, что когда-то была городской, а ведь в Екатериноградской я провела всего два года.

В Нальчике мы поселились в великолепном доме с большим фруктовым садом. Эта усадьба принадлежала богатому фабриканту, бежавшему за границу. Все Затишье состояло из дач

с садами. Вдали виднелись зеленые горы, а за ними — вечноснежные вершины. Это дачное место — километрах в двух от города — тогда было населено почти исключительно интеллигенцией. Маме казалось, что у меня появятся совершенно иные подруги, чем в деревне. Она забывала, что все мои однолетки не видели своих родителей, несли отнюдь не детские обязанности и рано повзрослели. Такое было время. Правда, здесь не было богатых, не было и голодающих. Нас окружали такие же люди, как мои родители. Наш сад был засажен яблонями, смородинными кустами, но за ним никто не ухаживал, и он одичал. Мама достала специальные книги и решила его восстановить.

Впервые я увидела, что у мамы есть друзья. В Затишье образовалась сельскохозяйственная артель. Она состояла из людей вроде моих родителей, впервые в жизни имевших дело с землей, — из городских, лишенных деревенского практицизма. Все они служили в Нальчике. Однажды папа взял меня с собой на базар. Мы купили несколько кур и козу с козленком. Мама одобрила наши покупки, считая, что вся эта живность обеспечит нас яйцами и молоком. Куры пожелали нестись не в курятнике, а где попало, преимущественно на деревьях, и я с шапкой в руках пыталась поймать хоть одно яйцо до того, как оно упадет на землю. Уход за козой был тоже поручен мне. По утрам полагалось мне с Сережей и Наташей пасти козу и следить, чтобы ее сынок не высосал молоко. Но козочка больно бодалась, не желала слушаться меня, шла куда ей вздумается и, конечно, давала как следует поесть козленку. Маме сказали, что на вымя козы надо надеть мешочек. Иногда нам удавалось нацедить немножко молока, но большей частью Пушок или срывал мешочек, или сосал сквозь него.

Несмотря на все эти неудачи, мама завела еще уток и одну из них подарила мне. В усадьбе был небольшой пруд, и они в нем грациозно плавали. Моя уточка оказалась селезнем, как и остальные три из купленных мамой шести уток. Мой селезень не причинял мне никаких огорчений и бежал ко мне, когда я его звала.

Помню, как я впервые месила тесто. Теперь у нас была мука, и мама довольно часто пекла свой хлеб. Я знала, как нужно обращаться с тестом. Раз мама куда-то спешила, и я заверила ее, что справлюсь с опарой. Когда в большой макитре жидкое тесто стало пузыриться, я высыпала на деревянный стол муку, сделала лунку в горке и вылила в нее содержимое глиняного горшка. Тесто начало пробиваться сквозь мучную гору и стекать ручейками на пол. Я бегала вокруг стола и затыкала бреши, а они

появлялись в новых местах. Тогда я залезла на стол и, поливая слезами непослушную массу, стала ее загребать в объятия. После долгих мучений я замесила тесто, но когда пришла мама, она долго смеялась, уверяя, что не может понять, где я и где опара.

Неудачи преследовали артель. Град побил гречиху, когда она цвела, вредители съели часть овощей, капуста не желала закручиваться в кочаны, фасоль оказалась кормовой. Вся надежда была на картофель, но и его члены артели не сумели выкопать полностью, и вслед за ними мы, дети, набирали с брошенного поля целые мешки картошки.

К осени мама перестала говорить о своей мечте поселиться в Затишье навсегда. К тому времени папу отсылали в Петроград, и было решено, что мы поедем вслед за ним. Началась ликвидация хозяйства. Козу и козла мама продала, кур и уток попросила зарезать. Я не могла понять, почему она не выпустила птиц на волю, но мама терпеливо объяснила, что путь предстоит длительный, и надо взять запас еды. Перед самым нашим отъездом Кудлашка ощенилась. Я наткнулась на ведро, в котором лежали утопленные мамой дети Кудлашки. Признаюсь, что этого поступка я маме никогда не простила. В течение некоторого времени я не могла смотреть ей в глаза. Но Кудлашку мы не смогли увезти, нам твердо сказали, что в поезд ее не пустят.

Куры и утки были прокопчены, собака пристроена у хороших людей, дом сдан городскому комитету, и мы вчетвером погрузились в поезд на Петроград. Ехали мы недели две, стояли иногда на станциях, иногда в поле. Отправлялись без всякого расписания. В вагоне налаживался быт. Я считала свою багажную сетку постоянным домом. У меня появились друзья и враги. В поезде мне было нестерпимо тесно. Я организовывала игры, мы бегали по всему набитому составу, прыгали с полок, норовили выскочить в заснеженное поле, когда поезд останавливался, и вызывали ярость у взрослых пассажиров. Угомонившись, я брала к себе в сетку Наташу и рассказывала ей сказки, изображая при этом льва, тигра и волка, и доводила девочку до слез. Это было мое любимое занятие. Мне влетало, и мама забирала у меня сестренку. Я клялась, что больше не буду, но в следующий раз все повторялось.

Наконец мы дотащились до Петрограда.

Нас никто не встретил. Поезд пришел вечером, опоздав на неделю. Неожиданно мама растерялась. У нас были тюки. На извозчика денег не хватало, мы сидели на вещах, какие-то люди предлагали отвезти нас в Лесное на тележке, но мама понимала, что Сережа и Наташа замерзнут. В Лесное шел трамвай, но с узлами нас не впустили и еще обозвали цыганами. Я предложила

маме с детьми поехать в трамвае, нанять тележку, погрузить в нее вещи. И я бралась сопровождать возчика. Мама дала человеку с тачкой адрес и шепнула мне, чтобы я кричала, если старик окажется негодяем. Мы все были почти босыми и после теплого климата Кавказа попали в суровую петроградскую зиму. Мама сняла с себя носки и надела на меня. Старик впрягся в тележку и велел мне идти сзади и следить за тем, чтобы вещи не упали. Пока мы шли по городу, я с интересом смотрела по сторонам, но вот мы вышли в заснеженное поле и я вспомнила мамин совет: «кричи». Вокруг не было ни души. Началась вьюга. Снег забивался в рот, глаза. Ветер раздувал мое пальтишко, руки окоченели. Я попросила старика, чтобы он разрешил мне сесть на тележку. Но в ответ он сказал, что я замерзну, и предложил толкать тележку. Тихо плача от холода и страха, я послушалась его. Мы шли и шли. Появлялись огни каких-то строений, потом исчезали. Мы оказывались снова в поле, и все не было и не было Лесного. Когда мы доехали, мама меня так обцеловала, как будто мы не виделись много лет. Тетя Эля, совсем молоденькая, чем-то меня обтирала, охала от моей худобы — «одни ребра», от моих побелевших пальцев на руках и ногах. Все восторгались тем, что я выросла и говорю по-русски. Она помнила ту французскую девочку, которая некогда приехала из Парижа, а я забыла, начисто забыла, что я прожила первые свои шесть лет во Франции.

Старика, привезшего наши узлы, мама посадила с нами пить чай. Я увидела, что у него доброе лицо и он совершенно не был похож на разбойника. Дуя на чай, он подмигивал мне и говорил о том, как я его боялась. Он угадал мои мысли, а я, согревшись, заливалась счастливым смехом.

Жизнь в Лесном была сказочной. Неожиданно я стала ребенком. Заботу о Наташе и Сереже взяла на себя тетя, а я получила возможность кататься на санках, читать и играть с соседними ребятишками.

Мы переехали в город. Состоялся семейный совет, в котором больше говорил папа. Он был уверен, что я поступлю в школу. Он же меня повел в Алферовское училище[6] на приемные испытания, на которых я провалилась. Помню его возмущение: «Она столько прочитала, знает таблицу умножения, пишет. Но их, видите ли, не устраивают авторы прочитанных девятилетней девочкой книг, они возмущаются, что она пишет печатными буквами, но они забывают, откуда она приехала!» Гнев папы полностью разделяли моя тетя Эля и ее муж. Мама сразу же отдала меня в частную группу.

Мы жили на Фонтанке в большой многокомнатной квартире, но жилой была одна комната, в которой стояла железная

буржуйка с длинной трубой. Из стыков этой трубы капала черная жидкость, ее нельзя было отстирать, ею было помечено все наше белье, но зато в комнате было тепло. Частную группу вели Станюковичи, которые жили тоже на Фонтанке, при Доме быта Шереметьевых. Красивый желтый особняк был закрыт, в нем собирались открыть музей. В одном из флигелей, кажется, жила странная дама. Высокая, худая, закутанная в черную шаль, она выделялась своей горделивой осанкой, за что я ее про себя называла королевой. Кирилл Станюкович[7] как-то сказал мне, что она пишет стихи и зовут ее Анной Ахматовой. Ее стихи я прочитала много позже и познакомилась с нею, вернувшись из Парижа. Я ее запомнила во дворе Шереметьевых. С внуками Станюковича — Алешей[8] и Кириллом мы шли после занятий на Моховую в театр Юного зрителя. С тетей Элей и Наташей мы были на спектакле «Конек-Горбунок». Я полностью отключилась от окружающего мира и в какой-то момент вбежала на сцену с криком: «Так нельзя! Это несправедливо!» Меня с трудом успокоили. С тех пор началась моя дружба с актерами. Я могла с моими друзьями присутствовать на репетициях, в костюмерной и на любых спектаклях. Кириллу и Алеше вскоре театр надоел, а я осталась ему верна до своего переезда в Москву.

В Петрограде мне нравилось жить. Наш дом находился в глубине двора-колодца. По Достоевскому именно такой двор должен быть в Петрограде. Чтобы попасть к нам, нужно было пройти еще два таких же колодца, в одном из них находился Зимний сад. Погибшие от мороза пальмы восхищали меня своей необычностью, а сама оранжерея, несмотря на частично выбитые стекла, называлась детьми всех трех дворов почему-то Зимним дворцом.

Улицы никто не чистил, люди по сугробам тащили дрова для буржуек, ящики с посылками «Ара»[9]. Илья тоже посылал нам «Ару». Помню поразившую меня своей белизной муку и яркие акварельные краски, которые я не удержалась и лизнула. Город жил впроголодь, длинные очереди выстраивались у магазинов с ночи. Трамваи ходили редко и были набиты, но все эти трудности мне казались незначительными по сравнению с жизнью в Екатериноградской: здесь нас не презирали за то, что мы беженцы, все одинаково недоедали. Во всяком случае, так мне казалось.

Мне было 12 лет, когда я снова познакомилась с отцом. Я не знала, что он поэт и писатель, успевший к тому времени выпустить сделавший его знаменитым роман «Хулио Хуренито». Он мне понравился, потому что относился ко мне с уважением и считался с моим мнением. Я его полюбила.

Илья договорился с мамой и папой, что я временно поживу у него, окончу школу и вернусь в Москву. «Получишь настоящие знания и приедешь обратно. Согласна?» — спросил он меня. «Еще бы!» Откуда мне было знать, что я буду так стремиться в Россию.

Сорокины собирались переехать из Петрограда в Москву, а пока я поселилась в Кривоколенном переулке у сестер Ильи. Перед своим отъездом в Берлин он меня познакомил со своим другом юности Николаем Ивановичем Бухариным, который был тогда редактором газеты «Правда». Как член Центрального Комитета он обещал достать все документы для моей поездки в Германию.

В большой коммунальной квартире Белла[10], Женя[11] с мужем Левой и их сыном Юркой[12] занимали огромную комнату — бывшую гостиную некогда роскошных апартаментов, хозяйка которых ютилась в клетушке для горничной и давала уроки французского языка.

Юрка, мой двоюродной брат, был избалованным хорошеньким мальчиком в кудряшках. Его отец, Лева — рыжий польский еврей из Лодзи — нэпман, торговал драпом. За несколько месяцев до моего переезда в Москву он попросил разрешения вернуться в Польшу. Женя и Юрка должны были поехать позже, когда Лева откроет свое дело. А пока что — он ждал разрешения и панически боялся, что его арестуют до того, как он получит заграничный паспорт. На нервной почве он все время чесался и подметал сыпавшиеся из-под его длинных ногтей струпья. Помню его в кальсонах с завязками, с совком и щеткой, бегающим по комнате, скребущим свое рыжее тело. Когда кто-то приходил к нему, он за ширмой надевал костюм и деревянным аршином отмерял кусок требуемого драпа. Большие рулоны разноцветной материи стояли в комнате. На входных дверях висела блестящая табличка:

«Л. Каган. Три длинных звонка и один короткий».

Вскоре Лева уехал в Польшу, и я больше никогда его не видела. Женя, видимо, его любила. Во всяком случае, в Париже у ее кровати стояла его фотография.

Женя вела хозяйство. Белла была похожа на Илью. Она торговала на Сухаревке сахарином и приносила полотенца керенок, которые она дома разрезала. Была еще одна сестра — Маня[13], слывшая красавицей. Маня была больна манией преследования, и никто не знал, где она жила. В Париж она приехала позже сестер. Во время оккупации Белла и Женя с Юркой выжили, никуда не уезжая. Их никто не выдал, а Маня погибла, ведь никто не знал ее адреса. До войны она изредка приходила к Илье в кафе. Одета она была как нищенка. У нее

были пряди волос разного цвета — лиловые, желтые, зеленые. В то время она зарабатывала тем, что показывала на своих волосах клиентам какой-то парикмахерской разные оттенки красок. Я стеснялась тети, а Илья радовался, что она появилась, и отдавал ей все деньги, которые у него были. Брата она боготворила, говорила ему нежные слова, но своего адреса не давала. Белла и Женя тоже очень любили Илюшу: первая — переписывала его статьи, а вторая — угощала очень вкусными блюдами, зная его вкусы. Все три сестры были убеждены, что в Эренбургах течет голубая кровь. Откуда? Для меня это так и осталось загадкой. Тети были избалованы, но удивительно приспособились к бедности. Никогда ни на что не жаловались. Белла и Женя любили цветы. В Париже они ходили на рынок, когда он закрывался, и подбирали валявшиеся на земле сломанные гвоздики, розы, гладиолусы, а дома составляли букет. Так они украшали свою жизнь. Анна Борисовна, их мать — моя бабушка, считала, что женщины должны быть хорошо одеты. Она приучила их к хорошим и модным вещам. В Париже Белла и Женя придумали, как обмануть нищету. Они покупали в универсальных магазинах то, что им нравилось, надевали платье или блузку с юбкой два-три раза и — под каким-нибудь предлогом — сдавали обратно.

Но то было в Париже, а в Кривоколенном была одна забота — как достать много денег, чтобы купить еду.

Наконец Сорокины переехали в Москву, и я перебралась к ним в Проточный переулок. На лето мама меня устроила в балетную труппу — филиал студии Дункан[14]. Руководительница была очень доброй женщиной. Она достала через Наркомпрос[15] дачу и, набрав много детей, вывезла их в Мячиково. Мы ходили в хитонах и босиком. Вначале у нас не было ни стульев, ни столов. Потом мы сами сбили скамьи и столы. Оборудовали балетный зал. По утрам проводилась художественная гимнастика и хореография. Я там научилась делать мостик, кувыркаться и прыгать. После занятий наступал час завтрака. Мы съедали все, что нам полагалось на целый день. После завтрака начинались репетиции, в которых принимала участие небольшая часть жителей дачи. Остальные купались в речке и «промышляли», другими словами, воровали фрукты и овощи на обед и ужин. Этот метод добычи еды был строго запрещен, и мы действовали настолько осмотрительно, что ни разу не были пойманы на месте преступления. Но все равно в Мячикове у «танцоров», как нас называли, была дурная слава.

Наша руководительница задалась одной целью — подкормить нас. Поэтому вечерами мы давали концерты в ближайших

деревнях и поселках, выступали ученики балетной группы, а остальные устанавливали примитивные декорации, помогали своим товарищам переодеваться. Выступали с чтением стихов, с акробатическими номерами. Платили нам продуктами.

Вернулась я в Москву окрепшей и с радостью узнала, что мама записала меня в школу на Плющихе. Наконец-то я буду учиться!

Но занятия велись «по плану Дальтона»[16]. Настоящих уроков у нас не было. На уроке французского учитель писал на доске два-три слова, мы их должны были списать и под каждым из них картинкой объяснить их значение. На уроках географии нам давали задание: слепить город, горы, северное сияние. Я из картона сделала село, которое потом съели мыши. Из всех учителей один только не признавал никакого «плана Дальтона» и пробовал с нами серьезно заниматься математикой: давал нам задачи с трубами, из которых течет вода, с поездами, мчавшимися навстречу друг другу, — все это нам казалось скучным, и учком[17] уволил этого педагога. Мы ставили спектакли, устраивали диспуты, делали доклады. Нам было предоставлено право самим составлять программу и решать, какие предметы нам нужны.

Ходила я в эту школу около месяца. Потом уехала к Илье в Берлин. Провожать меня пришли моя семья и все три тети. Маня меня спросила, не грустно ли мне расставаться с родными. Нисколько, — ответила я чистосердечно. Мне интересно увидеть другую страну. К тому же я ехала к Илье, у которого я была единственной дочерью.

Я оказалась одна в купе. Сразу съела все, что мама мне дала на дорогу, и легла спать. Среди ночи меня разбудил проводник. Красный от ярости, он топал ногами и что-то кричал мне, он напомнил мне мамину вспыльчивость. Наконец я догадалась, что мне полагалось спать на верхней полке. Я перелезла, и проводник сразу успокоился, а нижняя полка до самого Берлина так и осталась свободной. На вокзале Ильи не оказалось. Вероятно, я вышла не на той станции, но я не растерялась, дала извозчику записку с адресом, а Илья с Любой, его женой, ждали меня у пансиона, где мы прожили несколько недель. Потом мы поехали в Бельгию и провели там лето. Я купалась и бегала по дюнам, а Илья все время работал. Осенью мы поселились в Париже. Илья меня отдал в школу и нанял преподавательницу. Она учила меня французскому языку, я начисто его забыла.

Лотарингская школа
Заметки французской школьницы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вчера, перед отъездом в Москву, де Бурже принес мне газеты: «Пари суар», «Матэн», «Фигаро», «Пари миди». Повсюду он обвел жирной синей чертой заметки, в которых говорилось о преступлении Габи. Весь вечер я не могла думать ни о чем другом:

«Розыски Габриэлы Перье остаются безуспешными». «Амазонка в автомобиле. Студентка ограбила американца».

«Вчера, 28 июля, американец Юджин Сандерс, 80 лет, познакомившийся с хорошенькой француженкой, 20-летней Габи Перье, окончательно разочаровался в прекрасных парижанках. Великолепная ночь проведена в танцульках и барах Монмартра. Увы, когда бедный американец захотел оплатить счет в ресторане на площади Бланш, он не обнаружил своего бумажника…

Пока полицейский выслушивал жалобы пострадавшего, Габи Перье исчезла. Швейцар видел, как она уехала в автомобиле американца по направлению к Сен-Лазарскому вокзалу. Молодая преступница — дочь почтенных родителей, потрясенных свалившимся на них горем. Она получила воспитание, основанное на правилах порядочности и нравственности. Тайна подсознательного, так догадываемся мы, влекла ее к преступлению. Потемки человеческого инстинкта — чья человеческая рука осмелится прикоснуться к вашему покрову…»

Идиоты!

«Статистика показывает, что растущая преступность среди молодого населения превращается в опасное общественное явление. Это поколение пугает нас. Начиная с угрюмых вырождающихся низов и кончая культурной средой, на которую Франция возложила свои надежды на будущее, повсюду угрожающе растет преступность. Мы должны задать себе вопрос, чья вина в этом. Кто причина этого морального одичания. Наш долг обратить внимание родителей, наставников и руководителей школ на опасность той излишней свободы, которую они предоставляют вверенным их попечению детям…»

Вот как!

«Бедные послевоенные дети. Их характеры преждевременно завяли в жарком ветре нашего века, как нераспустившиеся бутоны…»

Этим все оказано. Мы — послевоенные дети: и Молино, и я, и Габи.

Габи стала Преступницей. Никто в этом не виноват. В этом виновата «пагубная свобода», «ветер нашего века», может быть, темные инстинкты, «врожденная» склонность к воровству?

Директор школы удивился бы, если бы кто-нибудь вздумал его обвинять. Редактор был бы возмущен, если бы кто-нибудь потребовал, чтобы он вместе с Габи был посажен на скамью подсудимых. А составители учебников, по которым мы занимались, взбалмошная и скупая мать Габи, экзаменаторы, знакомые, учителя!

Глава 1

Я встречаюсь почти со всеми своими бывшими товарищами по школе. Жизнь каждого известна мне. Они делятся со мной надеждами и успехами. Они удивительно быстро стали взрослыми. Мне странно подумать, что какие-нибудь три года назад мы имеете шатались по улицам, устраивая хоровод.

У Пьера Мартэна двухместный автомобиль. В Эколь Нормаль он провалился. Когда он стал секретарем газеты «Наше время», мать дала ему денег на машину.

Он работает также в журнале «Парижская неделя», там он пишет заметки о Жозефине Беккер, об эмоциональности музыки и о голосе Энери. Ему платят мало, зато он получает пропуска в кинематографы, театры и концерты. И даром обедает в «Кулебяке» — «Парижская неделя» рекламирует этот ресторан.

Встает он в восемь утра. В девять он уже на работе. Он принимает посетителей, которые жалуются на газету, предлагают свои статьи, заказывают за плату обличительные фельетоны. В остальное время он участвует в верстке газеты или пишет для хроники трехстрочные заметки: «Госпожа Кошиц поражает нас, в ней есть флюид обаяния. Вся аудитория плачет, когда она поет народные романсы».

Пьер по-прежнему мечтает стать писателем. Он прислал мне как-то свой рассказ об утопленнице, в которую влюбился не знающий жизни юноша. Это было на рассвете. На набережную под мостом прибило мертвую, уже зеленую от воды девушку. Герой рассказа находит ее и влюбляется. Он ласкает мертвую девушку на берегу Сены. «Он еще не понял жизни».

В жизни Пьер не любит заниматься мертвецами. Он любит обыкновенных живых девушек. Он хотел бы ухаживать за ними. Но газета совершенно не оставляет времени. Втайне Пьер уже ее ненавидит, но мать перестанет давать ему денег, если он бросит

работу.

Недавно я получила письмо от другого товарища по классу — Жана Бельмона. Он также стал журналистом и пишет о великих людях нашей эпохи, интервьюирует их — иногда на самом деле, иногда воображаемо. Например. «Кокто курит трубку. Сквозь облако синего дыма можно различить это одухотворенное и в то же время сильное лицо. Его комната своей мелодичностью и таинственностью открывает нам глаза на существо этого изысканного гения…»

Жан почти самостоятелен и в будущем году хочет совсем уйти от родителей. Для этого он заказывает на их деньги лучшую обувь и костюмы.

«Когда я буду вполне одет, — пишет он, — когда у меня будет запас года на три, я сниму себе отдельную комнату и буду жить только на свой заработок. Я буду писать ораву в несколько газет — в правые, левые, католические, а в свободное время буду изучать философию и писать для себя».

Высокий Рауль де Бурже, сидевший на последней парте, осенью женился. Он спешил со свадьбой, так как через месяц он призывался в армию, а женатых оставляют в территориальных частях.

Он женился на русской еврейке, хорошенькой и некультурной. Она вышла за него замуж, чтобы уйти из школы «Пижье», где готовилась на машинистку. В самом деле, перспектива жизни на тысячу франков в месяц не очень завидна. Рауль был влюблен в другую, с машинисткой он завел просто интрижку, но когда она забеременела и пришлось делать аборт, Рауль решил быть благородным и женился.

Теперь он на военной службе. Он оставлен под Парижем и часто получает отпуска. Во Франции малая рождаемость. Франция надеется получить от него хоть одного ребенка.

Поль как-то спрашивал Рауля, что думает он делать в будущем.

Он об этом не задумывался. Еще шесть месяцев он может спокойно жить в казарме.

— А потом?

А потом, может быть, и хватит денег ничего не делать.

Пьер Пети, больше всех подававший надежды в школе, также мечтает о военной службе. Он блестяще кончил на инженера — вышел шестым из трехсот учеников. Но у него нет работы. Из его выпуска получили работу только три человека. Пьер мрачен, ходит по кафе, играет в бридж. Недавно начал заниматься политикой. Он брюзжит, ругает «правительство паралитиков» и читает монархическую газету Леона Додэ «Аксион Франсез».

Г-жа Баляфре прислала мне приглашение на свадьбу своей дочери. Жоржетт выходит замуж. Ее жених — итальянец-инженер. Жоржетт уезжает с ним в Италию.

Жан Луи Кольдо еще учится. Только через пять лет он станет врачом. Несколько лет он будет работать и кабинете отца. Потом заведет собственную клиентуру.

Жак Санс нашел работу на автомобильном заводе. Пока что он только чертежник. Работа скучная. Но Жак не унывает. Он надеется что-нибудь изобрести. Какую-нибудь совершенно новую деталь шасси. Взять, черт возьми, патент! Хотя вы знаете — «французы изобретают, а берут патенты боши…»

Вот, кажется, все.

Хотя нет — были еще Тейяк, Жанин Лорак, Вяземский, Шарль де Монферан, Молино.

Тейяк дипломист, но он не знает, что ждет его в будущем. Отец Тейяка не может содержать его всю жизнь. Он обещал давать деньги до 22 лет: «потом делай как знаешь». На днях ему исполняется 22 года.

Что делать дальше? В какой области искать заработка и как получить работу?

Одетта стала учительницей в детском саду при Лотарингской школе. Ее заставили поступить туда родители. Дела их в последнее время совсем пошатнулись. Одетта детей не любит и боится, но директор как будто ею доволен.

Шарль де Монферан успел окончить за три года юридический и школу политических наук. За него можно не беспокоиться. Он сейчас, как большинство мальчиков, отбывает воинскую повинность. Но офицером и в Париже, а не где-нибудь в Альпах. Это — связи отца. После армии он пойдет то дипломатической части.

Вяземский — Виаземски, как у нас его звали, — кончил юридический и поступил за тысячу франков на практику к адвокату.

Жанин Лорак ходит на лекции в Сорбонну, ждет жениха и мечтает о небывалых любовных похождениях.

Молино стал комсомольцем. Он работает на автомобильном заводе и не встречается ни с кем, кроме меня.

О Мореле ничего не слышно.

Вот отчет о том, как живут сейчас мои школьные друзья.

В школе мы не расставались. Сейчас большинство не видится друг с другом… В день после выпуска мы все собрались в «Капуляде». Мы говорили о дружбе и о своем будущем.

Выпуск был отпразднован торжественно.

На следующий день мы уже не искали встреч. Началась

самостоятельная жизнь каждого из нас.

Я вспоминаю снова наши школьные годы. Мне хочется понять, почему Пети плюет на все, Мартэн готов стать кем угодно, чтобы быть независимым, отчего Габи стала воровкой, Рауль равнодушен ко всему миру и к своему будущему…

Все они были, в конце концов, неплохие ребята.

Глава 2

В Лотарингскую школу я поступила семь лет назад, в 1927 году. Мне надоели девчонки из Севинье. С этого года я жила самостоятельно.

Долго мне искали подходящий пансион. Наконец нашли. Он назывался по-английски: «Хом». Это был с виду приятный беленький двухэтажный домик около Люксембурга и очень близко от школы. Его фасад казался роскошным, но внутри было очень грязно. Комнаты были застланы коврами, от которых пахло пылью. Продырявленные, залежанные матрацы, сальные обои и вонючие умывальники.

Я очень обрадовалась свободе. Здесь у меня была своя комната, я могла приходить, когда хотела. Рядом со мной жили испанки — мать и дочь. По вечерам у них сидели гости, дочь играла на рояле и пела. После музыкальных развлечений начинались разговоры. Но мне казалось, что сейчас начнется драка. Никогда я не думала, что испанский язык так криклив. Это прекращалось только к двум часам ночи.

Мадам Родигес приехала из Испании развлекаться и, как рассказывала прислуга, чтобы выдать дочь замуж. Просыпаясь, каждое утро я слышала, как дочь заучивала французские фразы, составленные при помощи матери и словаря.

— Вы очень любезны, господин Н.

— Мой старший брат владеет большим поместьем, но сам я одинок и люблю цветы.

— Благодарю вас. Я сегодня вечером не занята.

Справа от моей комнаты жила молоденькая француженка. Она служила машинисткой в банке. Ее весь день не было дома. В ее комнате жизнь начиналась после десяти вечера. Но там не было разговоров. Там были какие-то шорохи, смех и долго играл граммофон.

Обеды в этом пансионе были неважны. Мясо хозяин покупал на Центральном рынке. Оно дешево и специально продается для семейных пансионов. Я всегда бежала по лестнице — так воняло здесь из кухни. Хозяина я очень боялась — я часто запаздывала с платой — и старалась незаметно прошмыгнуть через холл.

Обедали все вместе в большом зале. Нам давали суп а-ля-франсез — нечто несъедобное и необъяснимое. Жаркое мы оставляли и ели только картошку. На сладкое два тощих бисквита. Сладкое меня огорчало больше всего.

За обедом молчали, каждый кусок запивая вином. Приходили обедать не все. Многие женщины жили здесь из-за близости Монпарнаса и «роскошного» вида отеля. Они предпочитали обеду кофе с булочками.

Мою комнату убирала красивая молодая горничная. Я с ней скоро подружилась, даже слишком. Она не давала мне заниматься, заходя поминутно поболтать. Ее звали Луизой. У нее был ребенок. В 15 лет она сбежала от матери-швеи. С тех пор она четыре раза делала аборт. Но в пятый не смогла — это очень дорого стоит. Теперь приходится посылать сорок франков в месяц кормилице в деревню.

Луиза взялась меня просвещать и надоела мне отвратительными рассказами.

После этих разговоров я чувствовала себя грязной, но остановить ее не умела.

Луиза прослужила в пансионе около двух месяцев.

Потом ее выгнали.

Это была странная мания хозяина. Он любил новых горничных. За год, который я жила в пансионе «Хом», их переменилось десять, одна только осталась и живет до сих пор. Она полька. Ее муж служит тут же поваром. Она вечно беременна. Она очень мила со всеми, но, как я узнала потом, доносит обо всех разговорах хозяину. Она-то и выживала всех горничных.

Глава 3

Лотарингская школа основана шестьдесят лет назад, после франко-прусской войны, в память потери Эльзас-Лотарингии.

Мне нравится, как она построена. Три двора, вокруг которых расположены одноэтажные классы. Все очень светлые.

Перед главным флигелем, на высоком мраморном табурете лежат двое каменных ребят, связанных по рукам и ногам. Над ними наклонилась высокая женщина в рубашке и в лавровом венке. Это — Франция, освобождающая Лотарингию и Эльзас.

Лотарингская школа — самая либеральная во Франции. В ней девочки учатся вместе с мальчиками.

Настоящего интерната в школе нет. Ученики живут у директора, у его помощника, у учителя физики. Директор дороже, так как он лучше руководит воспитанниками, а главное — его пансионерам не ставят плохих отметок.

При поступлении в интернат необходимо представить заполненную родителями анкету:

«К какой религии принадлежите? К какой профессии готовите ребенка (приблизительно в какой области)? Какие минимальные отметки ваш сын (дочь) должен иметь за год? Какие качества желаете, чтобы он (она) приобрел? От каких недостатков желаете избавить? Какие наказания предпочитаете? Насколько строго держать (вскрывать ли письма, следить ли за дружескими связями)? Сколько раз в год разрешаете своему ребенку посещать зрелища и какие?»

Эти анкеты заполняются родителями старшеклассников. Семнадцатилетние юноши должны представлять все книги на просмотр директору или учителю физики. Они не могут выйти из школы без особого разрешения (за этим следит консьерж).

В нашей школе принята та же система занятий, что и в государственных лицеях, — концентрическая. Одни и те же предметы проходятся несколько лет подряд, но каждый год в более распространенном виде.

В младших и средних классах у нас было следующее расписание: математика, французский язык, физика, химия, два новых языка или латинский и греческий (по желанию родителей), мораль, рисование, гимнастика, рукоделие (только для девочек).

Все это мы заучивали наизусть с гектографированных резюме, по которым училось не одно поколение. В памяти у меня остались сотни фраз: «Франция достаточно богата, чтобы обеспечить себе независимое существование, не прибегая к товарам других государств…» «…Древние историки говорят о благородстве наших предков галлов…» «Французские почвы разделяются на подзолистые, глинистые, песчаные…»

Кроме этих резюме мы должны были читать дополнительные сведения в учебниках из Ашеттовской серии[18]. «Серия Ашетт» принята во всей Франции. По ней учатся и в колониальных школах. Маленькие алжирские негры учат: «Наши предки галлы были светловолосы, храбры, белы кожей…»

Уроков морали никто не любил.

Что такое семья, добро, зло? Какие этические чувства заложены в человеке от рождения? Что может заглушить их? Раз в месяц мы должны были сочинять письменные работы: «Качества души», «Жизнь знаменитых людей».

Мы писали диктанты: «Историк Фуллье находит, что существующее в умах людей неугасимое желание казаться чем-нибудь иным, а не тем, что они есть на самом деле, — вот корень безнравственности. Желание „казаться“ — одно из величайших общественных зол нашего века…»

«Жизнь Делакруа. В 1834 году была выставка во Флорентийской академии художеств. Одна картина привлекла внимание всех посетителей. На ней представлен был веселенький мальчик, сидящий за рисованием. Моделью ему служит крошечная, белая, коротко остриженная собачка. Она не хочет стоять на месте и потому привязана шнурком за хвост и голову» и т. д., и т. д. В конце диктанта говорится, что трудолюбие и упорство сделали мальчика великим художником.

Особенно я не любила г-жу Севинье, которой был посвящен у нас не один урок.

В Лотарингской школе была принята очень сложная система отметок. Целью ее были «проверка и поощрение». Простой «вызов» или письменная работа расценивались по десятибалльной системе, иногда по сорокабалльной. Если в книжке отметок за неделю было две неудовлетворительных, ученик должен был провести четверг или воскресенье без отпуска. Отстающий должен в этот день приходить в класс и переписывать что-нибудь из книги. Готовить в это время уроки запрещено — иначе это не наказание.

Зато тот, у кого за неделю все хорошие отметки, может получить «бон-нот» — розовый билетик, и десять таких розовых билетиков снимают одно наказание. Все хорошие ученики, которым наказание не грозило, торговали «бон-нотами». Один «бон-нот» стоил франк.

В конце триместра выводится средний балл, и отметки посылаются родителям с примечаниями директора: «Очень грустно, что такой способный мальчик не старается». Или: «Желаю продолжать в таком же духе. Поздравляю г-жу (г-на) Х. С рождеством».

Каждый триместр Пэпэ (прозвище директора) назначает поздравительный час. После занятий лучшие ученики из каждого класса идут к нему, он пожимает им руки и дает советы на будущий триместр.

Девочек пропускают вперед. Пожав руку директору, мы ждем в стороне, пока пройдут остальные. Надо прослушать речь и, главное, смотреть Пэпэ в глаза. Он не выносит, когда смотрят вниз.

— В последнем классе мы занимались по новой программе. Во-первых, теперь мы учили уже не мораль, а историю морали. Во-вторых, ввели психологию и философию. От нас уже не требуют зубрежки — с этим не выдержишь экзамена на аттестат зрелости, — мы должны читать учебники, уметь выбирать цитаты для диссертаций. Понимать нас не заставляют, но мы должны уметь подражать. Нам дают план, по которому нужно было

написать философское сочинение.

Учитель обращает внимание на отметки учеников в «философском классе». Вообще два последних года проходят у нас под страхом экзамена.

Директор неоднократно говорил: «Наша школа воспитывает галантность у молодых людей и сознание, что они женщины, у девушек». Действительно, нас сажают на первые скамейки, нас не наказывают, нас называют «мадемуазель», а не просто по фамилии.

Через неделю после поступления в школу меня вызвал директор.

— Вы живете одна?

— Да.

— Почему не с семьей? Всегда у иностранцев какие-то семейные истории. Ну, конечно, я не могу вас из-за этого не принять, но вы постарайтесь оправдать мое доверие. Девушка в наше время не может жить одна. Она всегда подпадает под плохое влияние. Вы сами понимаете, я должен оберегать порученных мне детей. Родители других детей могут забеспокоиться. У вас вид хорошей девочки.

Каждый класс имеет на своем попечении бедную семью. Мы должны посылать ей свои старые вещи, иногда деньги. В нас воспитывают сострадание к ближнему. Но мы никогда не видели этой семьи и не интересуемся ею. Пересылкой ведает классный наставник.

Раз в год Лотарингская школа превращается в аукцион. Это — «благотворительный базар». Каждый ученик обязан принести какую-нибудь вещь, годную для продажи. Девочки, кроме того, весь год вышивают для базара салфеточки. Самые разнообразные вещи расставлены по классам. В качестве продавщиц мобилизованы все девочки. С утра к школе подъезжают автомобили.

Состоятельные родственники учеников накупают разную дребедень, которую потом ставят на камин, чтобы иметь возможность сказать: «Это с благотворительной распродажи такого-то года». «Вы знаете, я пожертвовала тогда в пользу бедных пятьдесят франков».

Здесь же вертится директор. В самый разгар распродажи, громко, чтобы все слышали, он объявляет: «Я покупаю полотенце за сто франков».

Наша школа воспитывает гуманность.

Глава 4

Я подружилась с Габи в первый же год. Мы равные, но это не мешает дружбе. Габи хорошенькая, красится, всегда со вкусом одета. Учится она плохо, все списывает у меня, но читает много, хотя и беспорядочно. В переменах ее всегда обступают мальчики. Они шлепают ее, щиплют. Она визжит от удовольствия. Из-за нее постоянно происходят драки. В нее влюблен Шарль — это самый красивый и, главное, самый богатый из всех мальчиков.

Она меня побаивается, так как я часто делаю ей выговоры за флирт. Домой она никогда не ездит одна. Ее всегда поджидают у ворот.

Дружбу предложила я. Она сразу согласилась, и мы решили вместе готовиться к экзамену. Во время наших довольно бесплодных занятий она мне много рассказывала о себе.

По ее словам, все эти школьные «истории» ее не трогают. У нее был «роман» с одним русским, с которым я тоже знакома. Ему 18 лет. Он глуп? Может быть. Это ничего. Ей нравятся его глаза, а главное, фигура. Она мне долго рассказывала, какие у Сержа широкие плечи и как он чудно танцует.

Через две недели после их знакомства они вдвоем поехали в Сен-Жермен. Там гуляли целое утро, потом пошли в гостиницу. Она с восторгом рассказывала об этом дне.

Вскоре он написал ей длинное письмо:

> «Ты неглупая девочка я поймешь все. Я тебя, может: быть, обидел, но ты должна простить меня. Помнишь ли ты тот вечер в лесу? Помнишь, как шелестели листья и какой красный отблеск освещал нас? Ты знаешь, что тогда я тебя страстно любил, мне хотелось целовать тебя, обнимать. Я тебя называл солнышком, и ты, правда, вся светилась. Я тоже был невинен. Я не знал, что такое женщина. Но она мне была нужна. Мне родители говорили: тебе пора иметь женщину.
>
> Мой бриллиант, мое золото, ты не обижайся, что я выбрал именно тебя. Но я не знал никого другого. Ты мне нравилась, ты меня привлекала. И ты до сих пор для меня — олицетворение красоты. Но нам лучше не видеться. Лучше для тебя и для меня. Ведь ты меня не любишь и недолго будешь со мной возиться, потом придет другой, и я… Итак, прощай.
>
> Не сердись, не ругай меня. Я твой на всю жизнь.
>
> Не старайся меня увидеть. Это бесполезно. Я пишу, что ты меня не любишь, это несомненно правда. Я тоже тебя не люблю, — а, может быть, и люблю. Я ничего в себе не понимаю.

Я спал с тобой, потому что мне страшно было пойти с моими товарищами в публичный дом. Они грубее меня. Я бы не выдержал. Мне противны павшие женщины.

Я думаю, что я тебя не люблю, потому что ты мне заменяла этих женщин.

Прощай, прощай навеки.

Твой Серж».

Габи прочла мне это письмо, заливаясь слезами. Она на него не сердится. Ругает только себя. Ведь она теперь не сможет выйти замуж. Ведь ей придется открыть свой позор. А вдруг мать узнает? Ей всего 15 лет.

Раз во время несостоявшегося урока я пошла с Габи покупать туфли. По дороге она сказала:

— А знаешь, после поедем ко мне обедать.

Раньше мы никогда не говорили с ней о ее семье. Ее отец — инспектор колоний. Он проводит в Париже только два месяца в году. Г-жа Перье дрожит за непорочность дочери и ничего, конечно, не замечает. Она вскрывает все письма Габи, но Габи ее перехитрила: ей пишут до востребования.

У семейства Перье есть еще одна дочь, старше Габи. Она на философском факультете. Она толстая и некрасивая. Не любит одеваться. Она носит мужские рубашки и галстуки. Мать ее боится.

В магазине обуви Габи долго выбирала, наконец нашла туфли по последней моде. Из крокодиловой кожи. Заплатила всего шестьдесят франков. Габи кто-то рассказал про этот магазинчик. Он дешевый, но сюда поступает обувь из дорогих мастерских.

— Видишь, я всегда хорошо одета. Это потому, что я умею отыскивать места, где купить. У меня врожденное чутье.

Глава 5

Габи привела меня к себе. У них квартира на улице Вожирар, но не в начале, где живут рантье, а в самом ее конце, где живет много мелких чиновников, как сказала Габи.

— Знаешь, у меня обычно никто не бывает. Мне не нравится, как я живу. Но ты ведь моя подруга.

У Перье три комнаты, застланные коврами и уставленные безделушками. У матери и у сестер разные вкусы. Каждая меблировала одну из комнат. Мать — столовую. Она увешана фотографиями господина Перье: он — среди негров, он — в своем доме на Мадагаскаре, он — на лошади.

На буфете стоит голова негра из кокосового ореха. На всех этажерках кружевные самодельные дорожки и пупсы с большими глазами и белыми локонами.

Сабина, сестра Габи, не заботится о спальне, где она живет с матерью. Здесь две кровати. Много книг.

Габи горда своей комнатой. Она как младшая живет в ней одна. Комната в новом стиле. Длинные этажерки с книгами в кожаных переплетах (у нее слабость к роскошным переплетам), низкий диван, в углах лампы с разноцветными абажурами, яркие шелковые подушки. Больше всего Габи гордится шкафом: он из очень дорогого магазина.

Комната похожа на Габи, хорошенькая и яркая.

Мать приняла меня приветливо.

— Я люблю всех подруг Габи. Но вы мне нравитесь больше других. Постарайтесь иметь на нее хорошее влияние. Ах, если бы Габи была такая же, как ее сестра! Габи много читает, но никогда не занимается, и потом она так много думает о платьях. Она меня заставляет шить. Я целые дни провожу, исполняя ее заказы. Стоит ей увидеть что-нибудь новое, последний крик моды, как она требует, чтобы я изучила этот фасон и сделала ей из старых платьев такое же.

— Но мама, а что бы ты иначе делала?

— Милая, я не жалуюсь. Если бы вы знали, мадемуазель, до чего мне скучно жить. Я бы хотела видеть у нас в доме людей, но Габи никого не приглашает сюда. Она стыдится. Из грошей, которые дает муж, приходится платить в школу, кормить и одевать детей. Еда так дорога. Знаешь, Габи, я сегодня прочла объявление: если выписать «Волонтэ», то бесплатно присылают три килограмма кофе. Это будет лучше, чем «Тан» или «Юманите».

Сабина выписывает «Тан». Габи недавно стала выписывать «Юманите». У нее в комнате кипы этой газеты. Но она там читает только «происшествия». Сейчас Габи считает себя «левой», на нее повлиял кто-то из мальчиков. Месяц назад она была роялисткой.

Габи ушла за пирожными. Мать беспрерывно занимала меня.

— Когда я была молоденькой, муж таскал меня с собой по колониям. Габи родилась в Гваделупе. Люди, которые живут рядом, нарочно шумят, чтобы досадить мне. Они подсматривают и подслушивают. По субботам у нас собирается молодежь. Потом Габи ругает меня — я веду себя не так, как следует. Я хочу отменить эти вечеринки — очень дорого. Габи жалуется, что я ей мало даю, но я делаю сбережения для нее же. Ей нужны будут деньги…

Мать Габи выкрасила волосы. Они у нее рыжие. Она румянит

щеки и курит. Это влияние Габи.

После чая мы пошли с Габи в ее комнату. Туда мать не имеет права входить. Вместо занятий мы болтали. Габи ужасно хочет быть богатой. Если бы я только знала, до чего ей хочется замуж за богатого.

— Я хочу его любить, но, знаешь, после истории с русским я не смогу по-настоящему любить. Я хочу ходить на балы вроде бала «Беленьких постелек», иметь виллу. Не думать о том, где купить подешевле. Много читать. Я бы меньше думала о тряпках. Знаешь, мать глупая. У нее нет никакого вкуса. Ей приходится все показывать. В моей вилле будет бар, я обтяну стены материей, а стулья у меня будут из металла. Это очень модно. Ты приедешь ко мне, мне надоело жить так. Легче быть совсем бедной, тогда не нужно казаться состоятельной. В банке на мое имя лежат двадцать тысяч франков, но я их не могу взять, пока мне не исполнится 21 год. Я куплю себе автомобиль и целый новый гардероб, но все равно это очень мало. На двадцать тысяч долго не проживешь. Когда я буду по-настоящему богата, я куплю себе двенадцать пар шелкового белья. Ирэн, а почему ты ни в кого не влюблена? Ты не такая уж уродка. Ведь Кац за тобой ухаживает. Мне хочется, чтобы в меня влюбился Шаревен. Он очень красив. Я очень люблю красивых и высоких.

В этот вечер нам с Габи не удалось позаниматься. Мы пошли в кино, тут же на Вожирар. Шла картина «Биби-охотник». Потом мы еще раз зашли к Габи. Она рассказывала мне о своих романах с мальчиками. К концу разговора она сказала мне, что мы — друзья, насколько женщины могут быть друзьями.

— Хочешь прочесть мой дневник? — спросила она. И дала мне две толстые тетради.

Глава 6

В одном классе со мной сидит Кац, рыжий, довольно красивый мальчик. Он учится неплохо. Я его не замечала, пока он не решил со мной подружиться. Куда бы я ни пошла, он всюду следовал за мной.

Во время перемены он подошел ко мне и сказал:

— Ты любила?

— Как это?

— Видишь, а тебе пятнадцать лет. Давай любить друг друга.

— Давай.

— Только это могут заметить другие; поэтому я изобрел особый способ переписки. Вместо букв я буду писать цифры, которые будут обозначать место буквы в алфавите.

Он мне стал писать по несколько записок в день. Вечером я звала Жоржетт, одну из подруг по классу, и мы вместе читали их. Первые записки были простыми: «8–5–6–2-8…» — «Я тебя люблю, у тебя чудные волосы и глаза». Но одна меня поразила: «Раз ты меня не любишь, то давай хотя бы любить друг друга чувственно».

Я стала избегать его, но все же мне льстило, что я — как и другие: за мной тоже ухаживают.

30 июня занятия у нас кончились очень поздно, и Кац сказал, что он меня проводит. Я согласилась. Было темно. Люксембургский сад был закрыт, мы пошли вдоль изгороди. Кац обнял меня и хотел остановиться. Я быстро шла вперед. Я боялась встретить кого-нибудь из школы. Он забросил ранец за ограду и начал меня щипать и шлепать по бедрам. Я не испытывала удовольствия, но боялась показаться смешной и не протестовала.

Он начал целовать меня в шею. Я все думала: если встретят, то исключат из школы. Кац тоже оглядывался.

Мы молчали все время. Он бил и шлепал меня с деловым видом. Наконец мы вышли на улицу Вавен. Тут он пошел спокойно и рассказал мне смешное приключение. Однажды отец одной девушки застал его с ней и побил его. Надавал затрещин по лицу, понимаешь?

Я слушала его с жадностью.

Вечером я рассказала Жоржетт о прогулке с Кацем. Она ответила:

— Твоя вина. Нельзя быть такой тряпкой. Раз ты его не любишь, то и не знайся с ним.

После этого дня приставания Каца не имели границ. От ухитрялся меня щипать даже в школе. Писал мне записки, требовал немедленного ответа. Говорил обо мне какие-то гадости соседям по партам, которые начитали хохотать и пристально смотрели на меня.

Я была рада, когда через две недели его за что-то уволили из школы.

Глава 7

Вот отрывки из первой тетради дневника Габи. Я не привожу его целиком. Содержание этой тетради однообразно. Одни и те же мысли, одни и те же имена, одни и те же слова почти на каждой странице. Это тетрадь прошлого лета.

Париж. 15 июля

Дорожные сборы. Каникулы. Не могу найти одиночества. Все время думаю о двух: о Серже и Поле…

Серж проник до глубины моего сердца. Прежде это было детское чувство, но потом я его полюбила по-настоящему. Теперь я слишком женщина, чтобы любить детской любовью.

Бридар. Атлантический океан. 18 июля

Серж, мне нужна твоя любовь. Надо найти какое-нибудь лекарство. Что-нибудь — только бы забыться. Я буду любить Поля до осени, а, может быть, и после: это — единственное средство, чтобы вылечиться от любви к Сержу.

19 июля

Серж, мой дорогой Серж, мне придется тебя забыть. В Бридаре слишком хорошо: море, солнце. Мне хочется быть, как все, — счастливой и свободной.

21 июля

Забыть. Почему здесь нет Поля? Все равно кто — лишь бы влюбленный в меня мужчина. Но я не знаю, может ли кто-нибудь здесь в меня влюбиться. А до октября далеко. Я хочу сейчас же. Мне 15 лет, но я так страдаю. Я больше не в силах.

22 июля

Хоть бы влюбить в себя Жана Дюпона, я видела его сегодня на берегу моря: он мил, хорошо сложен, любит музыку и все современное — как я. Потом в Париж — Поль. С этими двумя мне, может быть, удастся забыть Сержа. Нет, я никогда его не забуду. Я вспоминаю, как я пришла к нему вместе готовить уроки. Он посадил меня на кровать. Он чуть не сломал мне руку. Как мучительно вспоминать об этом.

27 июля

Я едва решаюсь написать это — но что же делать. Я люблю Жана Дюпона. Это совсем другое чувство. Не так, как с Сержем. Он сильнее: он, например, ни разу не говорил мне о своей любви. Ночью я не могу уснуть: все время думаю о нем. Это физическое чувство. Все тело кричит: Жан.

7 августа

Пять дней, как Жан уехал, и он мне еще не написал. Конец… Но он мне обещал, что будет писать. Остается одно — ждать. Он сказал, что в конце концов «все образуется». Это потому, что он — верующий. Для того, кто верит, это — счастье. Но моя вера разрушена — я теперь атеистка. Я вижу, как кончаются все отношения. И после этого они хотят, чтобы я верила в высшую гармонию, в верховный разум, который определяет путь каждого. Нет.

Жан сказал, что я ожесточена. Может быть.

26 августа

Жан мне прислал письмо. Тон дедушки: советы, необходимы идеалы и т. д. Он меня раздражает. Он — уже сложившийся человек, а я еще ребенок, мой характер только начинает складываться. Мне 15 лет, ему 22.

28 августа

Я напилась. До чего я напилась. Как это я очутилась у себя в комнате? Потом гуляла с Луи. Это мне помогло.

29 августа

Сегодня с утра сильная головная боль. Ничего не соображаю. Но все-таки я довольна.

Я уже давно мечтала, как бы напиться. Это — замечательное ощущение. Сразу весело. И вино горячит.

Будет ли сегодня письмо от Жана?.. Если бы он знал, что я так напилась, ему было бы противно. А я очень рада, и мне хочется снова — забываешь все заботы.

5 сентября

Жан Дюпон — хороший товарищ, но в общем я его не люблю. Когда мы будем в Париже, с ним и с Полем будет жизнь не так скучна.

6 сентября

Я сегодня сидела у руля. У него маленький «Пежо». В общем этот Луи — славный парень. Он предложил мне одну вещь, и мне это очень хочется: поехать с ним в автомобиле в Париж. Три-четыре дня пути. Но мама, наверное, не позволит. Это было бы чудесно. Останавливались бы в отелях. Вдвоем с ним. Как бы я веселилась…

7 сентября

Я решила не влюбляться в течение этого месяца. Однако сегодня я написала письмо Сержу и хочу вернуться в Париж, чтобы увидать Жана Дюпона. Сабина мне сказала утром, что я принимаю чересчур всерьез свои сердечные дела. Надо относиться к ним легкомысленней. Она говорит, что так куда больше нравится мужчинам и что это шикарней. Она, конечно, права.

Я ездила с Луи.

…Когда мы возвращались, он меня крепко обнял и поцеловал в губы два или три раза. Я почти уверена, что он меня не любит, но он считает меня красивой и хорошо сложенной. Это — страсть. Или, может быть, опытность 22-летнего мужчины, которому приятно обнимать хорошенькую девушку? Я никогда не видала такой чувственности. Потом он сказал: «Надо много воли, чтобы сейчас удержаться. Я делаю это потому, что очень вас уважаю…» Он и не подозревает, что один молодой человек, моложе его на пять лет, целовал меня — и как целовал! — что мы даже были вместе на кровати (к счастью, днем)… Тогда я все это переживала сильней, но тогда я любила, и мне было 15 лет.

В Париже осенью, наверное, будет то же самое, но с другим. У меня будет их столько, сколько я захочу. Кто будет мой избранник — египетский принц, миллионер?.. Как счастливы мы, девушки, — мы можем выбирать.

Сабина мне сказала, что Луи то же самое делает с ней. Мне это неприятно. Нет, он совершенно сумасшедший, но все-таки он

очень славный, у него автомобиль и т. д.

Париж. Вторник, 30 сентября

Если в воскресенье я еще буду любить Поля, мы пойдем с ним в кафе при мечети. По рассказам девочек, там особая атмосфера — сладострастные запахи Востока, странная музыка, соответствующая обстановка. Обнять меня он не сможет, так как там надпись: «Просят соблюдать приличия…» От этого еще больше остроты.

В школе начались занятия. Я еще не бралась за книги, но ничего, в октябре я буду зубрить, как безумная. Важны география и литература. Историю, мораль — все это я знаю.

1 октября

До чего я глупа. До чего я себя ненавижу. У меня ни на грош воли. Я не люблю Поля, и я не могу без него обойтись.

5 октября

Надоело жить. Засыпаю над книгой. Не выдержу экзаменов. Вчера я получила письмо от Поля: «Мой дорогой ангел. Сделайте невозможное, чтобы быть завтра, в 7 часов, возле „Ротонды“. Два дня без вас — это свыше моих сил. Целую тысячу раз маленькие пальчики…»

Суббота, 22 октября

Завтра воскресенье, я его увижу на автомобильной выставке. Я вспоминаю то время, когда мне казалось веселым играть и любить не любя. Я думала, что это меня взволнует, развлечет, позабавит. Я не могла себе представить, что это так скучно, так невыносимо скучно. Я думаю, что если бы это было с кем-нибудь другим, я была бы более счастлива. Он придет сегодня под вечер. Потом концерт. Я очень рада. Но сильно болит голова. Тоска. В общем я сейчас не человек — тряпка. Огромный океан. Я без руля, без паруса, без весел. Мне скажут: а воля?.. При чем тут воля? Это ведь не относится к разуму. Я просто захвачена тоской, желанием любить и быть любимой. Другие мне ответят: теперь

тебе поможет религия. Да, но религия — это любовь другого порядка. Как ужасно любить Бога и Христа и не иметь возможности их даже видеть. Притом моя страсть чисто чувственная, она вполне телесна, материальна. Я оскверню чистоту религии, я оскорблю Бога, и он на меня рассердится. А в общем это глупо, так как я не могу поверить в существование Бога: я ведь атеистка. Оставим это. Какая все-таки тоска. Мне кажется, что я заболею от тоски…

Глава 8

— Ты прочла? — спрашивает меня Габи. — Как ты находишь? Теперь все это меньше меня волнует. Я была настоящим ребенком. Я покажу тебе новые тетради, и ты увидишь…

Откровенность Габи не сблизила нас. Мы охладели друг к другу. Я не все поняла в ее дневнике. Он показался мне искусственным и фальшивым. Кроме того, в классе за подсказку меня отсадили от нее (мы сидели на соседних партах).

Я стала ближе знакомиться с моими товарищами по классу.

Жан Луи Кольдо, Бельмон, Жан Бутри, Берман Дуа Клод, Дуа Шарлемань, Дюртэн, Дилль, Давид Жан-Жак, Жанна Леви.

— Здесь, господин учитель… Здесь… Здесь… Я здесь… Я здесь… Я… Присутствую… Он болен… Мать прислала в класс записку, что она едет встречать тетку на вокзал…

— Это не уважительная причина… Баляфрэ Жоржетт, Буссииняк…

— Здесь, здесь, здесь…

Я могу в любой момент перечислить фамилии всех учеников и учениц нашего класса. Мне кажется, я не забуду их никогда. Какими несхожими, разными казались они мне. И как они потом сделались похожи друг на друга. Почти все, за исключением пяти-шести человек.

Жан Бельмон. 16 лет, брюнет, курчавый, близорук, горбится, социалист. Он читает во время уроков «Попюлер» и красивым голосом рассказывает девочкам свои теории. В прошлом году он провалился на экзамене, и теперь он второгодник, «ветеран». У отца его большой антикварный магазин на улице Сент-Онорэ. Он получает тысячу франков в месяц на карманные расходы.

— Девочки, для того чтобы быть вполне свободным, человек не должен иметь профессии, — во время перемен говорит он. — Я философ, я читаю Монтеня и не учу уроков. Когда нужно будет, я сумею заработать, я буду подметать улицы. Вы увидите, я буду счастлив, подметая улицы, я буду петь.

Когда Жан начнет говорить, остановить его невозможно. Он

упивается своими фразами, своим голосом.

— Я социалист по убеждениям и консерватор по чувству, — говорит он. — Я люблю справедливость и традиции. Я люблю воскресные дни, семейные совещания, правила приличия. Я не понимаю «Аксион Франсез», не понимаю людей, которые ходят по улицам, орут и устраивают драки. Я также не признаю коммунистов, потому что Франция слишком культурна для коммунизма.

На одной парте с Жаном сидит Пьер Мартэн, рыжий. Он тоже второгодник и тоже читает «Попюлер». Он — сирота, отец его убит на войне. Мать держит маленький пансион и кормит обедами благородных девиц, большей частью американок. Пьер стесняется этого. Он не очень способный, то в этом году он старается. Пора думать о будущем. Ему уже семнадцать лет. Скоро придется зарабатывать деньги. Поэтому с начала учебного года он начал добывать отметки. Мать его хочет, чтобы он поступил в Эколь Нормаль и стал преподавателем.

У стены сидит Рауль де Бурже, он богаче всех в нашем классе. Он — очень добрый мальчик, угощает всех сластями, дает взаймы и счастлив, когда может сказать, как Мартэн: «У меня нет ни су». У него сумасшедшая мать, которая каждую неделю переезжает с квартиры на квартиру. Постоянно летает на аэропланах, меняет автомобили. Рауль, как все, считает себя социалистом, но когда ссорится, называет себя аристократом. Рауль не может работать, не умеет. Читать он тоже не умеет. Он разыскивает в книгах или красивые фразы, которые можно цитировать, или героиню, похожую на его любовь. Потому что Рауль всегда влюблен в какую-нибудь неизвестную девушку.

Пьер Пети не занимается политикой, он — наш лучший ученик. Отец его — чиновник и служит в префектуре. Пьер тоже хотел бы стать чиновником, но отец думает сделать из него инженера. У Пьера блестящая память, он все заучивает наизусть. Он ничего не понимает ни в математике, ни в философии, но книгу он знает лучше учителя, поэтому учитель математики всегда ставит его нам в пример. Он достиг идеала. Его можно разбудить ночью, и он по учебнику Рустана расскажет все о «вещи в себе» Канта. Пети гордится своим бальником. Каждую субботу отец Пьера подписывает отметки сына и крупным почерком приписывает на полях: «Благодарю». Пети никогда не опаздывает, никогда не шалит. Он не курит, как другие мальчики. И даже за глаза не называет помощника директора Тюленем. Теперь очень трудно поступить на службу, только первые ученики могут на это надеяться.

— Хитрец Пьер будет обеспечен, — таково мнение класса. —

Он — молодец. Но подражать ему очень скучно.

Пьер меняет решения задач на сочинения по философии, а иногда продает за деньги или за шоколад. Мы прозвали его Носорогом.

У нас в классе есть еще Зебра — веснущатая девушка Леви. Есть Кофе с молоком — самый большой лентяй в школе. Мы часто даем прозвища.

Шарль Молино — Розовый поросенок. Он пухлый и розовый, моложе всех в классе. Беден, ходит в коротких заплатанных штанах. Девочки его презирают. Считается неприличным после пятнадцати лет ходить не в брюках, но у него их нет.

Поросенок нечистоплотен и глуп. К тому же он недоросток, но на второй год ему оставаться запрещено, потому что он взят на стипендиальное место нашей школы, как сын погибшего на войне. Мать его — белошвейка, и они живут где-то за городом.

У Поросенка не хватает книг, он пишет на старых тетрадях. У него нет денег на сладости, и он никогда не говорит о кинематографе — он был там раз и ничего не помнит.

Поросенок не интересуется политикой. В переменах он играет с младшими группами. Я никогда не видела его разговаривающим с одноклассниками.

Как-то директор, прочитав классу отметки за четверть, обратился к нему:

— А теперь поговорим о тебе, Молино, мой милый мальчик. Ты учишься в моей школе. Я это делаю ради твоей бедной матери и в память твоего отца. До сих пор я никому не говорил, что ты не имеешь права находиться здесь. Хотя я не люблю говорить о своем мягкосердечии, но теперь ты меня заставил. У тебя не только плохое поведение, но ты еще плохо учишься. Подумай о своей бедной матери и о том, сколько я для тебя сделал, и тебе станет стыдно. Если ты и дальше пойдешь по тому же пути, то я не смогу тебя больше держать в школе. Это не значит, что ты должен плакать, ты должен исправить свое поведение. Слышишь, Молино, перестань. Ну, что ты мне окажешь?

— Я больше не буду, господин директор.

Мне было жаль Розового поросенка, но все-таки он выглядел очень смешно — маленький, заплаканный, курносый, в коротких штанах, он старался сдержать слезы и говорить, как взрослый. Поэтому, когда Морель стал дразнить Поросенка, никто его не поддержал.

— Морель, замолчи, — сказала Габи. — Ты очень храбрый с клопами.

И Морель замолчал.

Поля Мореля не любят. Он не сумел себя проявить ни как

хороший ученик, ни как богач. Мать хочет, чтобы он вошел в дело к дяде, у которого небольшая пуговичная фабрика. Для этого мальчик должен кончить юридический факультет. Поль согласен. Сейчас он каждый день играет в футбол и ненавидит школу.

Когда ко мне приставал Кац, он был его наперсником, и они вместе посылали мне письма и записки. Однажды я пожаловалась на Мореля учителю. Но потом мы помирились.

Морель — мускулистый, некрасивый, здоровый. Кац — слабый, рыжий, с хорошей памятью, легко запоминает наизусть, умеет даже решать задачи, но совершенно не интересуется спортом и всем, что занимает Мореля. Дружба их никому не понятна. Кроме того, оба — новые ученики, и класс их мало знает.

Несмотря на это, они считаются «из нашей компании» — это «попюлер» (по имени газеты). В школе есть и другая компания — аристократы. Главный из них — Шарль де Монферан, сын генерала. Рауль де Бурже также мог бы принадлежать к ним, но он держится с нами.

Монферан учится плохо, зато одевается хорошо, состоит в нашем рэгби-клубе, к девочкам он не пристает, а «ухаживает» за ними, особенно за Габи. Его часто видят в кафе. Директор обещал донести об этим генералу. Шарль боится отца. Тот его сечет каждую субботу за плохие отметки. Как-то во время игры Шарль выбил своему товарищу зуб. Чтобы тот не сообщил отцу, Шарль с тех пор оплачивает ему все сладости, книги и тетради. Шарль часто пропускает уроки. Товарищи несколько раз за деньги писали директору письма от имени генерала: «Мой сын не мог явиться 17-го в школу, так как у него болел живот». Однажды он попался, и был скандал. Директор нашел в письме три орфографические ошибки. А директора не убедишь, что генерал не умеет писать.

Все удивляются, откуда у Шарля столько денег. Ведь он всегда жалуется, что отец жаднюга. Но он объяснил:

— Отец спит в соседней со мной комнате. Каждое утро я отправляюсь к нему под подушку на охоту. Он кладет туда свой бумажник, понимаете.

Шарль мало смыслит в политике, но он считает себя роялистом. Мечтает о карьере дипломата. Носит значок роялистов, ходит в Латинский квартал, приносит в класс газеты, где на первой странице нарисованы коммунисты и красные от крови своих жертв претендент на престол Франции герцог де Гиз и грязная Марианна[19].

Другой регбист Николя Вяземский, лучший друг Шарля, сильно ему подражает. Его родители — русские эмигранты. Они

бежали из России, когда ему было семь лет. Я слышала однажды, как он рассказывал девочкам: «Имение моего отца горело, клубы дыма вились над замком, я схватил шкатулку, оседлал коня и поскакал к берегу моря, где стоял английский корабль…» Девочки слушали, как завороженные. Увидев меня, он смутился и замолчал.

Николя говорит, что он роялист.

«Французский король будет воевать с чекистами и отдаст нам нашу родину», — говорил он.

Семья Вяземских вывезла из России много денег, которые были удачно пущены в оборот. Теперь они богаты, ведут светский образ жизни, офранцузились настолько, что Николя говорит по-русски картавя и с ошибками, он ненавидит Францию. Они не перешли во французское подданство, но сын должен сделать здесь карьеру.

Третий в этой группе — Жан Луи Кольдо, очень красивый мальчик, элегантный и зализанный. Он дает советы всей школе: «У тебя не так завязан галстук». «Больше простоты». «Это шик провинциального буржуа». «Эта рубашка не подходит к костюму». Отец Жана Луи — врач, знаменитый разбогатевший врач. Сын тоже со временем станет врачом. Он также «Аксион Франсез» — не из убеждений, но потому, что все его товарищи — монархисты. Под видом политических собраний они устраивают кутежи у одного из товарищей.

Когда он поступит на медицинский, у него будет свой маленький «фиат». Отец обещал ему отдельную квартиру. Будущее полно радостей. Говорят, что директор — его родственник. Во всяком случае раз в месяц он пьет у директора кофе.

У нашего директора на квартире живут из нашего класса двое: Одетт Сименон и Жак Сене. Родители Одетт — старые знакомые директора. Они живут в Лионе, где у отца фабрика шелка. Семья Сименон долго колебалась, они хотели отдать дочь в монастырь. Но директор обещал следить за ней. Он вскрывает все ее письма. В воскресенье, идя с женой в театр или кинематограф, берет ее с собой. Проверяет ее уроки, позволяет гулять только в школьном саду.

В классе говорят, что она «пахнет Пэпэ». Пэпэ с ней целуется, это все знают.

А она держится недотрогой. Ее раз попробовал поцеловать Кац, и как она тогда орала.

Одетт одевается неряшливо, хорошо учится, но ничего не понимает.

Жанин Лорак, длинная и худая девочка, которую приводит и

отводит в школу гувернантка. Жанна тихая и скромная.

Любимец класса — это Жак Сенс. Он курносый и веселый, его отдали в школу пансионером. Отец его часто уезжает из Парижа, он — представитель одной немецкой фирмы во Франции. Дома тогда никого не остается. Мать вышла замуж за другого.

Жак прекрасно знает математику и физику. Он часто сажает в галошу самого Крокодила. Ему наплевать на философию, литературу, историю. Он не учит уроков, зато по физике его даже не спрашивают. В начале учебного года он продал все учебники и приходит в классе без книг. Жак — единственный из всего класса — чем-то интересуется. Он хочет стать гениальным инженером, таким, как Лессепс. Все остальное — учителя, отметки — ему безразлично. Мы верим ему, хотя новички параллельного иногда спрашивают:

— Если тебе не важны отметки, для чего же тогда учиться?

Лэпэ несколько подозрительно относится к усердию Жака по физике.

— Ты должен стараться успевать по всем предметам.

Пэпэ следит за Жаком, вскрывает его письма, наказывает за шалости, но ничего предосудительного обнаружить не может.

Другие ученики держатся настолько обособленно, что я их совсем не знаю.

Глава 9

Как-то после уроков меня отозвала Габи и сказала шепотом:

— Сейчас мы идем в кафе. Хочешь с нами? Ты не бойся. Даже если директор узнает — не страшно. Ведь это днем.

Мне давно хотелось пойти в кафе. Крича и болтая, мы отправились в «Ротонду» и сели в глубине зала. Нас было человек десять: кроме меня и Габи — мальчики из параллельных групп.

Кто-то из них угощал и вел все разговоры с официантом. Я взяла мороженое, остальные — пиво.

Мы чувствовали себя неловко, но разговаривали развязно, как взрослые.

— Слушайте, ребята, а ведь дело Месторино затягивается. Вчера мой отец присутствовал при том, как допрашивали Сюзанну Шарко.

— Хочу пойти на процесс. У меня взрослый вид. А если остановят, я скажу, что мне исполнилось восемнадцать лет.

— Сегодня второе заседание палаты радикалов ста двадцати пяти. Позор! И Буиссон — президент палаты! Левый социалист называется. Дерьмо!

— Ты можешь радоваться, Пьер, твоих коммунистов —

четырнадцать.

— Почему они мои? Но они молодцы, и из них четверо за решеткой.

— Ну, ты тише, Буиссон — это кандидат Бриана.

— Это палата кнута.

— Сюзанна Шарко говорит, что белье было спрятано за шкафом. Ты понимаешь всю важность этого показания?

— А в чем дело? Я пять дней не читаю газет.

— Как Месторино убил одного ювелира. Ну, а Сюзанна, его родственница, помогла ему убрать тело. Наверно, его любовница.

— Ничего подобного! Это — несчастная девчонка, которую затаскали по судам.

— Однако она пудрится перед допросом.

Официанты, как нам казалось, с удовольствием прислушивались к этому «взрослому» разговору.

— Коммунисты и анархисты в Италии получили триста восемьдесят пять лет заключения. Один Террачини двадцать семь лет.

— Неплохо бы нам такого Муссолини. Там не бывает таких вещей, как сегодняшняя забастовка. Утром я сажусь в автобус, чтобы доехать одну станцию до Больших бульваров, заплатил за билет, а вожатый издевается и проезжает все остановки до самого конца: «Извините, господа, забастовка». Муссолини показал бы им!

— Молчи, дурак, ты ничего не понимаешь. Без забастовки было бы сплошное хамство. Это их право.

— Ты бы тоже забастовал, если бы…

— Ба, ба, ребенок рассуждает. Малютка.

— Твой Муссолини — верблюд.

Мы разговариваем, едим мороженое, пьем пиво.

Глава 10

В конце декабря, возвращаясь из школы, я встретила Луизу, бывшую горничную моего пансиона. Она очень похорошела. У нее узкие, выщипанные брови, она красит губы и щеки.

Я обрадовалась этой встрече. Мы посидели в саду. Луиза обнимала меня без конца.

— Как вы выросли, мадемуазель. Я сколько раз хотела вас повидать, но боялась этой старой индюшки, хозяйки. Когда меня выгнали из пансиона, я была в отчаянии. Потом через неделю удалось устроиться к одному старику. Он — одинокий, у него рента и нет наследников. Если он сдохнет, я получу эти деньги. Но я об этом не мечтаю, мне и теперь хорошо. Я должна его

кормить, убирать за ним. Кстати, это мне очень приятно. Он иногда делает под себя. И вообще грязный. У него пахнет изо рта. Он мне платит четыреста франков. Это неплохо. Вы знаете, как я жила в первый год службы, когда я сбежала от матери. Она хотела, чтобы я тоже шила. Это очень скучно — шить на других. К тому же я встретила Пьера. Он уговорил меня бежать. Мне было пятнадцать лет. Мы поселились с ним в отеле королевы Бланш. Знаете, что это за отель? Туда приходят с проститутками. Всю ночь галдеж, и я умоляла Пьера переехать. Но у нас не было больше денег. Потом Пьер сбежал. Мне тогда это показалось ужасным. Как я его проклинала! На самом деле, вы понимаете, все это вздор. Раз в жизни надо перенести потрясение. Я хотела уже вернуться к матери, но вдруг мне предложили место няньки. У меня еще не было детей, и я ненавидела этого крикуна. Я его щипала и не давала ему есть. В саду меня принимали за его мать. Это было очень обидно. И вот раз я его оставила на целый вечер одного. Он до того доорался, что у него выскочил пупок. Меня прогнали. Вот видите, барышня.

— А что потом?

— Были и хорошие и плохие дни. Зато теперь настало полное блаженство. Мой старик ложится рано спать. Каждый вечер я свободна. Денег у него не украдешь, но мне дарят мои любовники. Приходите ко мне как-нибудь вечером посмотреть, у меня целый гардероб платьев. Хорошо, что я сбежала от матери. Она наверное бедствует. Это поколение не понимает, как теперь нужно жить. К тому же я красивая, я могу легче зарабатывать. Вот вам будет труднее. По-моему, вы зря учитесь. Я умею немного писать, и хватит. Романы я тоже могу читать, когда мне скучно.

— А ребенок?

— Он умер. И это счастье. Так было трудно. Да и я молода, чтоб обзаводиться семьей.

Прощаясь, она заставила меня записать свой адрес и важно кивнула головой.

Глава 11

Я мало знаю родителей моих соклассников. Не принято приглашать к себе, а если приходишь к кому-нибудь, то видишь только мать, да и то мало.

Про генерала Монферана в школе известно много подробностей. Шарль любит ругать отца. Дома он не смеет пикнуть. Все предки Шарля были военными. Его дед и прадед кончили Сен-Сир, двое дядей учились в Морской академии. Некоторые делали карьеру в колониях, другие выслуживались в

Париже.

Отец Шарля был младшим в семье, все силы протекции были использованы на его братьев. В течение пятнадцати лет он медленно подвигался по службе. Но ему повезло. Началась война. В 1916 году Монферан был произведен в генералы. Теперь он в отставке.

Он роялист. У него бывают де Гизы. Шарль причиняет ему много беспокойства. Он жаловался директору. Мальчишка не хочет учится, он не трудолюбив, он не захотел поступить в военную школу. Он хочет ездить по балам, иметь любовниц, если хотите знать. О карьере он и не думает.

Шарль рассказывал мне по секрету, как иногда генерал, не говоря ни слова, начинает его бить.

— Сечь без всякой видимой причины. Это он, надумавшись всласть в своем кабинете, что я ничтожество, учит меня. Старый маниак! Мама говорит, что он был красивым и кротким. Так я и поверил этому! Ты представляешь — он ненавидел военных и страдал от казармы. Теперь он все забыл и ничего не хочет понимать.

Об отце Розового поросенка узнали из его сочинения.

Как-то на уроке морали нам дали тему:

«Достаток и комфорт легко могли бы стать уделом большинства людей, если бы только люди могли делать надлежащий выбор средств для достижения и вкушения этих благ». Смайльс.

Молино получил двойку.

Учитель, издеваясь, прочел эту изумительную белиберду:

— «Отца я не помню, но мама много мне говорила о нем, что у него был виноградник на юге (кстати, у вас написано веноградник, я не уверен, что описка). Три лета подряд не удалось снять виноград из-за филюксеры. (Это страшно важно знать там, не правда ли?) Потом опять были дожди, и началась виноградная болезнь, и третий год снова. Тогда родители продали домик, земля пошла на уплату долгов, и мы уехали в Париж, потому что здесь у них были родственники. Моего отца устроили на работу, но он не успел еще скопить денег, так как его погнали на войну (прекрасное литературное выражение: гонят овец, баранов, коров — на войну призывают). Мать осталась с грудным ребенком одна. Родственники были со стороны отца. Они не желали ей помогать, тогда мы переехали за фортификации[20]. Там ей помогли одни незнакомые люди, кроме того, она научилась шить. Отец был убит на войне. Нам платят пенсию, но очень мало. Моя мать больна. Теперь я стараюсь достигнуть достатка и комфорта, но не знаю, как сделать

надлежащий выбор средств…»

— Вот и все. Как тебе не стыдно, Молино! Тебе было лень вникнуть в тему. Ты написал первое, что тебе пришло в голову. Я махнул на тебя рукой, а то показал бы это директору.

Смотри, что написали другие ученики, Пети, Бельмон. Вот послушайте, как прекрасно пишет Морель:

— «Нет разумных причин думать, чтобы рабочий нашего времени, получая высокую плату за свой труд, не мог накопить себе хотя бы небольшой запасный капитал. Весь вопрос, как это сделать, сводится к умению обуздывать свои желания, к умению отказывать себе в лишнем и соблюдать должную экономию в частной жизни. Привычка обуздывать свои желания — вот главное, что должно себе усвоить. Усвоив это качество, мы избегаем…» — Вот видите — красивый слог, и видна мысль.

— Но он все списал, — толкнула меня Габи, — я это видела.

Молино очень любил отца, поэтому он написал такое сочинение. Это, пожалуй, единственный из нашего класса, кто по-настоящему уважает родителей. Обычно все боятся отцов, но не дружат с ними, никогда не спрашивают советов и не обращают внимания на матерей.

Отца Габи я видела. Это был для меня несчастный день. Я была приглашена семьей Перье к обеду. Но я опоздала на полчаса. Когда я пришла, все сидели уже за столом. Г-н Перье очень холодно со мной поздоровался, и обед прошел при гробовом молчании. Он меня возненавидел за мою неаккуратность и просил никогда меня больше не звать.

Это — небольшой человек с усами и лысиной. У него брюшко. Он старомодно одет.

Сейчас ему лет пятьдесят. Он инспектор кадров в Управлении колоний или что-то в этом роде. С тех пор как он стал получать довольно большое жалованье, г-жа Перье гордится своим мужем.

— Когда мама вышла замуж, он был только секретарем по налогам. Ему приходилось ездить по деревням — он служил в Марокко, потом на Мадагаскаре, в Гвинее — и выбивать из негров налоги. Он переболел всеми лихорадками. Он говорит, что часто был в опасности — ведь негры не очень кротки.

Габи и Сабина родились в колониях. Но наконец через своих друзей г-н Перье начал повышаться по службе. Теперь он достиг предела своих желаний. Его отправляют в здоровые колонии, и он там живет в многомесячных командировках. Сейчас он приехал из Туниса. У него там дом, много прислуги. И несколько черных детей. Он это рассказывал жене. Господин Перье привык к чернокожим — это животные, но с ними легче жить. В Париже ему скучно, к тому же надо ходить в министерство и работать. В

Тунисе он — начальник. Ему не надо приспособляться. В Париж приятно приезжать иногда. Жить надо в колониях.

Вот и все, что я знаю о родителях моих товарищей.

Глава 12

В первую зиму в Лотарингской школе я поступила в герлскаутский отряд. Я еще новенькая, «голубенькая». Я выдержала вступительное испытание. Дала клятву: «Верю в Бога, в семью, в родину». Надо было объяснить смысл клятвы. У нас не религиозная секция, но мы повторяем эти три слова, потому что они входят в правила. Начальница отряда спросила у меня:

— Что такое Бог?

— Но я же не верю.

— Но какой твой Бог?

— Мой бог во мне.

Она осталась довольна. Перед костром я подняла три пальца и сказала: «Бог, родина, семья». Теперь я имею право носить костюм хаки с голубой звездочкой. Я готовилась к экзамену второго класса.

Для этого я учу:

Герлскаутка должна быть доброй к людям, зверям и растениям.

Герлскаутка должна подчиняться родителям, начальнику и законам.

Герлскаутка никогда не должна врать старшим.

Она должна совершать от одного до трех добрых дел в день.

Уметь пробежать двадцать минут по пересеченной местности.

И так две страницы.

Кроме того, я должна знать разные узлы, должна уметь варить обед, разжечь костер тремя спичками и еще много других вещей. Тогда я получу две звездочки.

Мы собираемся обычно по субботам, вечером, и занимаемся дыхательными упражнениями и мускульным спортом, варим себе ужин, плетем корзинки и выпиливаем рамочки для фотографий. А главное — поем.

Мы поем такую песню:

Ах, как сладко в Аркашоне! Ах, как сладко!
Звезды светят в небесах.
Выпить кофе под палаткой, под палаткой
Караулить на часах.

И еще такую:

Дело нашей родины прекрасной
Мы готовы грудью защищать.

По воскресеньям мы ездим за город.

Начальница отряда — американка. Из-за этого у нас все проще, чем у других, и нас не любят другие секции. На генеральном смотре всех герлскауток Парижа наша секция отличалась тем, что у нас было пять неформенных костюмов. Шеф герлскауток мадам Вольтер приехала к нам и сделала всем выговор. На спортивных состязаниях мы не получили ни одного приза.

Каждый патруль ведет журнал посещений, добрых дел и гигиены. (Кто открывает на ночь окно, кто каждый день купается.)

Я уговорила Габи поступить к нам. Это было в первый месяц, когда я была увлечена отрядом.

Я напомнила ей о ее любви к спорту.

— Да, но мне не нравится костюм. И потом все эти обязательства. Кроме того, все скаутки некрасивые. Они не имеют права мазаться.

У нас есть специальный магазин, где можно купить все нужное для скаутки; звездочки, костюм, кастрюли, песенник, правила. Скаутки любят туда ходить. Но там все очень дорого. Это — единственный магазин скаутских вещей в Париже.

В одиночку я стесняюсь ходить по улице в нашем костюме — если встретишь кого-нибудь в той же форме, надо поднять три пальца. И постоянно задирают мальчишки. Особенно плохо, если нарвешься на «моном».

Моном — это значит вот что:

По воскресеньям или в свободный день ученики из всех лицеев собираются вместе. Потом шеренгой, держась за руки, они носятся по улицам. Иногда переряжаются. Горланят песни:

Кто любит путешествия,
Те — дон тюрон-ди-ди,
А те, кто их не любит,
Те просто бри-ди-ди —
Сидят как артишоки
Вдоль — около воды,
Накапливают соки
Их нежные зады.
Приди ко мне, Жанина,
Барашек мой, приди…

Они хватают девочек, заставляют их идти вместе, целуют, ходят по кафе, по музыкальным автоматам, переполненным любителями музыки, орут, не давая посетителям дослушать пластинку. Стоит страшный крик, потому что посетители, которым придется вторично опускать двадцать пять сантимов в автомат для прослушивания, возмущены.

Моном не запрещен, поскольку он не мешает уличному движению.

В женском лицее о нем говорили как о чем-то ужасном. В Лотарингской школе — это нормальное явление. В каждом классе существует мальчишка, который извещает других о месте монома.

Мое увлечение скаутским отрядом скоро начало остывать. После того как первые испытания были сданы и необычность прошла, скаутские занятия стали казаться удивительно однообразными. Опять завязывание узлов, ориентировка без компаса, пение, рассказ о благонравном патруле «волка», плетение корзин.

В отряде были ученицы разных школ. Разных районов. Это были дочери лавочников, нотариусов, зубных врачей, мелких фабрикантов, журналистов из «Улыбки» и «Недели». Они верили в Бога и мечтали о муже-американце.

Летом, когда мы поехали в лагеря, я оказалась самой младшей. Всем было по восемнадцать-девятнадцать лет.

По воскресеньям все ходили в церковь в соседнюю деревушку. Вскоре к нам стал приезжать на мотоциклетке священник. Он был красив и произносил увлекательные проповеди. В него влюбились все скаутки. Вечером, засыпая, я слушала, как девушки мечтают о будущем муже. У некоторых уже были женихи. Такие скаутки не желали участвовать в походах, заставляли младших варить обед.

Начальница отряда мечтала о маленьких скаутках и о «волчатах», ей было трудно справляться с этими переростками.

Она рассказывала нам в лагерных беседах об образцовых английских скаутках.

— Хотите ли вы быть такими, девочки?

— Англичанки… У них лошадиные челюсти.

Глава 13

Школьная жизнь идет спокойно. Дни похожи один на другой. Мы встаем в половине восьмого и торопимся на занятия. Париж давно проснулся, улицы крикливы, шумны, пахнут бензином.

Я спускаюсь в столовую пансиона в восемь часов утра. Большой стол в обеденном зале еще пуст. Здесь сидит только машинистка, Прогальер, одинокая старуха, у которой сыновья отобрали деньги.

Нам подают огромные чашки желудевого кофе и поджаренный хлеб. Еще темно, но электричество не зажигают из экономии. Мы читаем газеты. Я спешу, не допиваю кофе и бегу в школу.

Я не одна. В этот час на улицах на каждом шагу встречаются школьники и школьницы с папками книг и тетрадей. Где-то по парижским улицам сейчас, так же как я, торопятся мои товарищи по классу.

Габи, конечно, проспала. Ее будит мать.

— Габи, вставай скорее. Ведь ты опоздаешь. Сабина давно встала. Хочешь, я принесу тебе кофе в постель?

— Ах, отстань, мама! Я посплю еще одну минутку. Ну, и опоздаю.

— Ну, девочка, нельзя же так. Все это из-за того, что ты так поздно ложишься.

Габи приходится выслушивать перечень ее недостатков и прегрешений. Утром она очень мрачна. Опять идти в эту «коробку». Опять учителя.

— Габи, ты малокровна. Нужно лечиться. Ночью опять шумели соседи. Габи, ты опять не знаешь своих уроков. Почему ты мало ешь?

— Мама, дай мне денег на метро. Нет, больше. На первый класс. Ты жадная.

— Дай, я тебя поцелую на дорогу.

— Ах, отстань! Ты видишь, я напудрена.

В час, когда Габи только выходит на улицу, Молино Розовый поросенок уже давно едет в метро. Он боится опоздать и все-таки каждый день опаздывает. Ему нужно сесть в метро до половины девятого, не то придется платить по обыкновенному тарифу, а так он платит по рабочему — вполовину дешевле. По дороге он вспоминает теплую постель, мать, которую он так любит, утренний хлебец. На улицах холодно. А о школе не хочется и думать. Там все чужое и скучное.

Кто никогда не опаздывает в школу — это Вяземский. Ему очень близко. Вяземскому суют в портфель бутерброды. Он их выбрасывает в урну. Мать не понимает, что здесь не Россия, и неудобно в школу приходить со своими бутербродами.

В белом доме на улице Пьер Кюри Жанин завтракает с гувернанткой в большой столовой с дубовыми стенами. Жанин болтает только в школе. Родителей она не видит: утром они еще

спят, а вечером их не бывает дома. С гувернанткой не поговоришь. Она помешана на приличиях. Во время завтрака обе не произносят ни слова. Жанин быстро сует в рот сухари и, обжигаясь, пьет шоколад. Ей хочется на улицу, поскорей в школу, пококетничать с мальчиками и поболтать с подругами.

— Мадемуазель, вы забыли тетрадь. У вас не причесаны сзади волосы. Не спешите, еще много времени.

Гувернантке лень идти на улицу.

— А какая у вас температура? Вы что-то лихорадочно румяны сегодня. Вот вам градусник.

Жанин сует градусник мимо подмышки. Торжествующе вынимает.

По улице они идут тихо.

— Не берите меня под руку, мадемуазель. Это неприлично. Девушка не должна отставать или забегать вперед. Она не должна оглядываться по сторонам.

Жанин знает все это из «Книги приличий» в зеленой обложке, которую так любит гувернантка.

Подходя к школе, гувернантка каждый раз вздыхает. Отдать девочку в одну школу с мальчиками. Сумасшествие!

В это время шофер уже напоминает о себе гудками у подъезда Монферанов. Шарль уже позавтракал и осторожно идет в спальню отца. Генерал еще спит. Шарль прислушивается к храпу и лезет под подушку за деньгами.

9 часов. В классе все на местах. В последнее мгновение появляется Молино, встречаемый насмешливыми криками.

Идет урок географии.

— Тейяк, перечислите реки Китая. Хорошо. Ну, а еще какие? Ну, мадемуазель Лорак, отвечайте.

— Хоанг-хэ… Хоанг-хэ… Гей-го… Больше не знаю.

Учитель смотрит в сторону Габи. Она рассматривает классную доску с напускным равнодушием. Хоть бы не спросил. Хоть бы не спросил. У, черт! Она потирает указательным пальцем дерево парты. Это приносит счастье.

Фу, кажется, больше не будет спрашивать! Вот повезло.

— Я вам продиктую маленькое резюме, которое вы должны знать. Кроме того, выучите от сто двадцатой страницы до сто пятидесятой. Пишите. Японское население состоит из двух элементов: айносы, туземный, примитивный народ, не способный к цивилизации, живущий на Иесо, и японцы, которые заселили и победили весь архипелаг. Это жалкая раса, состоящая из двух типов, один более тонкий аристократический, другой более грубый, но оба обладают одинаковыми признаками: маленький рост, желтая кожа, узкие глаза, широкие скулы. Они исповедуют

две религии — буддизм и синтоизм. По преданию…

Мы пишем диктовку, посматривая на часы, скоро ли кончится урок. Некоторые только делают вид, что работают. Рауль пишет письмо. Звонок. Учитель обрывает диктовку на полуслове. Толкаясь, мы выбегаем на двор.

Перемена в пять минут. Игры, беготня, болтовня. Некоторые быстро перелистывают учебник истории, чтобы подготовиться к следующему уроку.

«…До 1815 года Норвегия принадлежала королю Дании. В 1815 году Скандинавия разделяется на три отдельные страны, но Норвегия и Швеция остаются под властью одного короля, который живет в Стокгольме. С 1905 года норвежцы получили отдельного короля…»

Урок истории. Сегодня спрашивают тех, кто остался с прошлого раза. Объяснений сегодня нет. Значит, к следующему дню можно ничего не готовить. Потом учитель диктует маленький отрывок о Германии и немцах. Монферан их называет бошами и слово «немец» в тетради записывает «бош».

Физика. Дорэн — плохой учитель. Его не заботит, понимаем ли мы его или нет. Однако он очень строг.

Сегодня он показывает опыты. Мы не понимаем их, но все довольны. Это забавнее, чем отвечать урок или записывать формулы физических законов.

В половине двенадцатого перерыв. Мы идем обедать. С двух часов опять уроки.

Без четверти два почти все уже возвращаются в школу. Начинается наш «пятнадцатиминутный клуб», как говорит Пьер Пети.

Мы болтаем о всех событиях дня.

— Сегодня какая-то женщина в шестой раз перелетела Атлантический океан. Теперь ее снимают. О ней пишут. Американка. Ей-то ведь нетрудно было. Сиди себе спокойно, а пилот правит.

— Когда я полечу, это будет уже стосороковой раз, и никто не будет меня чествовать.

Собралась кучка вокруг Деметра. Он — сын греческого генерального консула. Обычно его дразнят былым величием его страны.

— Почему ты не едешь усмирять табачников, ведь они уже пять дней как бастуют. Нечего будет курить.

Габи в новом платье — ярко-красном. Все ее задевают.

— Не хватает быка… Ты что — коммунистка?.. Дай пощупать материю…

— Бурже, ты дурак, не смей щипаться.

— Ты похожа на Жозефину Беккер.

Сегодня конец пробега вокруг Франции. Мальчики держат пари, спорят. Велосипедисты уже в Шербурге.

— Франк победит.

— Франк рогоносец[21].

— Я тебе говорю, что выиграет Ледюк.

— У Ледюка не хватит пороха. Он мочалка.

— Ставлю десятку на Франка.

— Габи, а тебе кто больше нравится?

— Габи, можно, я тебя провожу сегодня?

— Сено, я видела твои отметки. У тебя семь по истории.

— А мне наплевать!

— Тише, идет Тюлень.

— Завтра моном, господа.

— На, списывай, сейчас будет звонок.

— Мадемуазель Одетт, как поживает наш милый «папаша»?

Одетт Сименон готова заплакать. Вся школа знает, что она целуется с директором. Это обнаружила Габи во время скандала с Пьеро.

Было так. У нас появился новый учитель истории. Весь класс был возмущен тем, что он молод и перед экзаменами у нас забирают нашего «гриба».

Молодого Пьеро (его настоящая фамилия Пиоро) стали сживать со света. В классе курили, пели, устраивали джаз. Все это ни к чему не привело. Нам сделали выговор, заставили в воскресенье прийти в школу, а Пьеро все оставался.

Наконец произошел скандал. Кто-то из мальчиков принес вонючки и на уроке истории разбил их. Пьеро вызвал директора и тот, взяв наугад фамилии двух учеников, решил их исключить. На следующем уроке класс решил послать директору записку. Для того чтобы отнести ее, была выбрана Габи. В этой записке класс просил вернуть исключенных. На уроке физики Габи под предлогом, что ей нужно выйти, пошла к директору.

Она постучалась в директорскую. Не дожидаясь ответа, вошла в кабинет. На коленях у Пэпэ сидела Одетт Сименон.

Он что-то закричал. Габи сделала вид, что ничего не заметила, и сказала, что мальчики невинны и что если наказывать, то нужно исключить весь класс. Он стоял багровый, и его пучок седых волос торчал дыбом. На Одетт Габи не смотрела.

Пэпэ, конечно, наорал, сказал, что он не ожидал от девушки такого поступка. На перемене нам было объявлено, что оба мальчика оставлены в школе. Зато весь класс получил нуль за поведение.

В ту же перемену Габи, взяв с меня клятву молчать,

рассказала мне о виденном. На следующий день она уже позаботилась о том, чтобы эту историю узнала половина класса. Бедной Одетт не давали покоя. Однажды Пэпэ взошел на кафедру и прочел наставление:

— Мои дорогие дети, я замечаю в этом классе страшный упадок. Во-первых, вы, молодые люди, забываете, что такое французская галантность. На днях я видел, как Одетт плакала. Она мне не сказала, в чем дело, но я понял, что вы изводите ее. Вы забываете, что к женщинам вы должны относиться так же, как относились ваши предки. Французы галантны, не забывайте этого. Неужели слезы женщины не вызывают у вас желания защитить ее? Я не знаю, какой мерзавец ее обидел и за что. Она, как честная девочка, не сказала этого, не то бы я наказал виновного.

Однако выговор не помог. Одетт продолжали дразнить.

— Банда идиотов, — говорит Одетт, когда ее задевают.

Но о ней уже забыли.

— Великолепная игра в «Бамбук и семь драконов» моей тетке привез ее родственник из Индо-Китая. Он там служит в департаменте.

— Габи, ты красная, как огонь. У тебя, наверно, жар.

— Кто видел в кино «Чикагские гангстеры»?

Монферан, Вяземский и Кац шепчутся. Кац приглашает к себе.

— Я нашел у отца неприличные открытки. Сегодня он уехал в Лион. Я вам их покажу.

— Объясни мне, Дюртен, что такое иррациональные числа.

— Габи, ты собралась на бой быков?

Ровно в два снова начинаются уроки.

В пять часов длинный дребезжащий звонок. Занятия кончаются.

У выхода стоит несколько автомобилей. Родители некоторых учеников заезжают к пяти часам в школу. Здесь уже машина грека с греческим флажком. Шофер открывает дверцу Деметру. Укутывает его ноги в мех.

Габи с компанией мальчиков чинно идет по улице. Отойдя от школы, они берут ее под руки. Все бегут вприпрыжку.

Молино бежит радостно к маме.

Пети решает пойти домой пешком. Он живет у Лионского вокзала. Но ехать скучно и жаль денег.

Школа опустела. Все разошлись. День кончен.

Глава 14

На Рождестве состоялся ежегодный бал нашей школы. Я не хотела идти, так как у меня не было вечернего платья. Но Габи мне одолжила одно из своих. Часов в восемь вечера я пришла к ней. Она надела ярко-красное платье, зализала волосы и стала ужасно похожа на Жозефину Беккер. У меня было желтое платье. Несмотря на все старания Габи украсить меня, ничего не вышло. Меня стесняли открытые руки и декольте. Все же я была заражена тем же волнением, что и Габи.

Ее мать одела черное платье и накинула большую белую шаль. Напудренные, намазанные, мы наконец сели в такси. Всю дорогу молчали. Волновались больше, чем перед экзаменами. Бал был в Кляридж — большом отеле на Елисейских Полях. Такси остановился в хвосте автомобилей, из которых выходили разодетые люди. Мне хотелось сразу выпрыгнуть из такси, но это было неприлично, и я ждала, пока мы подъехали к самой двери.

Наконец наша очередь. Огромный швейцар помогает нам выйти. Ярко освещенный вход. Крутящиеся двери, в которых я запутываюсь и иду в обратном направлении. У вешалки пахнет духами и пудрой. Все прихорашиваются. Я пытаюсь запудрить красный нос, приглаживаю хохол на макушке. «Напрасно я не завилась», — тоскливо думаю я, глядя на других.

Габи берет меня под руку. Она тоже смущена. Входим в зал. Мать идет за нами. Вот у нее-то непринужденный вид! В зале мы садимся на стулья, расставленные вдоль стен: здесь сидят родители и девушки, которые ждут приглашения. Габи сразу же уводят танцевать. Она теряется в этой огромной толпе. Только время от времени я вижу снова ее сияющее личико. Она сегодня очень хорошенькая. Здесь все наши учителя. Все подкрашенные, во фраках, неузнаваемые и очень смешные.

«Таксо», которого я привыкла видеть в слишком коротких брюках, с зонтиком и на уроках копающимся в носу, теперь галантно целует ручку своей дамы. Мать Габи быстро знакомится с соседними мамашами. Ко мне подходит один из мальчиков нашего класса. У него волосы блестят так, что больно на них смотреть Вместе обычного «Эй, ты…» — «Мадемуазель, позвольте вас пригласить». Я иду. Танцую я плохо. Я вишу на кавалере, и к концу танца я вижу, как с него капает пот.

Ясно, что теперь меня никто не пригласит.

Весь вечер я просидела на стуле. Мне хотелось плакать оттого, что все такие красивые, всем весело. Соклассники небрежно со мной здоровались, но никто не разговаривает со мной, все увлечены. Жанин тоже тут.

— Ах, вот ты где! — Она садится рядом. — Но почему у тебя такое платье? Оно ведь теперь не модное. Неужели ты не могла

сшить лучшего? Ну, ладно, ничего, и так сойдет.

Какой-то толстый дядя уводит ее танцевать. Рядом подсчитывают, сколько принес бал, — оказывается двадцать тысяч франков.

И все это пойдет бедным детям. На улице Денфер-Рошеро есть приют. Когда я прохожу мимо, то вижу: дети в серых платьях играют на маленьком дворике. Их головы одинаково выбриты.

— Если бы эти двадцать тысяч пошли на то, чтобы их одеть покрасивей, — говорит мать Габи.

Габи, раскрасневшаяся и счастливая, танцует с Сержем. Он ей написал: «Любовь — это темная сказка, дремучая тайна зимы» — Альфред де Мюссе. Габи с ним помирилась.

— Какой красивый молодой человек. Кто это? — спрашивает мать Габи. — У него прекрасные глаза. Познакомь меня с ним.

Где же она могла с ним встретиться?

Из «бедных» никто не пришел на бал: ни Молино, ни Пети. Жаль, мы бы поболтали.

Часов в двенадцать директор произносит речь и угощает шампанским лучших учеников. Бал продолжался до утра, но в два часа я умолила Габи уехать.

Мне хотелось спать, и я отсидела себе ноги. Габи рассказывала о своих успехах, мать ее спала, а я дулась на Габи.

Глава 15

В школе уже несколько дней ужасное волнение. Мы должны выбрать лучшего товарища. Это церемония, которая повторяется каждый год. Директор даст избранному премию товарищества.

Кандидатов много. В прошлом году выбрали девочку — это в первый раз за все время существования школы.

Вся школа заклеена афишами — одна больше другой. Учителя их срывают, потому что, по их мнению, остроумие наших мальчиков не всегда прилично, но через два часа появляется новая. Никто не занимается, все увлечены придумыванием новых реплик.

Монферан был нарисован окруженный накрашенными девчонками, приглаживающим самодовольно волосы. Внизу надпись: «Какой же это товарищ?» Пэпэ сорвал и эту афишу.

Увеличенная фотография Бланше, играющего в хоккей. «Он поддерживает честь нашей школы. Он выиграл школьный матч. Да здравствует герой Бланше».

Де Бурже нарисован с рогами.

Леви — просто профиль с длинным носом без всякой подписи.

Афиши срывались. Тогда стали вырезать на грифельной доске имена. На соседних уличках красовались фамилии наших учеников. Конкурентов обзывали рогоносцами, «вскрывали их личную жизнь». Совсем как на выборах в Палату депутатов.

Некоторые продавали свои голоса.

Габи решила голосовать за Бланше: «Он сильный и красивый». Другие девочки голосовали за Жанну Леви: «Она — девочка. Это наш долг. Хотя она на редкость противная».

В день выборов были отменены уроки. С утра мы засели каждый в своем классе и стали орать не хуже, чем на бирже. Два часа ушли на споры, угрозы, уговоры и даже драки. В 11 часов всех кандидатов выстроили в ряд. Мы должны были осмотреть их и написать на бумажке чью-нибудь фамилию. После первого подсчета пришлось переголосовать. Леви уступила свои голоса Бланше, потому что все равно у нее было очень мало. Роже пришлось тоже сдаться. Их имена стерли с доски.

Большинство получил Бланше. За него голосовали даже те, кто его не знал, просто приятно было голосовать за того, кто выиграет. Грек купил все пять голосов, которые были за него поданы, все это знали. Бланше заслужил победу матчем и огромной рекламой. Директор произнес речь: «Знамя товарищества — это рыцарство, галантность и благородство, дружба с сильным и покровительство слабым…» Бланше получил собрание сочинений Гюго. Никто ему не позавидовал. Ведь он никогда не читает. Бланше продаст свой приз. Или отец поставит его в фамильную библиотеку.

Сейчас же после праздника начались усиленные занятия.

Скоро мы кончаем школу. Скоро будет «башо» — экзамен на аттестат зрелости. Мы ненавидим это слово. Мы мечтаем об университете. Пора. Нам уже 16, 17, 18 лет. Самое трудное, самое главное — это башо. Потом в университете можно почти ничего не делать. Так рассказывали студенты.

Пьер Пети, Габи Перье, Жак Сенс, Тейяк и я решили готовиться вместе. Мы собираемся у меня. Вначале мы решили, что каждый будет готовить других по предмету, который ему наиболее знаком. Но теперь осталось мало времени. Мы читаем вслух конспекты, которые надо знать наизусть. Часто мы просиживаем по четыре часа. Но больше говорим о башо, чем занимаемся. Еще сплетничаем, болтаем о Латинском квартале, считаем, сколько дней осталось до страшного дня.

— Говорят, что если номер места, где ты сядешь на башо, будет делиться на три, то ты обязательно выдержишь.

— У моего брата был номер один. Он просто не пошел на экзамен.

— Сколько тебе даст отец, если ты выдержишь?

— Если я провалюсь, то меня оставят на лето в Париже.

— Вы знаете, сегодня я прочел про ужасный случай. Мужчина убил свою любовницу и украл у нее деньги. Он студент.

— Но как он не боится? Ведь теперь его казнят.

— Газеты пишут, что это из-за любви. Вы знаете — любовь…

— Итак, чему равняется сопротивление? Кто помнит формулу?

— Мне так надоели все эти R да?! Все равно нам не решить.

— Что происходило в конце семнадцатого века во Франции?

— Ты по какому спрашиваешь? По истории или по литературе?

— Я помню только исторические анекдоты, а для башо надо знать даты. Я провалюсь.

— Внимание, у меня вечерний выпуск «Энтрана». Слушайте. Еще один случай. Госпожа Отмар сняла с себя опеку над дочерью. «Заплаканная, измученная, больная, она приехала к защитнику своей дочери и проклинала его…» Дальше. «Свидание госпожи Отмар с дочерью. Мари, увидев свою мать, бросилась на колени и стала целовать ей ноги. Мамочка, прости. Я тебя так люблю. Я так раскаиваюсь. Даю тебе слово, что я тебя не хотела отравить. Я ненавидела отца. Прости, не то покончу с собой. Мари несколько раз теряла сознание». А вот про студента, который брал у Мари ворованные деньги. Господин Мелон давал сыну сто франков в месяц. «Меня несколько удивляло, — показал он, — что сын ходит каждый день в танцульки. Но я не задумывался над тем, откуда он брал деньги. Я считаю, что ста франков в месяц вполне достаточно для молодого человека».

— Студент правильно делал, что брал деньги.

— Но ведь он был кот.

— Друзья мои, друзья мои, на одном кладбище я прочла надпись: «Жан такой-то, семнадцать лет. Он не выдержал экзамена и покончил самоубийством. Мы ему простили. Да простит ему Бог».

— Что ты хочешь сказать?

На некоторое время болтовня прекращается. Мы продолжаем чтение вслух. Башо — дело нешуточное. Школьников, не выдержавших экзамена, оставляют на лето в городе. Их запирают в «коробки» башо — летние школы по подготовке бакалавров. Это частные учреждения и, по-видимому, выгодные, судя по их количеству. Обычно родители должны платить за учебу детей только после того, как те выдержат экзамен. Понятно, что учителя в «коробке» башо стараются вовсю — директор им платит проценты с выдержавших.

Каждый день по какому-нибудь предмету устраивается пробный башо, часто приглашают в качестве экзаменаторов других учителей, чтобы приучить к чужой обстановке.

В течение двух месяцев будущие башелье сидят с восьми часов утра до поздней ночи в классе. Им не разрешаются развлечения. С ними обращаются как с полными идиотами, которых Бог послал в наказание родителям и обществу. Им вбивают в голову все то, что требуется для башо, учителя узнают возможные темы будущего экзамена и гоняют учеников по этим темам.

Мы не хотим попасть в «коробку» и работаем усердно.

Глава 16

Они живут за фортификациями. Я у них никогда не была. Клоду семнадцать лет, а Франсуазе пятнадцать. Они танцуют. Франсуаза учится у Бернак, но так как она не может платить, ей приходится выступать на вечерах Бернак. И та бьет ее. Клод и Франсуаза танцуют в кабаре. Они меня всегда зовут к себе.

Метро доходит до Орлеанских ворот. Дальше я никогда не ходила. Около конечной остановки часто бывает ярмарка. Здесь маленькое кафе. Деловые магазины. «Солдат-землепашец», «Унипри» — перед которыми лежат на столах чулки, штаны, бумазея, плохие игрушки. Продавцы посматривают, как бы роющиеся в этой куче покупатели не стащили чего-нибудь. Выкрики: «Моток шерсти, к нему премия кусок мыла. 6 франков, почти бесплатно».

На каждом углу жаровни с каштанами. Продавцы конфет и цветов. Шумно, грязно.

Немного дальше стадион женского клуба «Фемина». К досчатому забору прилипли зрители. Они любуются голыми ляжками женщин-спортсменок. Особенно им нравится, когда те прыгают через веревку.

Отсюда, чтобы попасть на улицу, где жили знакомые Жоржетт, нужно было пройти налево. Это были странные кварталы. Переулки и тупики с пышными названиями были грязны и пестры. Деревянные дома, бараки, цирковые фургоны, дети, играющие в лужах, висящее на веревках белье, маленькие огороды, разбитые перед домами. Тротуаров, конечно, нет. Страшная слякоть, по которой иногда проезжает такси, — здесь живет много шоферов.

После получасовой ходьбы мы наконец пришли. Это была семья в шесть человек — четверо детей. Отец — шофер. Мать — поденщица. Старшие дети тоже зарабатывают. Франсуазе 15 лет,

но ей можно дать 10.

Когда мы пришли, взрослых не было. Они пошли в гости к соседям. Франсуаза возилась с маленьким братом. Ей не повезло: у матери родились близнецы.

В комнате было опрятно, но душно. Над столом висели фотографии — портрет отца, когда он был красивым и усатым, мать с первым ребенком.

Жоржетт встретили дружески. Клод предложил нам пойти к одному товарищу. «Сегодня его именины. Он ждет меня». Франсуаза осталась с детьми.

По дороге Клод рассказывает нам о своем друге:

— Вы знаете, какая у него странная мать! Она хочет сделать из него человека. А так он не человек, понимаете. Она отдала его в дорогую школу. Им приходится туго. Но они славные. Это — роскошный парень.

Придя, мы были поражены: это Молино.

— Как, вы знакомы?

— Да, мы учимся вместе.

Молино слегка смутился, увидев нас.

— Простите, мадемуазель, у нас немного тесно.

Мать Молино предложила нам чаю.

Она сидела и углу и шила. В комнату набилось человек десять гостей, товарищей Молино. Они не обратили на нас внимания и продолжали разговор, который велся до нас. Говорили, конечно, о спорте: о состязаниях, о футболе, о боксе, о радиоприемнике, который недавно смастерил для своей матери Молино. Мы с удивлением заметили, что молчаливый Молино, Розовый поросенок, был здесь необычайно разговорчив. Он говорил очень бойко и дельно. Жоржетт толкнула меня локтем:

— Поросенок здесь просто — душа общества.

Нам с Жоржетт было скучновато, вся эта молодежь была наших лет, но мы привыкли, что на наших собраниях танцуют, ухаживают. А здесь все было по-детски. Играли в мигалки. Кто-то рассказывал, как один его друг построил из железного лома автомобиль. Одна девочка рассказала какой-то анекдот, а потом высмеивались бой-скауты.

Молино поднял предостерегающе руку:

— Осторожно. Среди нас есть их сторонницы.

— Нет, Молино, мы больше не скаутки.

В разговоре часто упоминались какие-то «Маляры». Все хвалили их и даже спрашивали наше мнение, но мы не знали, что сказать.

Мы ушли раньше всех. Мы ведь горожанки, а остальные гости живут здесь же. Клод проводил нас до метро.

Он рассказывал по дороге о «Малярах».

Это — маленький художественный клуб ребят, организованный в одной рабочей лачуге. В нем двадцать членов. Они собираются по вечерам, и каждый делает что хочет: рисуют, лепят, красят, иногда делают игрушки, шарфы, исполняют заказы, которые достает Женевьев — единственная девочка в компании. Все вырученные деньги идут на материал: на глину, на бумагу, краски, материи и на покупку мест в театр для членов клуба.

— Вы видите, вот окна Женевьев. Они живут ближе от метро, чем я. Ее сестра швея. Жаль, что у нас нет учителя. Молино придумывает много всяких вещей для клуба. Он — умный парень. Это — мой лучший товарищ. Я ему немного завидую. Он добьется того, что он хочет. Это он с Женевьев придумал «Маляров».

У метро мы простились с Клодом. Жоржетт поехала вместе со мной.

— Ну, как тебе понравилось?

— Не знаю, Клод славный.

— Нет, а Молино, ты подумай!

Глава 17

В марте я снова увидела Луизу на площади Обсерватории. Она толкала коляску с грудным ребенком и вела за руку маленькую девочку.

Ей не повезло. Старик, у которого она раньше служила, умер. Наследство досталось не ей. Нашлись какие-то родственники, которые вдобавок хотели ее засудить, утверждая, что она обворовывала хозяина.

Теперь Луиза служит в семье, где двое детей. Ей приходится трудно. Она должна убирать, готовить и ухаживать за детьми. Хозяева имеют лабораторию. Они изготовляют искусственные зубы. Луиза целый день занята, но платят ей мало. С мужчинами гулять некогда. Иногда удается завести знакомство, когда ходишь с детьми в сад, но это не то.

— Я все еще надеюсь, что я буду счастлива, мадемуазель. Только бы мне не удавить одного из этих змеенышей. Я их ненавижу.

Мне Луиза показалась подавленной, выглядела она изможденной, у нее испортилась кожа, но она еще очень красива.

Она мечтает о браке. Пожалуй, она бы вышла замуж за рабочего. Вы знаете, мадемуазель, так легко потерять красоту. У меня уже начались какие-то болезни. И надоело слоняться по чужим семействам.

— Я хорошо готовлю и шью. Вы понимаете, какой я клад для мужчины. Но я никому не достанусь. Пусть грызут себе локти.

Она была со мной менее откровенна, чем обычно. У нее был раздраженный голос.

— Конечно, у вас есть какие-то планы. Вы кончаете школу. Ну, посмотрим, что из вас выйдет.

Разговор не клеился. Я пожелала Луизе хорошего мужа.

На этом мы расстались.

Вечером я рассказала об этой встрече Габи. Она очень заинтересовалась.

— Ах, ты знаешь, я очень жалею этих женщин. Ты видела кинокартину «Предместье»? Они не могут жить в своей среде. Там ужасно. Дома из фанеры. И старьевщики там устраивают свои склады. И голодные дети. И хулиганы хватают женщин, идущих на рассвете на работу. И вот они стараются устроить свое счастье. Но это невозможно. Ты понимаешь, женщина, которая бедствует и у которой нет туалетов, не может рассчитывать на серьезное отношение. Ах, я так счастлива, что не родилась в «предместье». Ты увидишь, как я развернусь, когда мы кончим школу. Я уже теперь стала совсем другой.

И Габи, растрогавшись, дала мне тетради своего нового дневника.

Глава 18

Через шесть недель после истории с Пиоро из нашего класса неожиданно взяли учителя Дюрана и пригласили какого-то слепого, хромого и глухого старикашку, который считает, что вершина поэзии — это Расин.

Девочки нашего класса очень огорчились появлением нового учителя. Особенно Жоржетт и Жанна. Во-первых, им очень нравился Дюран. Они, кажется, даже влюблены в него. Во-вторых, с этим стариком они боятся не сдать на бакалавра. Не одного же Расина надо знать.

Классу непонятен его метод преподавания. Все привыкли, что учитель диктует биографию писателя и разбор его вещей, а новый учитель вздумал завести какие-то диспуты. Это было бы еще ничего. Но темы диспутов бывают такие: «Чувство долга у Расина». Лучше уж зубрежка конспектов.

Все были оскорблены тем, что, по его словам, Корнель — дрянь, а Расин — лирический гений. Мы этого не можем сказать на экзамене. Мы должны сказать: «Корнель рисует жизнь такой, какова она должна быть, а Расин — такой, как она есть».

Жоржетт пошла к Тюленю и стала его умолять, чтобы он

позволил ей на французский ходить в параллельную группу. Он сперва не соглашался, но когда она расплакалась, он испугался и сказал:

— Ладно, ладно, только ты теперь смотри не провались.

Жоржетт счастлива.

— Да, я счастлива. Целый месяц я видела Дюрана только на переменах. А теперь я могу часами смотреть на него и слушать. Жаль, что его зовут Фернан. Глупое имя. У него большие черные глаза, высокий лоб, толстые губы и маленькие кокетливые усики. Он носит длинные волосы и зачесывает их назад. Одевается он очень элегантно. У него есть два костюма. Темно-фиолетовый и другой черный с белой полоской. Самое красивое в нем — это глаза.

Он, кажется, заметил, что нравится ученицам, и в классе держится подчеркнуто строго. Но однажды, встретив Жоржетт на улице, он сам предложил ей проводить его до дому.

Жоржетт уже знала, где он живет. Сколько раз она стояла напротив его дома и старалась угадать его окно.

— Почему вы такая грустная, моя маленькая Жоржетт?

— Не знаю. Нет, знаю, только не могу вам сказать. — Он взял ее под руку и нежно посмотрел ей в глаза. От его взгляда у нее выступили слезы.

— Мне вы можете все рассказать. Вы влюблены в кого-нибудь?

Жоржетт уже не могла отвечать. Слезы катились по щекам и по носу. Она только утвердительно кивнула.

— Ну, я буду называть имена. И вы мне скажете, когда будет правильно. Только не надо плакать. Нас может кто-нибудь увидеть. — Он еще крепче сжал ее руку.

— Я…

Тут она не могла больше выдержать и разрыдалась, закрыв лицо платком.

— Но почему вы плачете? Ведь я вас тоже люблю. Мы будем очень дружны. Вы будете ко мне приходить заниматься. Мы будем очень дружны. Вам ведь нужно подготовиться по литературе. Я вам буду давать частные уроки, а теперь вытрите глаза. И больше не плачьте. Можно кого-нибудь встретить.

Жоржетт рассталась с ним радостная. Мне она обо всем рассказала на следующий день.

В школе Дюран обращался с ней так же, как и с другими, но когда читал стихи, то всегда смотрел на нее, и она краснела от удовольствия. Раз он читал «Моряков» Гюго. Каким прекрасным он был, когда, хлопая себя по груди, декламировал: «Я моряк».

Был чудный весенний день. Жоржетт надела голубое платье и

чувствовала себя хорошенькой. Дюран был как-то необычайно внимателен к ней. Раздавая сочинения, он особенно долго критиковал ее работу и в упор смотрел ей в глаза.

После уроков, когда все возвращались домой, Жоржетт отстала, и он пригласил ее к себе на вечер. Жанин и я узнали об этом немедленно.

— Ты будь осторожна.

— С ума сошли. Он мне только покажет, как нужно писать сочинения.

Ровно в восемь Жоржетт позвонила в квартиру Дюрана. Отворила горничная. Она провела ученицу в салон, сказав, что у мсье еще не кончился урок.

— Ну, а дальше, Жоржетт? Расскажи же.

— Ах, я очень боялась! Мне стало даже холодно. Посмотрела в зеркало — я такая некрасивая. Дюран сам пришел за мной. Его кабинет в конце длинного коридора. Я цеплялась обо все двери. Кабинет неуютный, масса книг. Дюран меня усадил на диван и, взяв программу башо, стал расспрашивать. Я волновалась, запиналась, безбожно врала. Я не знала ни одной даты. Потом он сказал: «Ну, а теперь я вам дам план, по которому вы должны писать сочинения на экзаменах». Он сел рядом на диван, прижался ко мне и стал писать, но, не дописав, обнял меня и зашептал: «Я тебя люблю». Как только слышались шаги в коридоре, он выпрямлялся и громко говорил о Лафонтене. Понимаешь? А сам целует мне шею, лицо, руки.

— А ты что?

— Я сидела как истукан. Потом постучал его сын. Ты знаешь Филиппа? Он пришел за какой-то книгой и вышел, даже не посмотрев ни на меня, ни на отца.

— О, эта Жоржетт хитрая — она уж теперь не провалится на башо.

Перед башо учителя устраивали вам репетиции или так называемые «засыпки». Мы разделились на группы по пять человек и по два часа занимались с одним учителем. Потом учителя менялись.

Отметки этих «засыпок» заносились в бальник. Поэтому мы старались избежать этих часов, придумывая всяческие уловки.

Перед репетицией по химии я записала главные формулы на левой ладони. Учитель вызвал меня. Я смотрела на руку и гладко писала на доске. Морель начал ненатурально смеяться. Учитель, конечно, заметил и подозрительно подошел ко мне вплотную. Я не смогла докончить формулы и получила плохую отметку.

— Морель подлец, отомсти ему, — шептала Жанна.

Наконец наступил последний день занятий.

Всю ночь мы сидели за столом, пили черный кофе и старались заниматься. Но уже ничего не понимали. Рассказывали друг другу всякие страхи об экзаменах, глупо хохотали, потом замечали, что ничего не сделано, и дрожали от страха.

В комнате было душно. Я высовывалась в окно. Внизу по улице тянулся слабый туман. Пустые тротуары были освещены голубыми фонарями. Спать не хотелось, но заниматься я не могла. Освещенная стена противоположного дома выглядела ненатурально, как театральная декорация. Глаза пересохли, и я часто мигала. В эту последнюю ночь я видела на улице какие-то странные сцены. До сих пор не могу понять — было это во сне или наяву.

На углу против меня прощались две совершенно одинаково одетые женщины и элегантный мужчина. Пока он целовал одну, другая с независимым видом отходила. Он обнимал и целовал этих близнецов (так я решила). Продолжалось это около часа.

Потом мужчина поднял голову и увидел меля.

— Малютка, ты учишься?

Утром я проснулась на подоконнике. Было еще почти темно. Итак, сегодня экзамен.

Глава 19

Новый дневник Габи

Воскресенье

Я сдам весной башо и поеду летом к морю. Это замечательно! Я поеду одна. Наконец-то я буду свободной. Это будет чудная поездка. Одна в купе. Одна без мамы я смогу курить, курить, курить… На пароходе у борта с папиросой… Небо, вода, папиросы… Море, море нежное и жестокое, ласковое, предательское, лицемерное — все, что я люблю. Три-четыре часа я одна с морем. И папиросы.

…Эти дни я часто себя спрашиваю — правильно ли я поступила, расставшись с религией. Это просто привычка сердца. Это было так же трудно, как расстаться с Сержем. Бывают минуты, когда хочется прибегнуть к помощи чего-то «высшего». Но это значит признать все бессилие человека. Нет, я атеистка…

Понедельник

Сегодня я перепугалась. Он обнимал меня, а на груди у меня было спрятано письмо от Сержа. Я положила его туда, потому что у меня нет карманов. Я люблю его перечитывать — не расстаюсь с ним. Я вспоминаю, как он мне сказал: «Итак, кого ты теперь будешь целовать?..» Это было в такси. О Серж, сделай невозможное, чтобы приехать! Если бы я верила в Бога, я молилась бы об этом… Но Богу, конечно, наплевать.

Мне необходимо развиваться умственно и укрепить характер, — говорит Ирэн. Я, кажется, срежусь на экзаменах.

Среда, 5 декабря

Шарль Монферан. Но у него «Аксион Франсез», у него Додэ и Морас, у него деньги, элегантное общество — богачи, аристократы. У них обедала Изабелла де Гиз со всей бандой…

Суббота, 7

Я думаю все время о Шарле с его «Аксион Франсез», с его будущими деньгами и с его страшными глазами, цвета золота. Кончится тем, что я его полюблю…

Воскресенье

Я в бешенстве. Я пошла туда, где Шарль продавал свою «Аксион Франсез». Он даже не обратил на меня внимания, как будто я собачонка…

Четверг, 12

Сегодня студенческое собрание «Аксион Франсез». Как бы я хотела быть студенткой, чтобы пойти туда. Я видела их рисунки и плакаты — здорово. В общем я влюблена сейчас — 1) в «А. Ф.», и я сделаю все, чтобы восстановить монархию во Франции, 2) в Шарля до сумасшествия, но он меня не любит. Когда он меня обнимает, его руки не сжимаются, целует он, скучая.

Пятница

Шарль уезжает в горы на зимний спорт. Господи, деньги, деньги! С деньгами все становится доступным. Можно развить свой ум, удовлетворить все потребности — комфортабельная, красивая жизнь. Шарль уезжает… Рождество.

Суббота, 14

Был праздник товарищества. Избран Бланше. Ровно через месяц мне исполнится семнадцать лет.

Вторник, 17 декабря

Когда мне что-нибудь нравится — вид дома, картина, музыка, — мне всегда делается больно. Вероятно, это потому, что я хочу ощущение прекрасного перенести сейчас же на себя.

Суббота, 21 января

Деньги. Брама, Бог, Аллах — все равно деньги! Мне необходимы деньги. Я должна выйти замуж за какого-нибудь богатого субъекта. Шарль не женился бы на мне, у него нет чувства, что я независима. Он никогда не теряет надо мной превосходства. Выйти замуж за какого-нибудь богатого субъекта, пусть он будет даже немного старше меня. Какая радость тратить деньги! Не считать каждый франк. Я ненавижу бедных. У меня к ним нет жалости — разве что к нищим. Но не к таким, как Молино. Я хочу роскошную квартиру, автомобиль. Если у меня не будет денег, я, может быть, покончу с собой. Я не могу быть как все, потеряться в толпе мелких буржуа.

Шарль, я думаю о тебе.

Пятница, 24

Эта жизнь мне окончательно надоела. Ссоры с матерью, беспорядок, мытье посуды вечером. Я встретила сегодня вечером Шарля — нечего отрицать, я влюблена в него, и я ревную. Я не занимаю никакого места в его жизни. Он с другими. Я в стороне. Он с элегантными девушками. Я не могу быть с ними: у меня нет денег. Я принуждена отказаться от того мира, который я боготворю.

Суббота

Шарль продавал газету «Аксион Франсез» возле церкви Маделен. Я пошла туда. Ах, Додэ, Морас! Я хотела бы позднее, когда буду совсем взрослой и красивой, сделаться шпионкой, чтобы проникнуть к министрам и с помощью хитрости уговорить каждого перейти на сторону «А Ф.». Изабелла де Гиз опять обедала у родителей Шарля. Если меня пригласят к ним, я буду думать, что законная королева Франции подымалась по одной лестнице со мной.

14 февраля

Хиромантка мне сказала, что я выйду замуж за богатого. Я думаю, что это правда… Богатый муж, а в качестве любовника морской офицер. Чудесно. Смешней всего, если я выйду замуж за Шарля. Финансовое положение — прекрасное, положение в обществе — замечательное.

15 февраля

Дура — все, что я могу написать. Он мне ответил холодно с вежливостью светского человека:

— К чему спорить. У нас разное воспитание, разная среда, разные идеи…

Сноб.

Шарль, я все отдала бы, чтобы снова сидеть с тобой в такси, чтобы ты меня снова обнимал.

18 февраля

Я хотела бы возненавидеть все, что я обожаю, все: Шарля, его мир, его идеи. Но это невозможно — это слишком глубоко.

20 марта

Решено, я буду заниматься русским языком. Потом я поеду в Россию. Может быть, я найду настоящих людей. Там я смогу работать и буду независимой. Работа там содержательней, чем здесь. Это совсем другая работа. Впрочем, может быть, там мне скоро надоест.

21-е

Сегодня в автобусе проезжала по шикарным кварталам. Холод и одиночество. Как только мы приехали в рабочую часть города, я себя почувствовала свободно, я даже обрадовалась. Я никак не подхожу для богатого общества — я в нем чужая.

И все-таки я хочу денег.

27-е вечером

Если бы все эти мальчишки стояли предо мной на коленях, я все равно скучала бы. А. — разиня, М. — болван. Андре — противный сноб. Ив. — ни то ни се. Пьер не в счет. Шарль ухаживает за Сабиной и уже подбирается к Марии. Я его ненавижу. Он считает себя светским, но отец его сечет за украденные 500 франков. Скука. Я хотела бы знать шесть языков. Мама надоедлива, как муха. У Сабины желудочные колики.

23-е

Вчера вечер с Шарлем. Он чрезвычайно мил, внимателен. Программа: Булонский лес, потом кабарэ на Сен-Мишель, потом Монмартр, потом снова Булонский лес.

…Я прочла страницы дневника, когда я была влюблена в Шарля. Я снова переменилась. Я записала тогда одно очень хорошее и одно отвратительное. Первое: желание сыграть комедию и влюбить в себя Шарля.

Это правильно. Второе: «я ненавижу бедных» — это отвратительно.

25-е

Мама сказала, что после экзаменов она сможет давать мне только 500 франков в месяц. У отца неприятности по службе. Он переезжает в Тунис.

Молоко……..1 фр. 50 сант.
Хлеб…….1 фр. 50 сант.
Мясо…….5 фр.
Картошка……50 сант.
Зелень……3 фр.
Масло……2 фр.
Рис…….1 фр.
Чай……..1 фр.
Итого……15 фр. 50 сант. на 30 = 465 франков в месяц.

По-английски у меня будет 35. По-французски — средняя отметка. Но, может быть, плохо по письменному — 15 на 40.

Отвратительное настроение. Тетка меня обозвала «дурой, кухаркой и пр.». Я «глупа», и у меня «плохой вкус». Очаровательно, в особенности если подумать о причине — я ношу новые туфли в будни. Разве это не смешно! И мама поддакивала

ей. Во-первых, у меня других приличных нет, во-вторых, они мои, так как это я за них заплатила. Если мама не додаст 40 франков — тем лучше, тогда они будут окончательно моими. Она даже не заплатит за них. А это очень редко бывает, чтобы девушка в 16 лет оплачивала свои туфли.

2 апреля

Я трачу чересчур много денег. Придется взять у Шарля. У меня долгов на 20 франков. Взаймы конечно. У мамы я ни за что не возьму. За неделю я истратила 190 франков — это неслыханно. Продолжаю заниматься, но школа не заполняет дня.

Сабина стала прямо несносной — то и дело ругает меня. Я полагаю, что у меня скверный характер. Впрочем, все это неважно.

Только бы выдержать башо.

26-е

По-моему, главное не зависеть ни от какой среды, не привязываться ни к какой идее, не испытывать никакого энтузиазма. Марк-Аврелий хорошо сказал: люди глупо занимаются другими людьми, никогда не утруждая себя самопознанием.

7 марта

Сразу все переменилось. В моей жизни осталась только огромная пустота. В школе разговоры только о башо. Ирэн в восторге от Молино. За фортификациями. О нет, Розовый поросенок не будет моим идеалом. Пулю в лоб.

3-е

Я счастлива. Вполне счастлива. Сразу — счастье. Действительно, что может быть лучше, нежели курить папиросы, тянуть ликер и мечтать. Как это случилось? Это достойно Пруста. Разгадка: завтра я куплю себе мундштук. Я об этом думаю уже два дня. Завтра воскресенье. Я пойду в Латинский квартал — в первый раз за месяц. Куплю мундштук. Пачку «Честерфильд».

Закажу стакан портвейна в «Капуляде». Бельмон, наверно, за него заплатит.

Я плохо занимаюсь. Если не будет удачи, я срежусь.

Прочесть: Лейбниц, Кант «Критика чистого разума», Декарт, Сен-Симон и Фурье о социализме. Я изменилась. Я не хочу ни сентиментальности, ни романтики. Только правду, холодную и ясную. Только красоту действительности, это кажется почти цинизмом, ввиду теперешнего состояния культуры, которая окаменела. Я анархистка, революционерка. «О, смерть, старый капитан, пора подымать якорь…» Усталость Бодлера, печаль Гете. Что еще? Но ведь это квинтэссенция сентиментальности. Да, я далека от всего этого. Я хочу свежего воздуха, снега, простора — волосы на ветру, открытый ворот. Я хочу жизни, молодости и правды, особенно правды.

6 марта

Габи, не прикидывайся слишком умной. В конце концов, ты только славная девочка. А теперь — на боковую. Будем работать, спать, курить, пить. Жизнь прекрасна. Завтра сажусь за книги, буду готовиться к башо.

11-е

Мне холодно. Я потеряла стило. Я простужена. У меня всего пять франков, и это до конца недели. Я заперлась у себя, занимаюсь. Курю. Занимаюсь я с удовольствием. Надо будет выкрасть у мамы 10 или 20 франков. Довольно. Я хочу читать. Заниматься. Ночь такая теплая, такая прекрасная, что хочется плакать. Вот я плачу.

15-е

Шарль, мне необходима ваша любовь.

Глава 20

Сегодня во всех школах Франции экзамен.

Наступил «великий день башо».

Еще темно. По туманным улицам группами и в одиночку идут школьники. Возвращаются пьяные компании в котелках, с

цветами, Жоржетт провела эту ночь у меня. Мы выходим вместе.

Около Сорбонны, где должны происходить экзамены, мы быстро выпили по стакану скверного кофе. В углу тянут белое вино несколько рабочих.

— Ого, башелье, плохо вам приходится!

— Ничего, только бы дожить до вечера.

Они правы, у всех «башелье» довольно плачевный вид.

У входа Сорбонны собралась уже целая толпа. Было семь часов. Пускали в восемь.

— Здравствуйте.

— Эй, вы! Вы тоже держите в Сорбонне? А где Луи?

— Он в каком-то лицее.

— Я ветеран. Я могу дать вам совет.

— Только не надо унывать.

— Слушайте, вот самые достоверные сведения о темах, которые будут заданы…

Вышел один из надзирателей.

— Господа, входите, предъявляя ваши повестки.

Мы разошлись по залам Сорбонны, темным, выстроенным амфитеатрами. Мы никогда еще не были в таких больших классах, где одновременно помещается по триста человек. Невольно мы примолкли. Мы рассаживались по скамьям. Каменные стены гулко отражали каждое слово.

Вот — Сорбонна.

Мы ждем еще полчаса. Наконец входит профессор с большим запечатанным конвертом. Садится за стол.

— Итак, господа…

Тишина неимоверная. Пока он распечатывает конверт, все лица вытягиваются в ожидании.

— Итак, господа, вот сегодняшняя тема. «Что такое человеческий ум? Что такое наука о человеческом уме? Существующие в этой области основные противоречия взглядов. Что такое человеческий дух?»

Ого! Тема легкая. Облегченное «а» и свистки следуют за ее чтением.

— Господа, вам дается шесть часов для того, чтобы дать исчерпывающий ответ на вашу тему. Надзиратель, разнесите листы бумаги.

Мы получаем большие листы для переписки набело и цветные листы для черновиков. Сидящие рядом получают листы разного цвета для того, чтобы нельзя была передать свое сочинение соседу. За этим следят «тангенсы» — надзиратели, беспрерывно ходящие между скамьями.

За подглядывание — вон из зала. За разговор — вон из зала.

Некоторые сосут перья и бессмысленно смотрят на бумагу. Они ничего не знают. Уйти можно только через два часа после начала. Мы сидим уже четыре часа. Слышны только вздохи и редкие нечаянные возгласы.

— Так… Есть… Готово…

Жанин давно смотрит на меня жалобно. Я понимаю, в чем дело. Если нужно выйти в уборную, то нас сопровождает тангенс. У Жанин болит живот, и она стесняется. Тангенс мужчина, а уборную ты не имеешь права закрывать. Вдруг ты что-нибудь спишешь. Вдруг у тебя запрятаны книги.

Я киваю ей утешительно головой: «Ничего, потерпи».

— Мадемуазель, что за знаки? — подходит один из тангенсов.

— Нет, вы ошиблись.

— Наконец сочинение написано. Я выхожу из зала на час раньше срока. У входа стоят родители учеников, башелье из других залов.

— Ну как? Что было?

После обеда следующий экзамен. Теперь нам так легко не отделаться — математика, самый трудный предмет.

— Подумай, — говорим мы друг другу через несколько дней, — мы или получим аттестат зрелости, или…

— Я не могу поверить, что все кончится благополучно.

На ярмарке на бульваре Сен-Мишель я подошла к астрологу, и он составил мне гороскоп. Темная планета и под сильным влиянием Юпитера. Как ты думаешь, это значит — я выдержу экзамен?

Глава 21

Наконец экзамены прошли. Сегодня в 8 часов вечера выходит официальная газета с результатами. С шести часов вечера около Сорбонны стоит грандиозная толпа ожидающих. На мой взгляд, здесь не меньше двух тысяч человек. Здесь много взрослых, родителей экзаменующихся. Школьники запрудили все улицы и не пропускают автомобили.

У всех приподнятое настроение. Мы преувеличенно веселы.

— Эй, вы там, дядя, что вы смотрите на нас из окна?

— Те, кто на нас смотрят, — рогоносцы.

Кто-то купил несколько журналов и зажег их. Образовался костер. Все соседние журнальные киоски были опустошены. Мы хватали газеты и журналы и бросали в огонь. Взявшись за руки, мы плясали вокруг него и пели песню лицеев.

Приди ко мне, Жанина,
Барашек мой, приди,
Поедем пакетботом
Из Гавра в Бридиди.
На этом пакетботе
Орут, едят и пьют,
И слышны граммофоны
Из запертых кают.

Отряд фликов[22] нахлынул и стал тушить костер. Нас затолкали. Двух школьников схватили и повели в полицию. Мы пели дальше:

Здесь все непобедимы,
Остры и веселы,
И только рогоносцы
Тоскуют, как волы…

Мы стараемся подкинуть еще газет в костер. Толстый полицейский пытается оттеснить нас на тротуар. Если кто-нибудь хочет сойти, флики отталкивают его кулаками обратно.

Из-за угла выезжают велосипедисты. На багажной решетке у каждого — пачки листовок. Это — «Газета башо». Все песни, споры и драки забыты.

Начинается дикая давка.

— Дайте мне газету! Эй, вы, газету сюда!

Кто-то из мальчиков влез на статую Огюста Конта и громко выкрикивает номера выдержавших:

— Седьмой, девятый, двенадцатый.

— Мой номер. Все в порядке. Ура, я здесь!

— Триста восемьдесят девятый.

— Это я. Выдержала экзамен.

……

Образовали моном. Двести человек взялись за руки и пошли к Бульмишу, задерживая дыхание. Мы пели и орали. Мы были как пьяные.

Кто любит путешествия,
Те — дон тюрон-ди-ди…

…Мы пошли в кафе. Здесь было много башелье, рассказывавших о том, как прошли устные экзамены.

— Меня спросили по географии: чем замечателен правый берег Гаронны? Там виноградники. Вы идиот — там мели. Но откуда я мог знать? Ведь я там не был? Не отвечайте так старшим, вы плохо воспитаны. Я думал, что я провалюсь.

— Теперь нам на них наплевать. Если я встречу его, я даже не поклонюсь.

— Габи, ты понимаешь, как замечательно пойдет жизнь!

— А я держал латынь у женщины. Я ужасно не люблю баб. Я сел за столик и случайно наступил ей на ногу.

— А, вы думаете, и тут можно флиртовать. Нет, этот номер не пройдет, молодой человек. Нужны знания. Красивые глаза недостаточны.

— А я сижу ни жив ни мертв и, конечно, ничего не могу перевести. Хорошо, в жюри был один мой знакомый профессор.

Пусть будет так! Ах, пусть будет так!
А мы, друзья, отправимся в кабак.
Под сабель звон, под пушек гром
Мы по бочонку разопьем…

— А меня спросили: сколько в Алжире финиковых деревьев?

— Кто из нашего класса ее выдержал?

— Молино. Он говорит, что у него не было времени заниматься последний месяц.

— Ну, Молино — это понятно. А еще кто?

…Выйдя из кафе, мы встретили новый моном и присоединились к нему.

Пусть будет так! Ах, пусть будет так!
А мы, друзья, отправимся в кабак…

Подъехал отряд полицейских на велосипедах.

— Коровы на колесиках. Пошли к чертям! — орет моном.

Флики бросились на нас с кулаками и палками. Мне попало в спину. Плача, я начала ругаться.

— Если вы не разойдетесь, мы вас отведем в полицию.

Но в такой день мы не можем долго унывать.

— Господа, пойдем кутить.

Какие-то незнакомые мальчишки хватают меня под руки, и мы садимся в такси.

— Вы тоже выдержали сегодня? Как чудесно. Кажется, нам улыбаются даже дома.

Мы ходим из кафе в кафе. Нас уже человек тридцать. Мы

попадаем в студенческий клуб на Сен-Мишель. Сегодня ведь мы почти студенты. Клуб находится в подвале. Напитки дешевы, и играет граммофон. После первой рюмки коньяку все сразу опьянели. Кого-то нашли без памяти в коридоре. Кто-то отплясывал на столе.

Я вдруг стала как они: кричала, бегала, пела.

Только в двенадцать часов все вспомнили, что родные до сих пор не знают результата, и начали разъезжаться по домам.

Я отправилась к себе в пансион. Теперь моя комната показалась мне мрачной. Тетради и учебники были разбросаны на столе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Летом я поехала на юг Франции и поселилась около маленького местечка Лаванду. Габи поехала со мной. Мы сняли палатку. Это было дешевле, чем жить в отеле. Есть мы ходили в ресторан.

В этой местности много русских эмигрантов. На пляже собирались их дети, танцевали и купались. Узнав, что я «советская» собираюсь в СССР, они начали меня изводить. Я стала уходить на другой пляж, так как мне пригрозили «набить физиономию».

Однажды два русских молодых человека пристали ко мне:

— Мадемуазель, расскажите, как у вас в России голодают? Вы приехали сюда жиру набирать? Убирайтесь, шпионка, а то мы разнесем вашу палатку!

Габи подружилась с компанией молодых французов, увлекавшихся игрой в карты. Они приносили колоды карт на пляж и просиживали целый день, выкрикивая: «Козырем, большой шлем». Рядом стоял патефон, игравший обычно «Дым» — песню Люсьен Буайе.

Он закурил папиросу
И презрительно мне сказал:
«Не разыгрывай дуру,
Не бери любовь всерьез…»

Вечером все шли в «Бар солнца». Там происходили конкурсы на «самую красивую женскую и самую стройную мужскую спину», «на наиболее элегантную пижаму».

Вечером картами не занимались, зато играли в «покердас», азартно бросая кости. Габи была довольна, но ей надоело жить в палатке. Она заняла у кого-то деньги и переехала в отель.

Я осталась в палатке одна.

Мне было скучно. Однажды я решила совершить прогулку на острова, лежащие в море недалеко от Лаванду. На одном из этих островов находится тюрьма для малолетних преступников. В прошлом году они подожгли здание тюрьмы и бросились вплавь к берегу. Многие утонули. Те, которые спаслись, были снова арестованы. Старинные стены тюремной крепости привлекают на острова экскурсантов.

Я пошла к лодочнику и записалась на экскурсию. На следующий день, когда я уже была у пристани, содержатель перевоза подошел ко мне и, извиняясь, сказал:

— Я вас не могу везти, мадемуазель.

— Почему?

— Русские, которые должны ехать с сегодняшней экскурсией, поставили ультиматум: или вы, или они. Там есть молодой барон Обергард. Он говорит, что вы советская шпионка — мадемуазель не сердится? — и на одной лодке он с вами не поедет.

После этого случая я уехала из Лаванду.

В Париже было все по-прежнему. Я встретила многих товарищей. Сене ездил с отцом в Германию. Там они пропутешествовали все лето пешком, с рюкзаком на спине. Рауль, Мартэи и де Бельмон ездили в Бретань. Кольдо странствовал на своем «фиате» по Франции, провел «блестящее лето», завел себе подруг и теперь мечтает о студенческой жизни.

Уже почти все выбрали себе факультет.

Я купила университетский справочник и стала его изучать. Вскоре приехала Габи.

Как-то Тейяк, Жоржетт и Габи собрались у меня. Мы решили окончательно выбрать будущую профессию. Справочник оказался увлекательной книгой. На каждой странице перечислялись десятки предметов, профессоров и школ.

Тейяк хотел заниматься литературой.

Меня привлекала Школа профессиональной ориентации. Каких там только не было наук: и психоанализ, и политическая экономия, и философская пропедевтика.

Габи, вернувшись с юга Франции, успела на две недели съездить в Италию с Сабиной. Теперь ее привлекало искусство. Она ругала Италию и восхваляла Париж. Заниматься надо в школе Лувра, — решила она, — историей искусства.

— Италия полна аффектации. Во Франции меньше плохого вкуса. Он выпирает в итальянских музеях. Перуджино не мог бы

сделать Авиньонскую «Пиэта».

Около медицинской школы отгорожена асфальтовая площадка для машин. Автомобили есть у очень многих студентов-медиков.

Медики почти все богаты. Медициной занимаются молодые люди, которые могут до тридцати лет жить на иждивении родителей. Считайте: шесть-семь лет в школе, потом специализация, потом практика.

На медицинский поступают три сорта студентов: дети врачей, имеющих свои кабинеты, большую клиентуру и достаточно известное имя. Все это передается по наследству. Первые десять лет отец-врач содержит молодого врача-сына.

Поступают также дети богатых коммерсантов: они смогут оборудовать кабинеты и купить хорошее место в госпитале. Отдавая сына в медицинскую школу, такой коммерсант делает вклад, который через десять лет начнет приносить проценты.

Наконец, бедняки. Они учатся и работают — служат продавцами в книжных магазинах, бедствуют, пропускают лекции и редко дотягивают до конца. Если они становятся, наконец, врачами, их ожидает плохо оплачиваемое место в провинции. Незавидная карьера!

Медики устраивают в Латинском квартале кутежи, балы и демонстрации. Они выбрасывают профессоров, которые им не нравятся. У них есть свой круг девушек, с которыми они проводят время. «Медицинское дитя» — называют этих девушек студенты других факультетов.

Я знала одну характерную парочку.

Он — сын известного терапевта Роже, она — студентка первого курса. Они повсюду ходят вместе, он ей помогает учиться, платит за нее в кафе, живет с нею. Говорить им не о чем, они всегда молчат друг с другом, но очень дружны. Роже ее любит, и она его любит.

Я как-то спросила Люсетт (имя подруги Роже): почему они не поженятся?

Люсетт сперва засмеялась, потом грустно ответила:

— Да, он меня любит. Но ведь сейчас он не может жениться: он еще не зарабатывает. Если он женится, отец не будет давать ему денег. Ну, а когда Роже станет практикующим врачом, то понятно, что он не женится на мне. Ему захочется другую жену. Ведь не брать же ему в жены свою любовницу.

Из нашего класса на медицинский факультет поступил только Кольдо.

Шарль де Монферан и Вяземский поступили на юридический факультет. Здесь — пестрый состав студентов. Девушки, которые

ищут себе мужа. Молодые люди, ожидающие наследства и не расположенные чересчур утруждать себя работой, дети фабрикантов, надеющиеся получить здесь некоторые юридические знания, необходимые им для того, чтобы работать в деле отца.

Иные учатся попутно в школе Политических наук (как де Монферан). Они хотят стать дипломатами. Шарль мечтает быть послом. Ему обеспечен Афганистан, но он предпочитает европейские страны. Стать послом в Англии, на худой конец, даже в какой-нибудь маленькой стране, вроде Норвегии, — вот его цель.

Студенты Коммерческой школы также проходят курс на юридическом. Если они когда-нибудь приобретут собственную торговлю, им необходимы юридические знания.

По-настоящему занимаются на юридическом только трудолюбивые молодые люди, готовящие себя к карьере адвокатов. Это — веселое место. Много накрашенных девиц и франтов. Здесь модно быть роялистом и носить значок «Аксиом Франсез».

Те, что одновременно занимаются в другой школе, на лекции не ходят. В конце года они заучивают наизусть готовые конспекты и сдают экзамены. Самым трудным предметом на юридическом считается римское право, остальные слывут «грошовыми», но и по ним очень многие проваливаются. Мало кто серьезно готовится.

О школе Политических наук я знаю только, что она очень правая, готовит специалистов по налогам и дипломатов, учатся в ней дети богатых и независимых людей, так как определенной профессии она не дает.

В самом здании университета в Сорбонне есть разные докторaты: можно стать доктором естественных наук, литературы. Здесь помещается также Институт психологии, куда поступают главным образом женщины и пожилые люди, никак не похожие на студентов. Они занимаются прикладной психологией и одновременно занимаются в Институте профессиональной ориентации. Учителя и врачи — одни из них рассчитывают сделать себе карьеру на новой науке — психотехнике, другие мечтают провести ее в школы, на заводы и фабрики в надежде облегчить этим труд рабочих.

Я знакома с одной девушкой, окончившей Институт профессиональной ориентации.

— Учение продолжается год. Оно не дает никаких практических знаний. Мы знаем, как вычисляется коэффициент успеваемости и что такое логический ум. Но как применить все это? Я была на пуговичной фабрике, и владелец разговаривал со

мной насмешливо и покровительственно, как с ребенком.

Несмотря на все это, я решила поступить в Институт профессиональной ориентации. И Жоржетт также.

Габи пошла в школу Лувра, где учатся неудачные художники, надеющиеся, что, познав историю искусств, они смогут лучше работать, — будущие служащие музеев и картинных галерей, гиды, иностранки, приехавшие в Париж изучать «город искусства».

Пьер Пети готовился на конкурс в Инженерную школу.

Для подготовки в нее, так же как в школу профессоров, существуют специальные курсы при некоторых лицеях.

Рауль де Бурже, Жан Бельмон и Пьер Мартэн готовятся к трудному конкурсу в Эколь Нормаль. Они хотят стать учителями: преподавать философию в лицеях. Если они выдержат конкурс, то есть попадут в первые восемьдесят человек из трехсот, то будут учиться еще четыре года в закрытой школе, где студенты живут и питаются бесплатно или получают стипендию.

Потом несколько лет они будут преподавать в провинции, пока им не предоставят место в одном из парижских лицеев, если только им не повезет и они не станут политиками. Почти все известные политические деятели, многие писатели и журналисты учились сперва на учителей.

Глава 2

У меня настал денежный кризис. У Габи тоже. Мы долго думали, как заработать.

На бульваре Сен-Мишель существует большой книжный магазин Жибер. Тут по случаю продают и покупают учебники. Жибера знают все школьники и студенты, и все его ненавидят. Он покупает за гроши, но с либеральным видом.

— Назначьте цену сами, господа, — вежливо просит он и потом снижает ее в три-четыре раза.

Все наши книги уже покоятся на прилавках Жибера. Других источников заработка у нас с Габи нет. Нужно что-нибудь придумать.

Мальчики подрабатывают, распространяя новые марки автомобилей и радиоприемники. Они ходят по домам с проспектами и каталогами, красноречиво описывая красоту обтекаемого капота и прибора для уничтожения атмосферных разрядов в рупоре. Если удается что-нибудь продать, они получают от фирмы процент.

Можно также заняться страхованием от огня, но на это нужно много времени, энергии и знакомств.

В газетах даются объявления: «Каждый может заработать 15 франков в день, надписав адреса на 1000 конвертах».

Я попробовала. Мне прислали груду желтых конвертов и список длинных адресов, переписка которых отняла у меня несколько дней. Я отослала конверты снова по газетному адресу.

Еще через несколько дней пришел ответ: ваш почерк не годится. Приносим извинения за беспокойство.

Расспросив, я узнала, что это просто был способ находить бесплатных переписчиков.

Негр-лакей в кафе «Капуляд», подслушавший наш разговор об этом случае, рассказал нам, что он был статистом в кино и это дает заработок.

— Правда, непостоянный, но ведь для негра не всегда бывают роли…

Утром мы с Габи поехали за город на кинофабрику.

Там уже стояла огромная очередь. Шел дождь. До открытия конторы оставалось еще часа полтора.

Нас засадили в барак. Накрашенные женщины, как видно, привыкшие к ожиданию, вязали кружева, болтали, прихорашивались, заговаривали с мужчинами.

Здесь были профессиональные статисты, для которых кино — единственный заработок, и были случайные: студенты, проститутки, иностранцы, инвалиды, безработные.

На третий день бесплодного ожидания Габи взяли за сто франков на двухдневную съемку для фильма «Если бы он знал». Две ночи она снималась в Сен-Жермене на улице, изображая прогуливающуюся с любовником светскую даму.

Прейскурант оплаты статистов: если имеешь бальное платье — 50 франков в день, если, кроме того, умеешь плавать, ездить на велосипеде и танцевать танго — 75 франков в день, хорошо сложенные и красивые девушки — 75 франков в день.

Все это не чаще, чем два-три раза в месяц, при условии, что каждый день будешь ездить на фабрику.

Нет, этим не добьешься постоянного заработка.

Еще будучи в школе, я давала уроки. В Лотарингской школе директор составлял список всех хороших учеников и спрашивал, кто из них хочет работать репетитором. Я подготовляла маленьких школьников из девятого и восьмого класса, занималась с отстающими.

Я вспоминаю об этих уроках со стыдом. После урока меня приглашали к обеду, я чувствовала себя за столом неловко и молчала, только изредка отвечая: «Да, мадам. Нет, мадам».

Это были обычно богатые люди. Детям они выдавали «в копилку» по пятьдесят франков в неделю. Мне они платили по

десять франков за урок в присутствии детей, великолепно разбиравшихся в цене денег, несмотря на свои восемь-десять лет.

Наконец мне удалось достать уроки со взрослыми. Я учила одну немку русскому языку. Она не заплатила мне, но подарила старый патефон. Потом я взялась подготовлять к аттестату зрелости одну взбалмошную девицу. Она платила аккуратно, но во время уроков без конца рассказывала вымышленные любовные истории. Ей хотелось наконец целоваться с мальчиками. Она до сих пор училась в католической школе у монашенок, где воспитывают очень строго. Теперь ей дали полную свободу, и она отнюдь не хотела учиться.

Экзамена на аттестат зрелости она так и не выдержала. Наши уроки происходили в кафе, и она поминутно прерывала их, заводя новые знакомства.

Единственный удачный заработок дал мне урок с чехом, который был проводником экспресса Прага — Париж. Он хотел научиться французскому языку и во время каждого приезда в Париж брал у меня несколько уроков. Он мне платил по двадцати франков за урок. К сожалению, вскоре он увлекся какой-то француженкой и бросил занятия.

Я попробовала объявить в газете: «Даю уроки французского и русского». Но все предложения исходили от мужчин, которым абсолютно не нужен был ни русский, ни французский языки, — их прельстило то, что я «русская» — это сулило приключения.

Глава 3

В первые дни университетских занятий я увлекалась покупкой учебников и вместо школьного портфеля завела студенческий коврик[23] для книг. Грязная, темная и холодная Сорбонна вызывала во мне робость и уважение.

Правда, студенты Института профессиональной ориентации не были похожи на обычных студентов. Они чинно записывали лекции, не кричали и не били стекол, не носили треугольных шляп, но все-таки это были не школьники.

Жоржетт была огорчена тем, что в нашем институте не носят отличительных значков. Хотя бы греческую букву «ро», как у выпускников. Ей так хотелось что-нибудь сунуть в петличку.

В первую неделю я аккуратно записывала названия книг, которые рекомендовали нам профессора, ходила по букинистам, посещала все лекции, чего со мной потом уже не случалось.

Так же были увлечены, по-видимому, все мои друзья.

Мы были полны энергии. Вечером нам хотелось бурно веселиться.

Мы шли в Люксембургский сад, опрокидывали стулья, пугали мамаш и гувернанток, обнимались, пускали кораблики в бассейне с водой вместе с маленькими детьми, пели.

Но скоро все вошло в норму. Появился Андре Крессон. Он уже два раза проваливался на конкурсе в Эколь Нормаль. Этой весной он должен был попробовать в третий и последний раз.

Его познакомили с нами Мартэн и Рауль де Бурже. Андре нам показался настоящим студентом. Он давал нам уроки хорошего тона Сорбонны и просвещал нас. Прежде всего нужно посещать только одно кафе. Вы выбрали «Капуляд»? Хорошо. Надо организовать компанию, которая будет защищаться от всех других. Надо придумать себе политические взгляды. Понятно, студенты? У каждого должна быть своя девушка или друг.

Андре ругал все существующие на Бульмише (бульвар Сен-Мишель) кафе.

Во «Дворце кофе» — хорошо, но туда ходят медики, то есть роялисты.

«Суре», «Источник» — кафе педерастов.

«Кубок» посещается русскими эмигрантами.

«Сорбонна» — играющими в карты.

«Биарриц» пустует, вышло из моды.

В «Капуляде» много сброда.

У нас появились новые знакомые. Мы стали заправскими «студентами из кафе». Кольдо как медик перешел во враждебную нам правую банду Баша. Сабина, сестра Габи, присоединилась к нам и привела свою подругу Марсиану.

Потом к нашей компании присоединился Ваня Капеску с математического факультета. Он румын, из бедной семьи и до сих пор учился в провинции. В Париже он почти никого не знает и очень обрадовался знакомству с нами. Недавно он ездил в Румынию. Там у него есть богатый дядя.

Андре Крессон рассказал мне в приливе дружбы свою историю.

У него есть любовница — Мария. Она старше его на два года и из-за него развелась с мужем.

Мария больна туберкулезом. Андре не знает, на какие деньги ее содержать, — она не может работать. Андре старался добыть деньги, воровал у родных, продал все свои и ее вещи. Теперь врач сказал, что ее нужно отправлять в Северную Африку в санаторий.

Андре написал отцу письмо. Он просил взаймы тысячу франков. Г-н Луи Крессон — писатель, книги которого выходят в огромных тиражах, хотя имя его неизвестно никому. Он пишет по два исторических романа в год. Это так называемое вагонное чтение. Он мало образован. Его выгнали из университета после

пятого провала на экзамене. Его фамилия даже не печатается на обложке, а где-то на второй странице петитом. Говорят, он один из самых богатых французских литераторов. В романах он описывает любовные похождения королей Франции.

Луи Крессон позвал сына в кабинет. Расспросил о больной любовнице, дал Андре пощечину и запретил ему когда-либо напоминать о своей личной жизни. Денег Андре не получил.

За Жоржетт ухаживает индокитаец. Его зовут Гю-Иен. В кафе он часто присаживается за наш столик, угощает нас пивом. Мы с ним не разговариваем и стесняемся его. Он нас явно презирает за наши пустые разговоры и неумение проводить время.

Жоржетт высмеивает его.

Однажды, рассказывает она, он повел ее на бал и весь вечер занимал ее разговором о том, как он выводит прыщи на лице и как идут его занятия английским языком. О, он очень заботится о себе! Он — сын кохинхинского принца.

Гю-Иен учится в школе Политических наук и привел к нам долговязого красивого парня — это был его товарищ по школе Александр Пуарэ.

Он поразил всех девушек своей красотой.

У него серые глаза, темные волосы, длинное бледное лицо.

— У него аристократическая внешность, — сказала Габи.

Александр не любит разговаривать. Время от времени он вставляет фразы с высокомерным видом.

— Это на уровне вашего понимания… Конечно, вы так думаете. Это ваше личное мнение, господа…

Он называет себя анархистом и не любит, когда его обвиняют в тяготении к правым.

— Это ваше личное мнение. Почитайте Домелу Нювангюса!

Наша «левая банда» — так мы прозвали себя — состояла из «философов»: Рауля де Бурже, Мартэна и Бельмона, из «предсказательниц судьбы» — Жоржетт и меня, «оборванца» Андре Крессона и еще Пуарэ, «девочки» Капеоку, Вяземского, Тейяка, Габи с сестрой, «прыщавого индокитайца», канадки Онорины, «египтянки» Марсианы, Пьера Пети.

Первый университетский год мы воевали с правыми.

Их предводитель — Баш, очкастый элегантный молодой человек. Он учится на юридическом, и у него есть собственный «шевроле».

Враждовали главным образом мальчики. Жоржетт и Габи несколько раз катались с Башем на его автомобиле и нашли, что он очень мил.

Впрочем, Габи пожаловалась мне:

— Баш портит пейзаж. Он вчера повез меня в Версаль и всю

дорогу говорил о виллах, которые мы проезжали. Та ему не нравилась. Другую ему бы хотелось купить. Он все на свете оценивает. Ах, тут живет какой-то мерзавец! Смотрите, он с прошлого года не красил фронтон. Это хижина бродяги. А эта вилла стоила два миллиона. Он мне надоел. Хотя, конечно, он прав.

Правые отличались от нас элегантным видом и избранной ими профессией — это были медики и юристы. Кроме того, они не принимали в свой кружок ни одного иностранца.

Мои школьные товарищи невзлюбили Сабину. Она им казалась странной, и они решили, что она ненормальная.

Однажды утром в кафе, когда наша компания еще не собралась за столиками, Сабина рассказала мне:

— Ты, наверно, знаешь от Габи, что я люблю женщин. Меня не волнуют мужчины. Я знаю, ты считаешь это чем-то преступным. Но ведь очень многие студентки такие же, как я. Даю тебе слово. Раньше я жила с мужчиной. Сейчас я влюблена в Марсиану. Она — необыкновенная. Я с ней ездила на две недели в Азэ ле Ридо. Это замок на Луаре. Это была романтическая поездка. Ее муж живет в Египте. Он принц и любит ее до безумия.

Мы с ней принимали героин. Наркотики. Мне нравится, я втянулась. Сейчас и я и Марсиана хотим бросить героин — это дорого стоит, и муж умоляет ее об этом. Он приезжает через месяц и хочет увидеть свою жену здоровой. Ее родители знают все и думают, что виновата я. На самом деле к героину приучил нас муж Марсианы. Все арабы страшно испорчены.

Когда я рассказала Габи об этой исповеди, она стала на сторону Сабины:

— Ты не понимаешь. Это удивительно. Я достану у Сабины героин, и мы попробуем. Ты трусиха. Ты боишься изведать все блаженства. Ведь ты никогда не узнаешь новых ощущений. Ты так и умрешь, не испробовав всего.

Я не понимаю Габи?

Она мечется. Ей нравится Баш, но больше всего ее восхищает поведение Сабины. Габи повторяет жесты и слова сестры. Она далее пробует ухаживать за Марсианой, но это у нее не выходит. Сабина не дала ей героина, и Габи выпрашивает у нас под секретом по десяти франков.

Вчера она заняла тысячу франков у Баша.

Глава 4

Лекции начинаются в девять часов. Латинский квартал, или, вернее, бульвар Сен-Мишель, пуст. В некоторых кафе еще

подметают пол. На столах опрокинутые стулья. Лекции продолжаются до половины двенадцатого.

Габи слушает старика Монтеля. Опершись локтем на кафедру и держа перед усами большой ситный платок, он говорит:

— …Теперь мы перейдем к гобеленам, милостивые государыни и государи. Гобелены — это тканые ковры, служащие для украшения, так сказать, стен, иногда для обивки роскошной мягкой мебели. Они ведут свое происхождение от ковровo-ткацкого мастерства Средних веков, процветавшего сперва в Аррасе. Они, так сказать, являются вершиной ковровo-ткацкого искусства…

На юридическом г-н Вельвиль диктует толкование кодекс:

— Статья двести тринадцатая. Муж обязан оказывать покровительство жене. Она обязана ему подчиняться. Вы помните, что из статьи двести двенадцатой явствовало, что верность есть обязательное условие брака…

В другой аудитории в это время г-н Ренэ поучает будущих педагогов:

— Нельзя учиться для того, чтобы учить, но учитель, уча, должен сам учиться у истоков всякого учения — у классиков. Тот, кто изучает век Людовика XVI для того, чтобы проговорить о нем час или два, тот не изучает истории…

Все это бесспорные истины. Г-н Ренэ никогда не сообщает новых вещей — в этом существо его предмета. На медицинском Кольдо режет лягушку. Она жалобно пищит. Кольдо еще не научился резать. Он не знает, как нужно брать лягушку пальцами для того, чтобы начать вскрытие. Потом он вынимает лягушечье сердце и записывает биение на барабан. Студенты стоят у столов в белых халатах. Все они так же неловки, как Кольдо, и только мучают животных.

Недели через три, когда студенты немного освоились с лягушками, начинаются опыты с собаками. В лабораторию поступает старая дворняга. Ей дают есть, но у нее дыра в животе. Еда вываливается, а у собаки выделяется желудочный сок.

У нас «на ориентации» профессор ходит среди скамей, диктуя способ определения умственных способностей человека.

— Мы применяем опросник Мира. Он состоит из нескольких частей. Вы задаете, например, вопрос: где находится Рио? Где добываются губки?

Так начинается студенческий день. Но иногда и не так. Иногда лень идти на лекции. Студенты идут в кафе и там дожидаются обеденного перерыва.

В половине двенадцатого все выбегают из университета.

Обсуждение: куда пойти обедать. Почти всех обед ждет дома,

но никому не хочется уходить от товарищей. В начале года это было понятно, но теперь все друг другу опостылели и только лень нарушать привычку. И потом — надежда: а вдруг произойдет что-нибудь новое.

У многих нет на ресторан денег: они берут взаймы или стараются примазаться к богатым.

— Пойдем к Мирону. У него обед — шесть франков.

— Нет, надоела эта русская дрянь. Может, к «Капуляду» или в «Биарриц»?

— У меня нет денег. Ты заплатишь за меня?

Останавливаемся на «Капуляде». Это — большой ресторан над кафе. Здесь всегда плохо пахнет. Официантки грубят, еда невкусная и масса народу. Зато дешево — можно купить талончики на десять обедов, и тогда получаешь скидку в двадцать пять сантимов с обеда. В «Капуляд» ходят обычно студенты-иностранцы. Французы любят хорошо поесть и предпочитают маленькие рестораны на соседних уличках.

В час мы кончаем обед и спускаемся в кафе. Оно выходит одной витриной на Сен-Мишель, а другой на улицу Пантеон. Столики сделаны из разноцветной яркой пластмассы, на стенах нарисованы уродливые фигуры с головами, похожими на скрипки. Мы проходим мимо бара, где посетители едят, сидя на высоких стульях у стойки. В баре дороже, чем наверху, и мы здесь ничего не берем.

В углу кафе несколько человек играют в карты.

Мы садимся на террасе, где зимой стоят угольные жаровни.

Сейчас нас пять человек. Заказываем пиво, хотя никому не хочется пить. Пиво дешевле, чем кофе. Вскоре к нам подходят еще товарищи. У Мартэна есть папиросы. Мы выклянчиваем их у него.

Появляется Баш на автомобиле. Он тоже присаживается к нашему столику.

— Баш идет, ура!

Габи рассказывает:

— Вчера Баш повел меня на собрание аэфовцев[24]. Я надела свой красный джемпер. Знаете, тот, за который меня прозвали «око Москвы». Взяла у Баша трубку и уселась в первом ряду. Они там произносили всякие речи. Никто не слушал. Мальчишки орали: «Да здравствует Леон Додэ». Баш тоже не слушал. В президиуме сидели какие-то мальчики, которые со мной перемигивались. Я курила трубку, свистела, когда все аплодировали. Словом, вела себя вызывающе. Я хотела показать этим дуракам, что они идиоты.

— Тебя не побили?

— Ну еще что! Правда, при выходе стали что-то орать по

моему адресу, но девушку они все-таки не решились тронуть.

— Рауль, ты заметил эту новую девчонку?

— Ничего себе.

— Я знаю про нее. Она — сестра кинематографиста. Он спит с ней.

— Жоржетт, познакомься с нею, подружись и приведи ее к нам.

— У нее кукольное лицо.

— Нет, глазки неплохие, и потом она аппетитная.

— Плохо одевается.

— Вот идет Сабина. А где Марсиана?

— Здравствуй. Ну, что новенького?

— Завтра воскресенье. Что делать?

— Можешь просить Кольдо покатать нас.

— Нет уж, спасибо. Опять поедем в Версаль, опять в кафе.

— Что вы тут говорите о завтрашнем дне, когда сегодня нечего делать. Идем в кино.

— Нет денег, и лекция.

— Пойдем в дешевый.

— Лень двигаться.

— Так что же завтра?

— Может, устроить картеж на дому?

— Родители дома?

— Жоржетт, мы должны завтра ехать в сумасшедший дом.

— Ну, опять рано вставать.

— В прошлый раз было забавно. Один сумасшедший стал раздеваться. Все студенты хихикают, девчонки смущаются, а этот выживший из ума Дюма (вот так профессор! — ему бы сидеть вместе с больными) объясняет: у него боязнь одежды…

— На тебе красивая блузка.

— Мне ее сделала Мария. Она придумывает модели для каких-то мастерских. Эту модель у нее тоже купили. И она обязалась никому ее не давать. Мне она подарила, но с тем, чтобы я никому не рассказывала, откуда у меня.

— Мне нравится.

— А мне нет — рогожа.

— Мужчины ничего не понимают.

— Габи, почему ты задумалась?

— Я сегодня встретила одного человека. Он был в плаще. Во всем его облике было что-то нефранцузское. Он, кажется, учится в школе Лувра, но я его раньше не видела.

— Габи, поцелуй меня. Ты сегодня такая хорошенькая.

— Мартэн, придумай, что сейчас делать.

— Мне хочется есть.

— Съешь рогалик, я за тебя заплачу.

— Вот опять та баба. Она воображает себя интересной.

— А вот и Марсиана. Мадемуазель, вы не сядете, пока не скажете, что нам делать.

Сабина устраивает сцену Марсиане. Та с ней вчера условилась встретиться в кафе и не пришла. У Сабины не было денег, и ей пришлось оставить за кофе часы в залог.

— Габи, ты куда?

— Я звонить.

— Кому? «Ему»?

— Нет, «ей».

— Бельмон, ты сегодня слушал Ренэ?

— Он умница.

— Он лучше всего говорит, когда рассказывает о себе.

— А что сегодня интересного в «Попюлер»?

— Я не читал.

— Мы опустились до невозможности. Лень открыть глаза. Посмотрите на Пуарэ. Даже пепел не хочет отряхнуть. Посмотрите на его костюм. Весь в пепле.

— Я видел парламентский отчет. По-моему, они перепечатывают из года в год одно и то же. Пуарэ, какого ты мнения?

— Я изучаю себя. Это значительно интереснее, чем изучать других.

— Идёмте в «Людо» играть в бридж или в пинг-понг.

— Уже три часа, Жоржетт, иди на лекцию и запиши ее. Завтра я пойду за тебя. Ведь глупо ходить вдвоем на ту же лекцию.

— Значит, решено? В «Людо»?

«Людо» — это кафе, где играют в пинг-понг, в карты, в шашки, в шахматы, в бильярд. Оно находится на улице Сорбонны и существует столько же времени, сколько и университет.

Мы идем в «Людо».

Кафе полно студентами. Официанты бегают между столиками, разнося пиво, и грубо прикрикивают на посетителей. Грязно. Пол заплеван. Пахнет уборной. Слышны беспрерывные ругательства. Темно.

Мы берем карты. Разделяемся на два столика. Начинается бесконечный бридж.

Часов в шесть все с облегчением собираются домой.

День кончен.

Вечером мы уже не видимся.

Только Габи часам к девяти встречается со своими поклонниками, а Жоржетт с каким-то незнакомым нам человеком идет в кафе, но не в Латинский квартал, а на Монпарнас. Там они

или танцуют, или снова сидят за столиком.

Наступает следующий день. Опять лекции, которые мы стараемся пропустить, опять кафе, безделье, сплетни, бридж. Некоторые внезапно решаются бросить «Капуляд» и исчезают. Но это ненадолго. Через несколько дней они снова появляются. Никто не замечает их исчезновения.

Глава 5

Дневник Габи

1 февраля

Александр… Редкий ум, тонкий и быстрый. Волосы каштановые, слегка вьются. Хорошо одет. Изысканные манеры… Красота физическая выше среднего. Можно ли желать большего?..

…Зачем все время лгать? Я принимаю решение быть откровенной, но перед постоянными затруднениями я снова должна врать. По крайней мере хочу быть простой и естественной… Довольно об этом говорить! Ведь дело касается другого, а именно одного человека, которого я встретила сегодня в Лувре. Очень симпатичный. Лет тридцать пять. Кажется, умница. Ездит на замечательном «ролс-ройсе».

Когда же читать?.. Надо работать в библиотеке «Декоративных искусств». А время идет…

24-е

Сегодня воскресенье. В церковь я не пойду. Не хочу. Не верю в их бога. Точка.

…Я — безбожница. Я никого не хочу обвинять в человеческих страданиях. Религия — превосходная вещь для бедного класса. Она ведь великолепно затуманивает горе и нищету. Она предохраняет от зависти и от жестокости людей, обиженных жизнью. Это хорошо. Но вот человек, руки в карманах, папироса на пепельнице. Он пьет пятый или шестой стакан портвейна. Он говорит: «Черт возьми, замечательный портвейн, но больше я пить не буду — я должен еще послушать музыку Х.». Я думаю, что для такого религия вряд ли необходима.

Среда, 4-е

…Я пыталась себя обмануть, говоря, что я влюблена в Александра Пуарэ и Жоржетт. Но нечего врать, я влюблена в Александра — просто и коротко. Почему я так мало ревную? Во-первых, безнадежно, во-вторых, я все же люблю Жоржетт куда больше, нежели Александра…

В субботу получу 50 фр. 15 — на кино, 25 — пара чулок, 6 — билеты автобуса, остаются 4 — два черных кофе.

20 апреля

Я себя плохо чувствую. Не пошла сегодня в бассейн… Если бы мама увидела меня утром до того, как я нарумянюсь, она перепугалась бы. Когда она уедет, я буду весь день валяться в кровати, работать, читать, курить…

Я с каждым днем хорошею. Теперь я уверена и своей привлекательности, и я буду этим куда меньше заниматься. Я буду иногда напускать на себя меланхолию — или это будет естественно: мысли о Жане Лево.

10 мая

Я написала Шарлю. Я ему сказала все, что я думаю. Я его упрекаю за снобизм, за узость идей, за нежелание понять других. Может быть, я и неправа…

12-го

…Я лично мало доверяю любви в ранней юности. Но имеется чисто физиологическая сторона любви, и физически я себя чувствую достаточно женщиной, чтобы любить.

Помимо этого я преглупо влюблена. Чувственность в чистом виде… Вчера, когда я легла, я начала проделывать гимнастические упражнения. Я лежала на животе. Я чувствовала, как теплота моего тела наполняла кровать. Я ощущала каждую часть моего тела, и мне было не по себе. Словом, я была влюблена. Не специально в Шарля, но в «него». Все равно кто, лишь бы он мне нравился и лишь бы он меня любил.

…Я знаю, что у него взгляды, созданные его средой. Итак — против идеалов! Это будет прекрасное упражнение для меня. Может быть, потому, что я разделяю его социальные принципы, я буду сильней его: я смогу заставить его делать все, что мне

хочется…

Понедельник

В субботу вечером я пошла к Б. танцевать. Я очень веселилась. Александр мне нравится. Он элегантен…

…Я заставлю его ухаживать за мной. Из тех, кто уже ухаживает, мне нравится С. Но только он еще дитя — для меня он чересчур молод.

Пятница, 17 октября

Какой-то человек сейчас вошел в библиотеку. Он меня очень взволновал. У него вид громилы, вора, босяка, но он довольно красив, а главное, от него исходит ощущение силы. Я себя вижу влюбленной в босяка, в темную личность. Я противопоставила бы мою мягкость и здоровье пессимизму и грубости такого человека. Может быть, без его широкого пальто он мне понравился бы куда меньше. Господи, какая тоска!..

27-го

Десять часов работы в день. Хорошо!

Четверг

…Я противна себе самой, смешна…

Необычайное удовольствие работать. Развивать свой ум. И курить. Несмотря на Александра.

…Говорят, «жизнь прекрасна». Гм. Жизнь это г… Набрать денег. Уехать на день якобы к друзьям. Свобода. Как-нибудь выкручусь. Я буду довольна, если у меня в дороге будут так называемые «неприятности»…

11 ноября. Понедельник

Вся банда в кафе. Бридж. Никогда я еще не была так счастлива. Марсиана дает мне «штуку»[25] — я не смею назвать это по имени. Полное счастье: одна, в моей комнате… Это будет мое счастье, только мое. Никто не сможет его разрушить…

Четверг, 21

…Я отравляюсь водкой, ликерами и пр. Может быть, чтобы забыть П. Забавно. Помимо этого, ничего нового. Читаю Пруста. Есть над чем подумать. Жан Дюпон болван. Х. меня повезет в «Фолли Бержер»…

Среда, 27

…На экзамены наплевать. Я счастлива… Красные пятна на щеках, на руках, на теле… Это от «штуки». К черту работу! Я буду тогда заниматься, когда ничего другого не останется…

8 *января 1933 года*

Встретила Жана Лево. Как всегда несносен. Как всегда мил. Какие у него глаза. И ресницы. Надо выяснить: хороша жизнь или нет? Смешной вопрос! Я начинаю бредить. Я сегодня довольна собой: сегодня я не приняла «это»[26]. До субботы. Я сказала Сабине, чтобы она мне «это» не давала ни под каким поводом.

Я плохо занимаюсь. Если не редкостная удача, я срежусь на втором курсе. И тогда… еще два года учиться!

…Свидание с моим индо-китайцем. Встречаю с русскими воскресную ночь — это сюрприз «партии».

9-го

Китайца зовут Гю Иен. Он начинает ухаживать за мной. В четверг он мне понравился. В воскресенье тоже. Надеюсь, что и в среду он мне понравится. Индо-китаец — это уже хорошо! Посмотрим. Во всяком случае забавно…

…Весна — меняю прическу, в сердце тоска, отравляюсь папиросами. Третий год так. Почему я встретила китайца? Какой-то весенний ритуал. Не хочу! Буду, наоборот, меньше курить. Не переменю прически. Не буду пить. (Я два дня *как* пью водку.) Главное — не влюблюсь.

Среда

…Я действительно влюблена в Марсиану. Это настоящее безумие! Я хочу ее видеть, хочу все время быть с ней. Это, кажется, настоящая любовь. Шарль был сегодня. Он прав в своей ревности. История с Полем мне окончательно опротивела.

Четверг

…Да и вся жизнь мне опротивела. Я люблю Марсиану. Точнее, я в нее влюблена. Она для меня божество… Я никогда не думала, что смогу влюбиться в женщину. Я плачу. Когда я была с ней рядом в такси (я, ничтожная Габи, рядом с божественной

Марсианой), она меня поцеловала. Я ее видела в купальном костюме. У нее кожа белая и нежная. Она плавала. Я знаю, что Сабина ее любит… Что делать? Это очень серьезно.

Суббота

Скоро Сабина не сможет мне больше говорить, что я недостаточно чувственна.

Воскресенье

…Гю Иен будет приставать. Он даже предложил прийти к нему. Какой нахал!

Жана Лево я перехитрила: я его первая брошу…

Среда

Не буду больше покупать папирос. Осталось 2 франка на кофе, если мой китаец за меня не заплатит…

Черные волосы. Привлекателен. Азиатский принц! Когда он берет меня за руку, дрожь проходит по всему телу. Но я вовсе не собираюсь в него влюбляться… Я к нему ни за что не пойду!

Два года тому назад, в Люксембурге в жаркий туманный день я писала дневник. Я писала, что все банально и я мечтаю о каком-нибудь восточном человеке…

Вот он — мой китаец. Он говорит, что я ему по вкусу. Он будто бы способен любить. Но в прошлом году Жан Лево мне говорил то же самое. Мой армянин тоже говорил о чувствах, а потом сразу смылся: ровно через три дня после клятв.

…Он мне нравится, слов нет, даже чересчур. Но я теперь боюсь!..

Бодлер. Гоген. В живописи я люблю еще Серра[27]. В литературе — никого…

2 апреля

Финансы: 11 фр. 40 с. — разбогатела (вчера у меня было только 3 фр. 60 с.). В субботу метро и 3 фр. 50 папиросы, буду курить. В воскресенье куплю двадцать папирос и пирожное…

Мама обедает с мистрис 3. Я отдала бы все, чтобы пойти

обедать с моим дорогим китайцем в «Крымский домик»[28]. «Крымский домик», Гю Иен… потом — чай в «Оазисе»[29]. Может быть, встретим Баша. Баш приревнует к индо-китайцу. Китаец — к Башу. Замечательно!

Работа, папиросы и — увы! — Гю Иен.

4 апреля

…Я не хотела с ним целоваться. Я его не увижу до понедельника… За обедом я не могла есть. Ноги — как будто их перебили в коленках… Если все-таки (хотя это невероятно) он дотянет до понедельника и будет снова объясняться в любви, что же, тогда попробуем!..

Мне отвратительны расовые предрассудки — Жан Дюпон с его обличениями русских и «восточных» людей…

21 мая

Будущая неделя: по восьми часов в день работать, не ходить в «Капуляд» — обещаю! Когда я в хорошем настроении? Да только тогда, когда я весь день работаю…

Понедельник

…Вот мой основной недостаток: я все принимаю чересчур всерьез. Главное, не применять никаких принципов к другим людям. Это ведь никогда не удается Мой дорогой китайчонок. В общем в нем нет ничего особенного, кроме того, что он мне нравится. Это уже кое-что. Завтра я пойду к нему. Надеюсь, что мне у него понравится. Во всяком случае, я смогу уйти. Потом я не вижу, почему я должна отказываться? Я делаю то, что хочу. Я ведь делала то же самое с Сержем.

14-го

…Иногда он очень серьезен, иногда шутит, иногда далек от меня и равнодушен… Я его не понимаю. Надо ли это отнести за счет разности рас?

15 июня

Готово! Я уже думаю только о нем!..

Он мне не нравится. Наконец, если он мне снова понравится, я не смогу работать…

21 июля

Что касается тебя, дурочка, именуемая Габи Перье, то я о тебе больше не думаю. Когда-нибудь и ты вырастешь. Но пока что у тебя в этой жизни очень, очень миленькая роль.

22 июля

…Неделю тому назад я была влюблена в китайца. Теперь — другой. Два дня как он за мной ухаживает. Он очень мил. Говорят, что на Востоке люди отличаются тонкостью чувств. Но вот теперь у меня француз, и он в десять раз тоньше Гю Иена…

…Сегодня переполох: надо было достать 100 фр. для Марсианы. Достала не я, и я была в отчаянии…

Правила: не делать не из чего жизненного правила. Не стараться никогда потрясти себя самое или других. Быть естественной.

22 июля

…Что-то не клеится! Надо стащить у Сабины «штуку». Это меня подбодрит…

30-го

Р. меня поцеловал. Я почувствовала себя воскресшей, как будто выпила коньяку. Буду лучше работать. Конечно, из этого ничего не получится, но — обоим приятно. Раздражение, страсть. Надо остаться с ним наедине. Тогда удастся все осуществить. Я думаю, что мы сможем это сделать, когда поедем с ним в Багателль.

3 августа

…Встретила китайца. Снова хочется все начать сначала. Но только не знаю почему: от избытка чувств или от полного равнодушия?..

17-го

Все идет на славу, кроме работы, — с работой плохо. Хочется спать. Плохо себя чувствую. Холодно. «Штуки» нет.

18 августа

Когда расстаешься, главная боль не в самом расставании, но в мысли, что, может быть, снова встретишься с прежней любовью, но с другими глазами — любят, но больше друг другу не нравятся…

…Я говорю: «Жан». Конечно, люблю я не Жана Дюпона. Но у меня на этот счет свои соображения. Через две-три недели выяснится. Люблю я Жана Лево… Я его хочу!

Жан! Сегодня я его люблю. Завтра не знаю. Скука. Беспорядок в комнате. Завтра придется прибрать. А экзамены?..

Папироса… Стамбул! Жан Лево! Я хотела бы иметь силы завтра не пойти к Нему. Но я пойду. И — до конца…

…Меня удивляет Жан Дюпон. Что делать? «Мадам Дюпон»… Нет, я не хочу сейчас об этом думать.

29 августа

Я убеждена, что он меня обманывает. У него сейчас, наверно, три или четыре любовницы. Я ему написала нежное письмо. Потом послала открытку — холодную. Теперь решила ничего не писать…

Я хочу, чтобы он приехал сюда. Мы пойдем в лес. Я — без чулок, летнее платье… Лес, солнце!

Четверг, 25

…Еще есть время подготовиться к экзаменам. За работу! Долой противного Жана Лево, который мне не пишет! Долой!

…Ты — мое божество. Я — твоя рабыня. Я согласна на все… Подумай, из-за тебя я не могу заниматься. Я провалюсь на

экзаменах. Напиши мне хотя бы одно слово! Жан, я ваша. Мое тело принадлежит вам…

17 сентября

Я собираюсь бросить моего китайца. Сегодня я у него отчаянно скучала. Просто меня занимало, что он — индо-китаец, а по существу это совсем не интересно. Он почти не разговаривает. Конечно, мне льстит, что у него такая страсть, но он себе слишком много позволяет…

18 сентября. Париж

Париж. Вечер. Русский ресторан. Монпарнас. Ужасная женщина. Я растерянно гляжу на все. Кажется — плохо…

19 сентября

Джованни…

Глава 6

Изо дня в день — кафе. Кафе утром, днем, вечером. Те же люди, те же разговоры. Мы дошли до того, что появление нового знакомого вызывает у нас ненависть к нему. Мы чувствуем себя, как зараженные одной и той же болезнью. Мы бережем свою болезнь и стараемся, чтобы она не вышла за пределы нашего круга.

Изредка Крессом, наш учитель жизни, зевая, объявляет, что весь завтрашний день мы его не увидим — он будет наконец работать. Но в следующий вечер он ищет нас по всем кафе и радуется, найдя нас.

Энергичнее всех оказалась Габи. Правда, она ходит в кафе, но как-то не так уныло, и главное, она не все время с нами.

У нее новые друзья. Она катается с ними на автомобилях, ее часто видят в танцульках.

С Сабиной совсем плохо. Она сейчас в госпитале, парализована. Она и там, тайком, продолжает принимать героин. Месяц назад для того чтобы достать на героин деньги, она подделала подпись матери на чеке в тысячу франков. Мать узнала и выгнала ее. Сабина переехала к Марсиане — муж той не знал,

что делать. Он пожаловался родителям Марсианы. Сабину выгнали. Она стала ночевать где попало. Денег на героин не было. Она отдала продавцу наркотиков свое кольцо.

Однажды Сабину подобрали на улице: она валялась без сознания, Марсиана присылает ей порошки героина в письмах, приклеивая их к подкладке конверта.

Я видела Сабину. Это двадцатитрехлетняя старуха. Ее катают в кресле. У нее не действуют правая рука и нога.

Из госпиталя я пошла в «Капуляд». Здесь опять, развалясь, сидели Бельмон, Рауль, Жоржетт. Они пили пиво и обсуждали, сколько шансов выдержать экзамен.

Выпускные экзамены через месяц.

Если мы не выдержим, все начнется сначала. Мы станем «вечными клиентами „Капуляда“», как тот бородатый студент, который каждый вечер играет здесь в шахматы.

Мы с Жоржетт пошли в библиотеку Святой Женевьевы.

Холодный и мрачный зал.

Даже днем горит электричество. За столами тесно сидят посетители.

Сюда впускают всех. Здесь не нужно иметь студенческой карточки, поэтому никогда не хватает места…

У выдачи книг очередь. Я отучилась усидчиво работать и невольно отвлекаюсь от книг, наблюдая за соседями.

Я затеяла игру сама с собой: сначала по внешнему виду стараюсь угадать, что они читают, а потом через плечо подглядывала в их книги.

Здесь не все читают. Напротив меня сидят две парочки. Они переписываются между собой, а то и просто шепчутся.

Приходя, я брала толстую психологию Дюма, но, прозевав над ней час, просила Мопассана или Бальзака и остальное время читала.

Через три дня мы решили, что невозможно заниматься в такой большой библиотеке, и пошли в университетскую. Здесь были только студенты, по углам сидели «библиотечные крысы», прилежно составляя конспекты учебных пособий. Некоторые покачивались, заткнув уши и не глядя по сторонам. Но многие и здесь не работали, они назначали друг другу свидания в библиотечном зале, читали журналы, приставали к девушкам. Вся наша банда тоже стала приходить сюда.

Придя, чинно усаживались за столом и, положив перед собой несколько книг, начинали что-то выписывать.

Проходило десять минут. У всех были задумчивые и напряженные лица. Мы делали вид, что обдумываем только что

прочитанное.

Еще четверть часа. Один за другим все выходили покурить. Обратно шли неохотно. Меняли книги, простаивали в очереди и радовались, что время идет.

…Началась предэкзаменационная паника, такая же, как во времена Лотарингской школы. Все поняли, что ничего не знают, что выдержать можно только чудом или жульничая.

— Неглупый человек всегда выкарабкается, особенно в философии, — говорил Мартэн.

Пуарэ также был уверен в себе. Он знал все предметы, не занимаясь.

Крессон трусил.

Жоржетт и я, проболтавшись целый день без дела, снова, как в школе, пили черный кофе и старались догнать пропущенное. Я спала три-четыре часа в сутки. Днем ходила в «Капуляд» и в библиотеки. Ночью работала.

У меня поднялась температура.

Я пошла к доктору.

— В этот месяц у всех студентов Парижа, барышня, та же болезнь, что и у вас, — сказал мне врач.

Габи ходила тоскливая. Она не хотела мне рассказать, в чем дело.

Глава 7

Дневник Габи

19 ноября

Не писала два месяца. Кончила итальянцем и теперь начинаю с итальянца, но с другого. Его зовут Джузеппе П. Мама познакомилась с ним в поезде, когда возвращалась из Италии. Он уезжает через неделю. Я еще ничего не знаю… Он на десять лет старше меня. Мне кажется, что я его люблю и притом снова чересчур сильно…

13 декабря 1933 года

…Вот уже четыре недели, как он уехал, — вдвое больше, чем мы были вместе…

Я только теперь узнаю, что такое по-настоящему мучиться.

…Джузеппе, после вашего отъезда были несколько часов,

когда я была счастлива, когда я думала, что я вас забыла. Но вы мне нужны — это так же остро, как 4 октября… За несколько дней до вашего отъезда Ирэн мне сказала: «Через месяц все как рукой снимет». Я тогда ответила, что за будущее не отвечаю. Месяц, мне казалось, что это так много…

Вы видите, любовь не умерла.

Морелла[30], туманная, нежная, горькая Морелла, сегодня ты в последний раз со мной. Ты так ласкова: ты восстанавливаешь равновесие… Керосиновая печка умирает: больше нет керосина. Она жалобно стонет. Полночь. Я начинаю жить только в полночь. Моя комната. Вокруг мои вещи. Папиросы. Мать спит — я спокойна. Джузеппе, я не могла вам рассказать в письме о Морелле. Но я скажу. Я не хочу скрывать от вас. Поймете ли вы, до чего мне нужны эти часы передышки?..

14 декабря

…Почему я с Мореллой?.. Все доводы против нее основываются на произвольных ценностях, следовательно, я столь же произвольно их отвожу. Если мы принадлежим обществу, то только потому, что это общество создано нашим желанием…

Сегодня не приняла. Я обещала Джузеппе не принимать. Но он… Джузеппе, почему ты мне не пишешь?

…Работаю хорошо. Черный кофе. Морелла.

Среда

Вот что составляет сейчас мою жизнь: Джузеппе, мама, папиросы, Морелла, черный кофе, аспирин. Под утро я уснула сидя…

16 декабря

Боль, острая, настойчивая боль. Захватывает все. Морелла должна мне дать силы сегодня работать. Хочется лечь и уснуть. Плакать под одеялом. Освободиться от усталости. Нельзя. Надо ходить. Надо продолжать. Стоит передохнуть, и я сразу свалюсь. Неделя в темной комнате. Аспирин, чтобы уснуть. И чтобы избавиться от головной боли. Не могу больше…

Джузеппе, почему ты не со мной?

Суббота

…Только Морелла дает мне покой. Противная привычка: я теперь часто засыпаю сидя, с раскрытыми глазами.

Теперь я должна найти силы, чтобы расстаться с Мореллой.

…В общем за последние шесть месяцев я не увеличивала дозы… В Сан-Клу я брала больше… Не хочу об этом думать!

20 декабря

Я пообедала: груша и орехи. Письмо от Джузеппе. Какое полное счастье! Одна!

Если бы не головная боль, я была бы совсем счастлива. Но чертовски болит голова.

Я хотела бы теперь жить в темной комнате — черные или темно-синие обои… Мне нравится, что Джузеппе говорит мне «вы».

Голова! Не знаю, что делать. Спать? Не усну. Кант? Еще сильнее разболится. Жид? Как будто нет охоты. Знаю! Я буду читать полицейский роман — замечательное времяпрепровождение!

Джузеппе!

Я лицемерила: я искала, чем бы заменить Мореллу, — гарденал, гашиш, кокаин. Ничто не стоит ее! Джузеппе! Ужасно, что надо выбирать… Я хочу то и другое.

Я поставлю условие: когда мы вместе, я не принимаю. Когда между нами тысячи километров, я вправе делать что хочу.

Если бы надо было выбрать между Джузеппе и Мореллой, я не колебалась бы ни минуты. Но здесь ведь дело идет о лжи. А я привыкла лгать, и ложь для меня пустяк.

24 декабря

Морелла, ты вошла в мою жизнь и не хочешь уходить! До чего ты жестока и деспотична!..

Это нехорошо, но я теперь жалею, что рассказала Джузеппе о Морелле. Это отняло у меня счастье…

24 декабря

…Доказал ли кто-нибудь существование прямого угла?

Прямой угол существует только потому, что мы его создали. Следовательно, надо полагать, что идея прямого угла существовала априори в разуме. Это подтверждает существование математики, архитектуры, музыки, всего, чему я поклоняюсь.

…Многие люди, зарабатывая себе на существование, делают из этого добродетель. Вокруг этой добродетели они создают настоящий культ. Я таких людей презираю. Не будем об этом больше говорить.

26-го

…Страшное искушение: лгать моему дорогому Джузеппе.

27-го

Почему меня снова соблазняют? У этой женщины мало сердца, но поскольку она может чувствовать, она добра. Она очень привлекательна. Но если она будет продолжать, я не удержусь… Надо обладать огромной силой воли и все время думать о Джузеппе…

Болезненное ощущение прошло. Осталась гордость: я не поддалась Марсиане, несмотря на то, что все мое тело болело…

…Я увлекаюсь теперь социологией.

28-го

…Почему я снова согласилась? Слабость. Значит, снова отвыкать?.. Я хочу очистить мою жизнь от этого. Я не отдаю себе отчета в поступках. В общем я — противная девчонка, и только.

Хочу учиться танцам. Это — большое искусство. В конечном счете это связано с тем, что я ставлю выше всего: с математикой, с архитектурой и с музыкой.

Я сегодня глядела на итальянские рисунки, потом — на карточку Джузеппе. Флорентинец. Он не отрекся от наследства. Он — настоящий итальянец: Лука Синьорелли или Андреа дель Сарто. Кажется, в Италии два мира. Один — типы Ботичелли, другой — восковые статуи в шелковых мантиях. Я не люблю ни того, ни другого. Я не знаю, откуда Джузеппе. Амальгама этих двух миров… Мне кажется, что у нас очень разные вкусы. Правда, я еще очень молода, поддаюсь легко влияниям, но все-таки я уже сложилась в главном, а чтобы измениться, надо прежде всего

этого хотеть…

29 декабря

…Ночью бессонница, жар. Утром Сабина мне помогла…

30 декабря

Зеваю. Насморк. Дезинтоксикация благодаря Сабине и Марсиане прошла медленней, но и менее мучительно. Теперь, однако, конец, а это — самое трудное. Я хочу раз и навсегда с этим покончить. До нового решения это чертовски трудно. Но я хочу. Я в очень возбужденном состоянии…

…Я еще молода, и у меня слабая воля. Как же я могу бороться с вещью, которую я так люблю? Тем более, что в принципе я это никак не осуждаю… Минутами мне кажется, что я не смогу отказаться от Мореллы. Тогда выход один: продолжать, только чтобы он не знал. Но я не хочу ему лгать… Хоть бы избавиться от этой легкости лжи… А в общем — тупик.

Воскресенье

Я увлекаюсь теперь византийским искусством. Очень хочу поехать в Грецию. Памятники VI века…

Понедельник

…Письмо. Он еще может чувствовать восторг. Я — нет. Даже при мысли о встрече с ним. У меня в голове образ зверька. На него выпустили бульдога. Он сначала рычит, отбивается, потом, начиная понимать, что все это бесцельно, затихает. Даже мысль — спастись — его больше не трогает. Ему слишком больно. Так теперь и со мной…

Среда

Странная жизнь у меня. Нереальная. Эти несколько часов у Марсианы. Счастье, ощущение смутного доверия и другое точное — ее физической красоты. Несмотря на Сабину, я буду к ней часто приходить.

Январь, 1934 года

Ощущение удушья. Безделье. Беспокойство. Заботы о Сабине. Усталость: три ночи не сплю. Кажется, опасность для Сабины миновала. Но знаю, что она еще очень мучается.

Нельзя жить без цели. Я живу без цели. Я начинаю думать, что я ни на что, ни на что не годна. Когда Джузеппе со мной, я не могу ни есть, ни спать. Когда он уходит, я ем очень много, и у меня несварение желудка.

Я теперь сиделка. Мне удалось найти средство, успокаивающее Сабину…

2 января

…Вот уже тридцать четыре часа, как она не принимала этого… Спит. Какое счастье слышать ее ровное дыхание. Если завтра получится пакет, я его перехвачу. Я хочу, если возможно, отучить ее от этого…

Джузеппе, как я тебя люблю и как я счастлива.

…Она очень страдает. Сегодня вечером или завтра должен прийти пакет. Хоть бы скорей. Сознаюсь, у меня больше нет сил.

Вторник

Впервые Сабина спит спокойно без наркотиков. Хоть бы дольше спала, проснется и сразу — слезы, разговоры о пакете и пр. В общем, она совершенно сумасшедшая… Почему я так охотно за ней ухаживаю, исполняю самое противное. Весь этот порок мне теперь отвратителен. Я делаю все, но без сознания преданности, да и без раздражения, как нечто вполне естественное. Жалости у меня нет. Все время уходит на это, но я себя не чувствую жертвой.

Джузеппе, это было для меня уроком. Я теперь далека от всего этого…

4 января

…Сабина настолько зависит от «этого», что я минутами начинаю сомневаться в ее рассудке… Теории ее хороши, но она их плохо применяет. И потом, как говорит Андре Жид, это только одно из тысячи житейских положений. Я сейчас смотрю на многое шире, и я ничего не осуждаю…

…Когда мне было пятнадцать лет, я возмущалась глупостью счастья. Но вещь вещи — рознь. Каждый человек сохраняет свое горе, и он приносит его даже в самое «полное блаженство», кроме разве скотов или очень молодых и беспечных.

5 января

Джузеппе, далее если у меня не будет больше ни страсти, ни любви, я никогда не дотронусь до героина. Эта история с Сабиной дала мне такое ощущение грязи, падения, возмутительной низости, что я потеряла всякую охоту. (Это — в итоге восьми месяцев.)

6 января

Я люблю Джузеппе.

22 января

Две недели молчания. Я больна. Кажется, серьезно.

23 января

Хочу записать, что я чувствовала, когда лишилась сознания. Но это очень трудно. Сначала — все черное, черные круги перед глазами. Я понимала, что сейчас я перестану понимать. Потом — нож хирурга. Ощущение в теле большого куска дерева. Потом этот чужеродный предмет стал расти, боль тоже, но все время в теле, а в голове, там, где резали, я ничего не чувствовала. Боль стала невыносимой.

24 января

…Джузеппе, я твоя, твоя подруга, твой товарищ, твоя любовница, твоя жена… Я настолько хочу вас, что это меня опустошает…

25 января

…Андре Жид прав: дорога к счастью — очень узкая дорога…

15 февраля

Счастье: я принадлежу Джузеппе.

Оперированное ухо плохо заживает.

…Я всегда думала, что я не испугаюсь смерти. Теперь я убеждена, если врач скажет: вам осталась неделя, я не испугаюсь. Я умру так же, как засыпаю, может быть, даже с большей легкостью… Мы привыкли рассматривать смерть не глазами умирающего, но глазами тех, которые его окружают, ходят за ним, страдают, любят. А он сам?.. Кончено, и все тут: сон.

22 февраля

Джузеппе, как ты мне нужен. Сегодня я была с этим негодным фашистом. Как бы мне хотелось его высечь, заставить его мучиться. Он принадлежит к тем людям, которых я хочу унизить, довести до слез, до крика. У меня впечатление, что он меня запачкал одним своим присутствием, своими шутками. Он — ложь, ханжество, душевная нечистоплотность, все то, что я ненавижу…

Тем лучше. Сегодня — та же дата — у меня жар. Тем хуже. Таковы мелкие удовольствия и горести жизни. Не стоит обращать внимания. Я не понимаю, почему говорят «платонический»? Платон мне кажется очень разнообразным и очень занимательным. Отнюдь не «дух»…

24 февраля

…Я боюсь глупости жизни. Мы не так сильны, чтобы ее осилить. Разве что смертью… Я не могу ему об этом писать. Я хочу верить, что это отчаяние от того, что я еще больна.

30 марта

Мне почему-то стало трудно вести дневник: нет больше силы писать о своих чувствах. Будь у меня близкий друг, я рассказала бы ему про все. Как написать здесь, что я стала «любовницей Джузеппе», — я чувствую, насколько это слово не подходит к

моему чувству. Большая любовь…

1 апреля.

Утром — музей Клюни. Слоновая кость. Зарисовывала. Потом читала. Ходила и радовалась — живу.

15-го

Сегодня пятница, 15 апреля 1934 года. Мне двадцать лет.
Вещи и книги на моем столе, которые я люблю:
«Мечта» — Золя.
«Когда корабль…» — Жюль Ромена.
Жизнь Лафайетта.
«Имморалист» — Андре Жида.
«Критика чистого разума».
«Полковник Брамбль» — Моруа.
«Если зерно не умрет» — Жида.
Стихи Верлена.
Часы.
Фотография.
Фисташка.
Тетрадь в флорентийской коже.
Русско-французский словарь.

16 апреля

…Сена со стороны Лувра, между мостами Сен-Пер и Рояль (это как мост), трагична. Чернота, зыбь, огни. Несколько причудливых деревьев. Листья. Небо и вода образуют один черный свод…

Вторник

Надо все начинать сначала: вчера я была в Салоне, и все мои живописные понятия полетели к черту. Хорошо бы больше никогда не глядеть на живопись. Но это — душевная лень, и я с этим борюсь.

17 апреля

…Ощущение глубокой красоты теперь приводит меня в отчаяние.

18 апреля

Меня поражает живучесть жизни. Люди — повсюду люди. На улице столкновение автомобилей, на другой варят асфальт, и повсюду сейчас же толпа — как все это движется, шумит и живет.

Джузеппе, ты отнял у меня свободу…

Я спрашиваю себя, построил ли ты когда-нибудь мост? Я не помню — механик ты или химик?..

Теперь легко может случиться так, что я не выйду за него замуж, да и не захочу больше его любить. Это, впрочем, мысль, которая меня не оставляет: возможность этого, или это мне кажется возможным только потому, что я никогда не смогу этого сделать?..

19 апреля

…Идти, всегда идти вперед, не оставаться ни в коем случае на одном месте — иначе грозит эгоцентризм. Я истратила деньги для уплаты за экзамены. Пустяки. Неважно.

Все в жизни необходимо. Страшно пробуждение, которое я почувствовала три-четыре месяца тому назад и которое мне показалось достижением, — это только один шаг вперед. Я все-таки многому научилась, да и от многого освободилась…

21 апреля

Проблема — должна я или нет стать женой Джузеппе? Не лучше ли быть вполне независимой?..

22 апреля

Я не могу сделать из Джузеппе «сюрреалиста» или что-то в этом роде. Это глупо. Но все же он должен узнать прекрасное. На мне лежит задача узнать, отобрать, передать ему…

23 апреля

Я сегодня шла по улице Огюста Конта. Я шла по мостовой, так как тротуар был мокрый и скользкий. Рядом со мной шли люди, все в одном направлении. Унылые все. Тогда я вдруг улыбнулась и начала думать о них. Я сразу стала злой. Я даже закусила губу от ненависти.

24 апреля

Бесполезно говорить, что при других обстоятельствах я буду счастлива. От обстоятельств многое зависит, но нет таких обстоятельств, которые помогли бы мне преодолеть монотонность, глупость и косность, — они по мне.

23 апреля

Меня раздражает образ женщины, одетой в серое, с чертами лица незначительными, но «озаренными любовью», добротой, преданностью и пр. Мне необходимы, как райским птицам, яркие краски, кровь, жизнь. Я не знаю, зачем райским птицам нужны кровь и жизнь, но мне захотелось так написать.

Мама довольна, что хворает. Я не понимаю, откуда у людей эта гордость — быть или почитаться больным? Как будто здоровье это порок.

26 апреля

…Мучение. Отчаяние. Сознание, что я гибну… Где-то в глубине еще таятся радость, молодость, смех, но они так глубоко запрятаны, что я о них забыла. Джузеппе, помоги мне!

Глава 8

Десять дней мы не виделись. Изредка встречались в кафе, но и то не все вместе. Сообщали друг другу:

— Пети сдал физику. Говорит, что плохо, но это его стиль. Он всегда так говорит.

— Он-то, наверное, выдержал.

— Завтра экзамены на юридическом.

— Конкурс в Эколь Нормаль еще не кончился. Я видел Бурже. Он чуть не плачет. Ведь пробует в последний раз. Провалится — все кончено.

— Габи не хочет идти на экзамен. Она взяла у матери деньги, но не внесла их в университет. Ее не допустят к испытаниям.

Пришел Пуарэ. Он хладнокровен:

— Я хочу получить в среднем шестнадцать баллов. Меньше было бы позором. У нас в семье всегда все хорошо учились.

Латинский квартал опустел. Все сидят на экзаменах или зубрят, сидя у себя дома, конспекты лекций.

Я сдала письменные и в ожидании устных ходила по бульвару Сен-Мишель, разыскивая знакомых. В кафе «Биарриц» я увидела Габи. С ней сидела Онорина. Они оживленно болтали о том, что теперь модны высокие брови и загорелые лица.

Я села с ними.

Онорину я знаю давно. За ней ухаживали все наши мальчики. Она — канадка.

Ее родители живут в Англии и послали дочь учиться в Париж. Здесь Онорина ничего не делает. Она из категории псевдостуденток, из тех, у которых есть деньги.

В Латинском квартале часто разыгрываются скандалы, и обычно это бывает из-за девушек, которые представляются, знакомясь, как студентки математического факультета (чтобы казаться серьезнее), — на самом деле это проститутки, промышляющие среди студентов.

Онорина не проститутка. Она получает от родителей «жалованье» и живет в гостинице. Ее занятия: туалеты, сплетни и любовные похождения. Последнее время Габи с ней очень подружилась.

Вскоре разговор перешел с дугообразных бровей на другие темы.

Габи рассказала, как она истратила деньги, полученные от матери на экзамен.

Онорина жаловалась, что ей не хватает двух тысяч франков, которые высылает отец. Кроме того, она боится, что и эти деньги скоро кончатся. Отец ее вызывает в Англию, надеясь, что у нее уже есть диплом.

— Англия — страна предрассудков, неподвижных идей, жесткая страна, духовная узость, тысячи условностей. Черт бы взял все их лэди! Они не умеют жить. Думать тоже. Ненавижу эту страну. Они все больны манией преследования. Они боятся за свои предрассудки. Я хочу жить. Я молода.

— Ты ничего не понимаешь в жизни. Ты ничего не хочешь достигнуть.

— Интересно узнать вашу цель жизни, мадемуазель Габи.

— Нечего издеваться. Да, у меня есть цель. Я хочу быть богатой. Хватит кривляться. Нельзя восхищаться Гогеном, когда в

кармане нет денег. Мне нужны папиросы, платья, автомобили, зимний спорт. Я хорошенькая. Я молодая. Я хочу смеяться, флиртовать, получать букеты. Неужели вы обе, дуры, не понимаете, что все, к чему вы стремитесь, сводится к тому же — к деньгам? Онорина советует мне выйти замуж за Джузеппе. Он неплохо зарабатывает, у него автомобиль. Не ведь это не то. Это — прозябание. Мне по-прежнему придется считать деньги. Задумываться перед тратами. Мне не нужно мужа. Мне просто нужно много золота. Я смогу путешествовать, смотреть древние развалины, изучать искусство, наслаждаться Италией. Я поеду в Россию, я увижу Кремль, Нью-Йорк, Африку. Вы не понимаете самого важного: чтобы по-настоящему заняться чем-нибудь, нужно не иметь никаких других забот. Чтобы достигнуть цели, нужно идти на все…

Она почти декламирует. На нас смотрят все официанты.

— Здравствуйте, господа профессора. Ну, как у вас жизнь?

Вошли Рауль де Бурже, Мартэн и Бельмон. Они мрачны. У всех троих оказались недостаточно хорошие отметки.

Они заказывают аперитивы и начинают буянить. В кафе, кроме нас, никого нет. Рауль опрокидывает стол, пробуя через него перепрыгнуть.

Они устраивают джаз, напиваются, обнимаются с официантом, угощают его.

Мы расстаемся до субботы. В субботу большой кутеж. К этому времени все будут знать результаты экзаменов.

Суббота

Сбор в «Капуляде» в 9 часов вечера.

Первыми пришли несчастные провалившиеся: Белы, мои, Мартэн, Бурже. Все остальные выдержали, если не считать Габи и Жоржетт, которые не явились на экзамен.

Мы собираем со всех деньги. Пети — кассир. Крессон — организатор вечера.

В «Капуляде» — роскошный ужин, потом танцы.

Уговор — не говорить о будущем, об экзаменах и об университете.

Но из уговора ничего не выходит. За ужином только и слышны рассказы о профессорах, отметках и темах.

Жоржетт, Сабина, Тейяк и Вяземский не пришли в «Капуляд».

Габи грустна. Ей неинтересно с нами — она всех слишком хорошо знает. Да и вообще ужин не клеится. Крессон пробует острить, заигрывает с чужими девушками, которые с

недоумением смотрят на нас.

Танцы тоже не ладятся. Мальчики усаживаются за столики и не хотят танцевать. Все взволнованы будущим.

Бельмон и Мартэн в отчаянии. Что же теперь делать? Мартэн еще не сказал матери о печальном экзамене.

Пуарэ горд — он сейчас едет вокруг Франции на автомобиле. Осенью отец обещал заняться его карьерой. Впрочем, осенью военная служба.

Все оживляются. Ведь у всех военная служба.

Еще год можно не заботиться о будущем.

Глава 9

Весь следующий год я работаю по психотехнике. Я провожу опыты над кандидатами в шоферы и телеграфисты. Работа скучная и бесцельная. Испытуемые относятся ко мне как к злейшему врагу. Они знают, что если не выдержат психотехнический экзамен, их не примут на службу.

Некоторые стараются меня задобрить, уговаривая поставить им более высокий балл, чем полагается.

Весной я работаю в школе. Здесь один профессор организовал психотехническую лабораторию.

На опыты приходит мало детей. Обычно родители не разрешают им ходить, считая эту лабораторию чем-то вроде нечистой силы.

Со школьными друзьями я не вижусь. Мальчики почти все на военной службе. Жоржетт вышла замуж и уехала. А Габи, когда я хотела с ней встретиться, ответила мне письмом:

> «Я тебе сказала: „До вторника, в бассейне“. И ты прибавила, что зайдешь за мной. Но я убеждена, что лучше, чтоб мы не виделись, и я тебя прошу об этом во имя нашей старой дружбы.
>
> Когда я тебя увидела после шести месяцев, я нашла, что ты очень переменилась, не физически, а в другом, во многом другом (может быть, я переменилась). Мне показалось, что я говорю уже с другой Ирэн. Ты, конечно, не глупа, у тебя есть некоторые достоинства. Но я не почувствовала радости, встретив тебя. Может быть, действительно я переменилась. Все возможно. Каждая из нас собирается жить в другом климате. Я не хочу хитрить и не хочу терять время на тебя. Я предпочитаю сказать тебе открыто: мне не хочется видеться с тобой. Я — мизантропка. Все эти люди мне надоели. Надеюсь, что

мое письмо тебя не огорчит.

Я очень, очень сожалею о прошедших годах.

Габи Перье».

Рауль де Бурже женился, его будущее неясно, но деньги у него есть.

Мартэн и Жан Бельмон — журналисты.

Крессон уехал со своей больной любовницей на юг. Там он продает радиоприемники, иногда работает грузчиком, иногда бездельничает. Летом его часто встречают товарищи, которые приезжают на юг.

Пуарэ отбыл военную службу офицером. Родители посылают его в Англию изучать язык. Он еще слишком молод, чтобы начинать дипломатическую карьеру.

Капеску ищет работу, Пети тоже.

Де Монферан еще на военной службе.

Сабина почти здорова. Она живет с молодой женщиной. У нее ребенок. Муж ее бросил. Сабине приходится зарабатывать на всю семью. Ребенку впрыскивают героин, чтобы он не плакал. Я была в гостях у Сабины. Девочке два года, но она еще не разговаривает. Я боюсь, что она вырастет идиоткой, если отец не заберет ее.

Что касается Габи, то мне предстояло встретить ее еще раз.

Глава 10

За несколько дней до отъезда в Москву я позвонила Раулю де Бурже и уговорилась с ним встретиться. Условились ждать друг друга в «Капуляде». Это было в мае после Пасхи.

В Париже на Пасху и Рождество на бульварах ставят игорные ларьки — рулетку и японский биллиард, карусели, ларьки со сластями.

Стояла хорошая погода. Рауль пришел в «Капуляд» с Мартэном. Мы взялись под руку и пошли по бульвару Сен-Мишель. Начиная от Люксембургского сада до Сены, тротуары были заняты ярмаркой. У Рауля оказалось немного денег, и мы начали кутить.

— Двадцать пять сантимов — только пять су — партия! — кричала толстая женщина, вертя огромное колесо рулетки.

Вначале колесо жужжало плавно и быстро, к концу со стуком замирало.

— Ставок больше нет. Десятый номер выиграл кило сахару. Делайте ваши ставки, господа.

Я проиграла три франка. Игра мне не понравилась.

Мы пошли к японскому биллиарду. Здесь, полулежа на больших столах, мы провели около часа. Рядом со мной стоял солдат в голубой форме. Хитрец, выпрашивая у меня взаймы шар, он выбивал им свои застрявшие, пока содержательница биллиарда не смотрела в нашу сторону.

Мартэн выиграл солонку и кусок нуги, я — мятные конфеты и Рауль — кольцо для салфетки.

Потом мы накупили китайских орешков, пряничных свиней с выведенными на них сахаром нашими именами, нуги и шлялись по бульвару, поедая сладости.

Рауль снялся, сидя на картонном льве, я бросила монету в автомат, и из щели выпало предсказание моей судьбы: «Любовь будет сопровождать вас, берегитесь вероломства, долголетняя жизнь, богатство».

Бесполезно постояв с удочками в руках полчаса над бутылками шампанского, на которые нужно было надеть кольцо, привязанное к концу удочки, мы решили на последние десять франков пострелять в цель и пойти по домам.

Когда мы подходили к тиру, Рауль увидел Габи. Он мне показал на нее и сказал:

— Может быть, лучше не будем с ней здороваться.

Он знал об ее письме ко мне.

— Ирэн! — радостно закричала Габи; она подбежала ко мне и как ни в чем не бывало сказала: — Мне нужно что-то тебе сказать. Слушай, мне страшно нужны пятьдесят франков, дозарезу. Я знаю, у тебя нет, попроси у Рауля. Больше никогда мне не придется унижаться. Завтра я тебе отдам эти деньги.

— У Рауля нет денег. Мы сейчас все истратили.

— Ну, как хочешь… Помни, что это моя последняя просьба. Больше вы все меня не увидите.

К нам подошел Рауль. Габи, испуганно оглядываясь, выпросила у Бурже оставшиеся десять франков.

— Ты с кем, Габи?

— У него то, к чему я стремилась всю жизнь. Прощайте, прощайте. Больше вы не увидите вашу Габи!

Нам ничего не оставалось делать, как сесть в метро и поехать домой. По дороге я раздумывала: что значила эта сцена?

Глава 11

«…Пока полицейский выслушивал жалобы пострадавшего, — пишет „Матэн“, — Габи Перье исчезла. Она уехала в автомобиле американца по направлению к Сен-Лазарскому вокзалу. Молодая преступница — дочь почтенных родителей…»

Это было через два дня после ярмарки.

«Бедные послевоенные дети, — пишет „Пари Суар“, — их характеры преждевременно завяли в жарком ветре нашего века…»

«Габи Перье получила воспитание, основанное на правилах порядочности и нравственности. Тайна подсознательного, так догадываемся мы, влекла ее к преступлению. Потемки человеческого инстинкта — кто осмелится прикоснуться к вашему покрову? Разрушительная социальная пропаганда… Угрюмые вырождающиеся низы…»

Москва, 1934

Мой дневник во время войны

1941 год

3 ноября. Куйбышев.

Сегодня, с 10-го октября, впервые есть слухи о Киевской армии. Говорят, она частично погибла, частично сдалась в плен. Приехал Осипов[31]. Он попал в Харьков за несколько дней до взятия города. Их было 16 человек. За 30 дней прошли 600 километров, прятались в скирдах. Их спас неубранный хлеб. Много деревень, где немцев вообще не было. Борю[32] видел 20 сентября. По слухам, заняты Курск и Симферополь. В газетах хоронят Крым. От мамы ничего нет.

4 ноября.

В поезде Москва-Куйбышев у меня было тупое отчаяние от свершившегося. В Москве мне казалось, что не все потеряно. Отъезд, вернее, бегство, потряс меня. Я не думала о Борисе, о войне, о маме. Произошла катастрофа. Очумелая Москва. Косой снег. Казанский вокзал, по которому все только бегают. Спрашивают друг друга, на каком пути стоит поезд с таким-то институтом, заводом… Забытые бесхозные чемоданы, неумело завязанные узлы, потерянный портфель Ильи с рукописью[33], посадка в дачный поезд — в нем эвакуировались «Красная звезда», «Информбюро», радио и так далее. Рядом со мной сидел Ярославский[34], который плакал. Невыкопанная картошка, покрытые снегом кочаны капусты… Грязные, как всегда, окна вагонов.

Последний звонок из Киева. Я приняла снотворное и провалилась. Меня разбудил телефон. Я знала, что Киев в полукольце. С часу на час ждали, что кольцо замкнется. Мы научились читать сводки. Они всегда смягчают обстановку. Я уже не надеялась, что Боре удастся позвонить.

Последние дни говорят о смерти Афиногенова[35]. Дженни на последнем месяце, и от нее скрывают. Бомба попала в ЦК, там и погиб Афиногенов. Немцы продолжают наступать. Они все возьмут. В Гранд-Отеле, где мы жили несколько дней, говорили, что помогут Англия и Америка, об ошибках прошлого, о мнимых надеждах. Мне все это неважно. Нам дали квартиру, вернее, Илье.

С нами живет Габрилович[36], который ищет самоубаюкивания, да и все его ищут, кроме Соловьева — он уехал в Тифлис, кроме Погодина[37] — ему на все наплевать. На рынке я видела, как женщины убивают свою жизнь на добывание еды за большие деньги. И если бы только теперь, нет, это давно. Я знала, что страна голодает, но мы старались этого не замечать, как и многое другое.

Говорят, что покончила с собой Марина Цветаева. Очень ее жалеем. Надо же — приехать из эмиграции на родину и здесь повеситься! Довели!

Захар[38], наверное, погиб, это очень страшно.

Боже, увидеть бы Борю живым и уехать с ним куда угодно.

На рынке еврей недодал продавщице рубль. Беззлобные разговоры: «на то он и еврей».

Бальтерманц[39] еще верит, но где-то закрадывается сомнение. Все подготавливают Дженни, говорят, что, может быть, с Афиногеновым несчастье, но она не верит. Ей легче, у нее есть ребенок, а у меня…

5 ноября.

3 часа ночи. Только что вернулись с Габриловичем из магазинов. По случаю 7-го ноября магазины открыты до 3-х с половиной утра. Искали конфеты, купили подушечки и жареную курицу. Илья хоть поест. Весь город ходит с авоськами.

Сегодня рассказывали про корреспондента, который в Киевском окружении застрелился. Он был тяжело ранен. Дженни рассказали о гибели Афиногенова. Она даже не заплакала. Сегодня я целый день что-то готовила, убирала. Сколько у нас крыс! От мамы ничего. На Москву новое наступление. Крым берут. Взяли Феодосию. Немцы ходят по Сережиной могиле[40].

Говорили о процессах. До чего страшный мир… Нина Габрилович из Ташкента просила мужа заехать в Москву и взять ее хрустальные вазочки.

А Рая[41] с Семкой думают о том, где бы спастись. Я тоже предпочитаю быть женою труса, а не вдовой героя.

6 ноября.

Выступал Сталин. Сказал о 2-ом фронте. Было плохо слышно. Слушали в домоуправлении. Все волновались. До этого разговор Ильи с Шолоховым об евреях. После поражения все всплыло.

Шолохов говорит, что евреи трусы. Сколько антисемитизма! Погодин напился и спал в комнате иностранных корреспондентов. Это совершенно гнусная личность. Полдня, проведенные мною в Гранд-Отеле, очень мрачны.

Из окна видно освещенное «1941», как будто это Новый год. От мамы ничего. Вспомнила кошмар последнего звонка. Меня разбудил телефон. Междугородний. Боря. Я свалилась с тахты и потеряла ориентир… Никогда мне не найти дверь в коридор, где стоял телефон. Я обезумела от мысли, что телефон сейчас может замолчать. Решила пробираться к заветной двери на четвереньках. Обрушилась этажерка с книгами, значит, я ухожу от двери. Переменила направление и наткнулась на письменный стол. Хоть бы Люба[42] или Илья проснулись! Загремела посуда — другими словами, я ползу вдоль правой стены комнаты. А телефон все не замолкает. По-моему, я кричала. Вставала на ноги. И наконец я уперлась руками в батарею, значит, я у окна. Я сорвала бумажные шторы затемнения, значит, дверь в противоположной стороне, я побежала к ней, и в этот миг замолк телефон. Для меня навсегда. Потом, до бегства из Москвы, я спала, выставив изголовье тахты в коридор. Даже после того, как появилось в газете сообщение, что Киев оставлен.

Сегодня Илья и другие корреспонденты говорили, что в связи с поражением каждый пересматривает свою судьбу. У меня ее нет.

Была на Цыганском рынке, продают старую рвань дамы типа тех, что были во Львове. Расплата за «освобождение» Львова. К сожалению, расплачиваются не те, которые там все скупали.

8 ноября.

От Насти[43] письмо. Вспоминала, как она меня целовала, когда мы эвакуировались: «Бедная моя евреичка». Она добрая.

Изо дня в день — жратва, топка плиты, поиск таза или сковородки и переливание из пустого в порожнее.

Вчера Семка принес трактат — как победить немцев.

14-го будет два месяца с последнего от него известия, а 26-го декабря восемь лет нашей с Борей совместной жизни.

Какое было счастливое время, когда он звонил мне из Киева, и я плохо, но слышала его голос.

11 ноября.

Сегодня в «Правде»: «…нам ли, стране и т. д.… бояться кого-

нибудь, евреи ли они или нет…»[44] В столовой надпись: «Входя, не забудь взять у швейцара вилку». Уже было когда-то.

Отчаянный ветер и холод.

17 ноября.

Очень давно не писала. Мне предложили работать на французском радио. От мамы фототелеграмма. Настя не отдает ни Чуку[45], ни вещи.

Приехал Гроссман[46], рассказывает о барской жизни в Чистополе[47]. Там не прописывают. Все есть, вплоть до водки.

На пристанях беженцы. На вокзалах тоже. Их отовсюду гонят. Они не похожи на людей. Валяются на полу хорошо одетые женщины, которых «кто-то любит» и эти «кто-то» в армии и не подозревают, как живет любимая им женщина, его дети. Видел, как толпа хохотала: старый еврей из Риги в бывшем элегантном костюме, с сеткой картошки, подвешенной на шее, плясал и прыгал: «Совсем не холодно». 30 градусов… А жены писателей плюс Кирсанов плюс Вс. Иванов[48] укатили в Ташкент. Хлеб не убран, но говорят, что заскирдованный не пропал.

Илья был в образцовом колхозе, там работают беженцы из Кишинева. В меховых шубах убирают свинарники.

М. сказал: «Ужасно, что есть люди, которые мечтают уехать в Америку!» Смешно, ведь он сам об этом мечтает.

Волга остановилась. Немцы кое-где тоже, кое-где наступают. Гроссман летит в Ростов — таков приказ «тени моей смерти»[49]. Прошел слух, что Боря вышел в сторону Ростова, но я не очень верю. Фадеев, сидя в Чистополе, брешет, что Лапин и Хацревин вышли. Безответственно. Боюсь, что маме плохо в Москве, но было бы хуже, если бы она уехала.

21 ноября.

Вчера проездом здесь был Толстой. Он на двух самолетах летит в Ташкент. Вывез все, а фарфор закопал в саду. Так говорят. Сегодня письма от мамы, папы, Наташи. Настя оказалась сволочью. Меня огорчает, что мама так это переживает. Жизнь у них в Москве не сладкая. Каждый день тревоги.

22 ноября.

Немцы прорвались на восток от Тулы.

Нашла в пижаме вошь — пахнуло страшным Кавказом.

Незнакомая женщина на костылях спросила: «Где можно

поесть без карточек?» Она уехала из Москвы в Одессу, к брату. После начала войны он умер. Она эвакуировалась в Куйбышев. В Москве у нее внуки. Их родители на фронте, а ей не дают разрешения. Здесь эта учительница без карточек.

Я готова на вечную разлуку, лишь бы знать, что он жив. Слепой, безногий, но живой.

23 ноября.

Вчера была нехорошая ночь — полная безнадежность. Я заснула поздно, после долгих слез, и проснулась от Бориного зова: «Ирина!» Я вспомнила страшное объяснение таких снов, и мне стало нехорошо. Сегодня тоже весь день отчаяния. Но вот вышли два корреспондента. Завтра с утра иду к ним. Наверное, ничего не знают… А вдруг?

24 ноября.

Военных корреспондентов оказалось трое. Они вышли из Киева — евреи, которые обросли бородами и переоделись в крестьянскую одежду. Один шел отдельно. О наших он слышал через три дня после Киева, в болоте. Утешительны две вещи: 1) крестьяне кормят, 2) пока они были несколько дней в Воронеже, выходили все новые партии.

Сегодня как будто началось наше наступление на юге, как будто Шахты-Таганрог. А немцы в Ростове, значит, наши хотят их отрезать. Все оживились, даже американский корреспондент Шапиро[50] решил отложить свою поездку в Тегеран, куда он собирался ехать в отпуск.

Женя[51] с Гроссманом пишут военный роман для «Красной звезды», таким образом, они будут жить в Куйбышеве.

30 ноября.

Сегодня мы отбыли в Ростов. В Большом театре мне сообщили две новости: Ростов и прибыли их костюмы. Ничего с 10 сентября. 26 декабря будет восемь лет нашего брака. Как я живу — не понимаю. Наверное, от душевной мелкости.

Дженни уже поговаривает, что выйдет замуж.

Ростов — это первая победа над немцами. Англичане тоже это говорят, и г-н Шапиро это признал.

3 декабря.

Поступила работать. Дали отдел молодежи. И вот завертелось. Сегодня в 5 часов утра стук — приехала машина за Гроссманом, но самолет не улетел. Может быть, улетит завтра в Воронеж. Туда выходят из Киевского окружения. Я еще верю, но как трудно.

На фронте так: Ростов — наши гонят немцев, в Москве плохо, немцы в 35 км со стороны Волоколамска. Очень страшно за маму. Может быть, уже начался артиллерийский обстрел.

За всех и за все страшно.

6 декабря.

С Москвой как будто немного лучше. Боюсь надеяться. Такое длинное наступление. Под Ростовом наше наступление, но уже замедленное. Может быть, отрежем немцев в Таганроге.

Адский холод и ветер. Скоро три месяца, а я живу, жру, сплю.

12 декабря.

Сообщение о нашем наступлении по всему Московскому фронту. Ростов, Тихвин, Елец и теперь Москва. В мире полный кошмар. Все воюют. Америка с Японией, с Германией и Италией. Англия с Японией. Наверное, мы будем воевать с японцами. Ждем объявления об этом. Пока японцы бьют американцев, но это, наверное, в первые дни. Я верю в силу Америки.

Как бы мне хотелось, чтобы освободили Ленинград. Ина[52] любит Бориса. Габрилович ко всем и ко всему равнодушен.

Глупо работаю на радио. Илья уехал в Бузулук с Сикорским[53]. Скоро уедет в Москву. Хочу тоже туда. Вчера исполнилось три месяца с последнего известия от Бори.

13 декабря.

Вчера была телеграмма от Ины, обрадовалась, но не так, как ожидала. Видимо, я здорово одеревенела.

С Японией война еще не объявлена.

Очень не хочется жить. Но пока есть надежда, стоит это делать. Все мечтают о Москве, но для меня это страшно. Лучше здесь с клопиным гнездом перед глазами. Лучше, чем собаки,

книги — все, что было. Очень больно жить.

17 декабря.

Письмо от мамы. Наконец-то. Я очень волновалась. Но это письмо до нашего наступления. Чука неизвестно где.

Началось новое наступление на всех фронтах. Под Москвой тревожно. Была только короткая передышка. Когда на улице темно и я возвращаюсь с почты, ничего не получив, я плачу. Какие-то невидимые люди, холодно, темно. Плачу и по ночам.

22 декабря.

На Москву наступают, как будто довольно успешно. С Ростовом плохо. Как все рушится. Самый худший фронт выпал Боре.

25 декабря.

Ночь. Началось 26 декабря, 8 лет нашего брака. 8 лет! И за это время я все больше любила Борю. Если ты жив… Как это страшно. Помнишь ЗАГС?.. А потом все эти глупые гости? Если нам суждено еще раз справлять эту дату, мы будем только вдвоем, как тогда в «Астории». Как ужасно, что я не сделала тебя счастливым, а ведь могла. Сколько я тебя мучила. Все показное — отпало, осталось ужасное горе. Лучше поскорей узнать правду. Но как умереть? Наша соседка в Москве повесилась. Сын Олеши[54] выбросился из окна. Ни то, ни другое я не сумею. Надо придумать сейчас. В общем, несчастливую жизнь мы с тобой прожили.

Нам нужно было жить в другой век. Могло бы не быть всего, всего того, что так нам мешало.

Неужели тебя нет? Короткое чудовищное слово. Мы оба боялись смерти. Сережа тоже боялся смерти, но он не знал, что умирает. Может быть, и ты не знал? А я буду знать, но мне не страшно. Мы с тобой недоумевали, как умирают старики? Надоедает ли им жить? Черт их знает. Может быть, для них наступает момент, когда они тоже не видят другого выхода.

И подумать, что у нас было много прощаний и только с последнего ты не вернулся… В июне тебе было бы 37 лет, а мне в марте 31. Их не будет. Зачем ты переписывал стихи?[55] Я становлюсь суеверной. Все спят, только крысы устраивают

семейные сцены.

31 декабря.

11 ч. 50 мин. Дорогой мой, встречаю Новый год с тобой. Не унывай, мы еще увидимся. Столько хочется тебе сказать теплого, хорошего. Я очень рада, что мне удалось остаться с тобой вдвоем. Конечно, эта радость относительная, и если бы ты мог на меня взглянуть, ты бы удивился, что так радуются. Ах, если бы ты мог на меня взглянуть…

1942 год

3 января.

Илья еще не уехал. А я не знаю, чем мне помогла бы Москва. На фронте очень хорошо. Слухи опережают сводки. Сегодня Мало-Ярославец. Теперь все живут будущим, которое недавно всем казалось несуществующим. Заговорили всерьез о Сталинской премии, даже у нас дома. Илья будет кончать роман[56]. Гроссман пишет восторженные письма с фронта, это показательно — он был пессимистом. Но опять говорят о русской душе. Боже, до чего же я ненавижу все эти разговоры о душе!

17 февраля.

6-го приехали с Любой в Москву. Ехали шесть дней, прицеплены к вольным платформам. По дороге невоенный вид. Затемнения поразительно долго не было. На станциях пусто, грязно. Люди земляные, жалкие, усталые.

От Москвы в первый вечер было странное впечатление. Совсем иное, чем сейчас. Мало народа. Москва стала военной. Может быть, от мешков с песком у витрин. На самом деле: голодновато, но не очень. У всех страх голода. Говорят только о еде, столовых, объявленных талонах. Этот страх, думаю, остался от голодных лет.

Рассказывают ужасы о Ленинграде: людоедство и т. д.

18 февраля.

Вчера отобрали аттестат. Это был удар, как бы считать Борю несуществующим. Живу автоматически. Завтра пять месяцев от падения Киева. До чего страшная цифра!

8 марта.

Я все еще живу и даже надеюсь.

12 марта.

Дорогой мой, я больше не могу. Все живут концом войны. Уже весна. На Украине, наверное, подснежники, черт бы их побрал.

Если там стаял снег… А ведь может настать день, когда освободят Украину.

14 марта.

Сегодня как будто нашли Чуку. Очень мне хочется ее увидеть. Потом у меня суеверное отношение к ее пропаже. А вдруг все будет чудесно? Сумасшедшая оптимистка.

20 марта.

Сегодня Валю Мильман[57] известили о смерти Миши[58]. Ему было 19 лет. О чем он мечтал? Ину в Москве обворовали. Малика[59] съели в Ленинграде. Шесть месяцев!

Алигер[60] легче, она умеет писать стихи. Вокруг масса ужасов, а я безучастна. До чего я себе противна. Может быть, будет легче в Лаврушинском[61], там все связано с тобой. На всех фронтах ожесточенные бои. Я думаю о тебе. А может быть, тебя это уже не касается. Продолжаю есть, спать…

21 марта.

От Ромы[62] письмо, трогательное и глупое.

Габрилович рассказывает о старом еврее-враче в оккупированной деревне. Немцы заняли его дом, запретили жителям деревни с ним разговаривать. Он вырыл себе на околице землянку. Его выгнали оттуда. Он стал сидеть перед избами и в

конце концов повесился.

Сегодня у меня полное отчаяние. В Донбассе как будто что-то берем. Холодно, тревожно, тоскливо. Вонючие трамваи. Грязные люди. Подыхающие собаки.

От англичан требуют десант, но те ни гу-гу.

24 марта.

Завтра день моего рождения. Как же ты меня баловал. Илья и мама сегодня тоже будут стараться, но мне ничего не нужно. А вдруг… Сегодня появился Б. Волин[63]. Он был в окружении в Дорогобуже, попал в плен, бежал к партизанам, затем снова в Дорогобуже, который был освобожден, но вокруг все немцы. Волин прилетел.

Говорят, Ленинград освободят в течение трех ближайших недель.

В очереди рассказывают: все бабки были под немцами. Одним показалось очень хорошо, другим очень плохо. В трамваях люди с картошкой, ездят за нею вплоть до Тулы, меняют. Где были немцы — на мануфактуру. В общем, москвичи, как и раньше, бытовики и отнюдь не герои. Боятся весны, контрнаступления. Мне кажется, что его не будет. Вернее, не будет больше катастрофы.

Бомбить будут сильно.

Т.[64] делает аборт. От Ромки трогательное письмо.

28-го переезжаю в Лаврушинский. Зачем? А вообще, зачем я еще живу? Мама что-то печет — традиция. Чувствую, что всем в тягость, но ничего с собой не могу поделать. Папа ушел за картошкой в Загорск. Вспоминаю: в день моего рождения Боря в пижаме, заспанный, смущенно прятал почему-то подарок за спину. Зачем мне завтра вставать? Поэтому так не хочется ложиться.

25 марта.

Была мама с Наташей. Разговоры о продуктах и жаре.

Илья выпил за мое здоровье, я тронута.

29 марта.

Хожу в убежище. Там страшно: люди поселились. Один сумасшедший, другим негде жить, т. к. кругом дома разрушены.

Три дня, как переехала в Лаврушинский[65]. Три дня тревоги.

Вчера речь Майского[66] с требованием 2-го фронта. Гораздо

резче, чем Литвинов[67]. Англичане и не думают. На фронте все так же. Ждем немецкого наступления.

В комнате все забито фанерой, кроме форточки.

Мама дала с собой картофельные котлеты.

Каплер[68], торт, гостиница. Концерт Шостаковича, на который боюсь идти, музыка на меня сильно действует, особенно сейчас.

В Донбассе освобождены какие-то пункты.

Радио гудит — ждут тревоги. Ясное небо, луна. Вообще бомбят меньше, чем раньше.

30 марта.

Конечно, была тревога. Для меня бомбежки — отвлечение.

В убежище лежал труп. Старик умер в 6 утра. Увезти его не смогли: все кареты были заняты перевозкой трупов с Мясницкой. Там попали вчера 3 бомбы. Старика я видела — седой, желтое лицо, изможденный, красивый, «вечный жид». За него вышла замуж молодая женщина, чтобы получить прописку и его комнату. Ей пришлось ждать два года.

Ночью, когда вывожу Уголька[69], звенят разбитые стекла в школе.

Все говорят о концерте Шостаковича. Потрясающее явление.

Люба получила от матери телеграмму из Ленинграда. Не возмущена, что брат улетел с женой, оставил мать. Каждый сам себе пуп земли. Аннет[70] обменяла сумку на масло и счастлива. Холодная весна. Я натерла зачем-то пол, а сплю одетая. Наверху все ходят. Необитаемый остров — Лаврушинский.

5 апреля.

Пасха. В 6 утра, до сводки: «Комендант города Москвы, удовлетворяя просьбу верующих, разрешает передвижение всю пасхальную ночь». Как за молоком, очередь в Брюсовском переулке в церковь — святить. Молодые и люди средних лет с авоськами, узелками, просто с пакетами под мышкой: несут святить куличи.

Сегодня Турция судит двух советских за мнимое покушение на фон-Папена[71]. Явно Турция, а Болгария в ближайшем будущем[72]. Японцы лезут в Индию[73], которая не приняла глупые английские предложения. Была у Тани Васильевой[74], получила из Куйбышева кофе. Таня сильно недоедает. Верит в

хорошую весну, мечтает провести отпуск в Поленове[75]. Поволоцкая получила письмо от Гофеншефера[76]: описание нашего отступления в Крыму.

Ночь, как чернила. Болит печенка. Давно не было тревоги. Завтра обед у мамы по случаю Пасхи. Много работала. Прочитала уйму дневников немцев, их письма. Ужасно, как один описывает истребление наших в Киевском окружении: как клопов.

Друг, товарищ, самое родное на свете существо — Боря!

6 апреля.

Все тяжелее и тяжелее. От Ины письмо. Поволоцкой от Бени письмо, где он пишет, как он командовал расстрелом наших дезертиров. Бедный еврей! Тоня рассказывала еще про одного еврея, который сам расстреливал своих танкистов. Было очень страшно, но приказ. Это в октябре.

На пасхальный обед к маме пришел А. А.[77] — похож на попа, голодный. Папа занят японцами. Смещен Каганович[78]. Я рада. В Индии дела плохи[79]. Москва взволнована, объявили 200 грамм мяса и масла. В гостинице у Ильи проходной двор, а он ухитряется работать[80]. Ночью беспрерывно стреляли зенитки. Бомба попала в Стремянный переулок. Много убитых. По городу зловещие рассказы о Ленинграде, о наступлении немцев. Все боятся весны.

Подписала договор — буду собирать материалы о Зое Космодемьянской. Позвала Раю, не знаю, зачем.

Холодная весна, днем течет, ночью морозит. О Донбассе больше ничего не слышно.

8 апреля.

Сегодня два дня не горел свет, испугались, что выключили на три недели. Это бывает. И отопление у нас не работает. Работаю в перчатках. Эти два дня не стреляли зенитки.

Нужно написать Ине, девочкам[81], Захаровой матери, и нет ни сил, ни воли. Полная инертность.

Если я что-то делаю, то это благодаря Илье.

Разговоры о планах на лето меня раздражали, как вообще все разговоры о будущем. У меня его нет.

Странно — так хочется перестать жить, а когда бомбят — страшно.

9 апреля.

Много времени уходит на Зою.

Приходил Хенкин[82] — рассказывал о Люси[83], о ее нежелании жить у нас. Предпочла быть нашей разведчицей в другой стране. Наверное, она погибла. Говорили о Франции.

Приехал Гроссман. Убиты Крымов[84] и Гайдар.

12 апреля.

С 18 сентября семь месяцев. Как я живу? Хоть бы со мной что-нибудь случилось…

Сегодня Сталинская премия[85]. Илья получил, и Валя ему достала торт. Многих волнует эта премия. Я их не понимаю.

Маму вызвали на трудфронт, но, скорее всего, не мобилизуют.

Откуда взять хоть капельку надежды? Гайдар убит, почему же Боре остаться живым? Но так хочу верить.

Волнения с Болгарией.

Несколько дней не бомбят. Объявили сахар — 200 грамм и муку — 300 грамм.

Все время гудит паровоз — напоминает о счастливых временах.

15 апреля.

Кто-то говорит, что Борис и Захар уехали в машине, в которую попала бомба. Полянов будто видел их по дороге на Сталино. Но я не верю, хотя очень хочу. Нет.

Была у матери Зои Космодемьянской. Деревянный дом без воды, без отопления, жили втроем в комнате в шестнадцать квадратных метров. Шура, брат Зои, спал на полу. Досчатый пол. Мебель: два столика, на одном стоит посуда, за вторым — едят, делают уроки. Две железные кровати, этажерка с книгами, шкаф — вот и вся мебель. Большая коммунальная квартира. Зоя жила очень бедно, в театр не ходила, на концерты тоже — не было денег. Зарабатывает только мать, Любовь Тимофеевна. Она педагог, зарплата небольшая, муж умер, тоже был учителем. С соседями ссорятся. А Зоя болела менингитом, поэтому осталась на второй год. Мать Зои дала мне все: детский дневник Зои, ее сочинения, рассказала охотно о дочери, но без тепла. Очень

оживилась, когда описала сцену установления имени повешенной партизанки. Приехало несколько матерей, но Любовь Тимофеевна одержала верх. Зое присвоено звание Героя Советского Союза, значит, Космодемьянским дадут квартиру. Брата Зои я не застала. Он приедет ко мне. Не знаю, кто будет ставить картину, но пока материал не для нашего времени. Будет очередная липа.

В Крыму и на Свири[86] будто наше наступление.

17 апреля.

Был у меня Шура Космодемьянский. Хороший мальчик. Хочет стать художником, а мать требует, чтобы он пошел добровольцем на фронт. Рассказывал о Зое, ее не любили, а она и не нуждалась в близких ей людях. Мечтала совершить героический поступок, всю свою недолгую жизнь боролась против несправедливости. Говорила всем в лицо правду, не шла на компромиссы. Шура ездил с матерью опознавать Зою, очень боялся. Труп, едва присыпанный землей, оказался непохож на труп, скорее на мраморную статую. Очень красивое и спокойное лицо. Шура не заплакал, настолько эта статуя не напоминала ему сестру.

Встретилась с начальником отряда Зои, Крайневым. Из его слов я поняла, что отряд не мог выполнить задания. Всех Крайнев отправил обратно в Москву, а сам пошел в Петрищево из-за упорства Зои. Он взял еще одного бойца. В Петрищеве сам командир поджег один дом, который не успел сгореть, пожар потушили, а Зою кто-то выдал, и она ничего не подожгла. Но смерть приняла героически: до виселицы вели раздетую и босую!

Приезжал Сельвинский[87]. Рассказывает, как плохо ведут себя грузины и татары. В общем, там тоже плохо. Бальтерманц уезжает на Брянское направление. Доволен. Судя по сводке, сегодня стало хуже и на Харьковском.

Мать Захара уверена, что они убиты. А я не верю. Больно до крика смотреть на Борину фотографию.

Звонила Аннет. Она очень милая. Надо ехать к Илье. Стали посылать извещения о смерти. Ольга[88] повезла бригаду на фронт.

Слышен гул самолета. Уголек спрятался под кровать, он еще трусливее меня.

Лаваль[89], заместитель Петена, у нас. В газетах ничего нет.

18 апреля.

На фронте без перемен. Я всегда любила детей, мы все откладывали: частые отъезды и множество причин, а теперь я осталась одна. Белка[90] или умерла, или чудовищно мучается. До чего ужасающий век! Поволоцкая принесла мне в конвертах подарочки: бумагу, шоколадку, табак. Очень трогательно. Но меня ничем не проймешь.

19 апреля.

Миновало 7 месяцев. Хорошие стихи Симонова в «Новом мире». У Бальтерманцев выяснение отношений. Делать им нечего!

Американцы бомбили японцев, но не та радость, как если бы бомбили немцев.

Читала воспоминая испанки, страшно, особенно теперь, когда война пришла и к нам.

К одному инженеру на фронте привели молодого пленного. Тот напомнил командиру сына, и он, не отобрав у немца оружия, повернулся, чтобы дать приказ сделать это другому, немец выстрелил в инженера. Того спасли. Позже он узнал, что его сын погиб.

Пишу для французского радио о приемных детях. Очень хочется написать о Зое, но не пропустят, даже если изменить имя.

Давно не бомбят.

Была на совещании усыновителей. Маршак прочитал стихотворение. Вот две строчки из него: «Осиротевшему ребенку вернем семью, уют и дом». Не на очень высоком уровне: да и выступали тоже глупо, но почти всех детей из «муравейника» разобрали, а дети были больные, с травмами, вшивые, покрытые болячками. Особенно меня потрясла Мартьянова: молоденькая, хорошенькая, а взяла грудного ребенка-заморыша. «Кто же вас возьмет в жены?» Она мне ответила: «А я выйду только за хорошего, который полюбит и моего ребенка». Детей берут в основном неинтеллигентные люди. Объяснение: интеллигенты думают, чем кормить, во что одевать…

25 апреля.

День рождения Сережи. Была у мамы, ели серый крендель.

Весь день дождь, как осенью. Мне нравится. С начала войны болезненное отношение к природе, к духам, цветам, запахам, особенно не переношу запах мяса. Псих.

27 апреля.

В магазинах дают водку и многое по карточкам, очереди невероятные. 1-го мая рабочий день. Англичане налетели на Росток. Сдала материал о Зое. Не пишется выступление по радио.

От Ины нежное и грустное письмо. Тоня заплатила за пошивку костюма кофе. Я ей выразила свое возмущение. Написала письмо матери Захара — героизм.

30 апреля.

Вчера приехал Альтман[91], живет в кабинете, ходит через комнату, где я живу. Привез жратву. По его словам — уверен, что сын погиб, а сам не верит. Открыто говорит о ежовщине[92]. Описывает бытовую жизнь газеты. Война всем тяжела, гораздо тяжелее, чем война 14-го года. По его словам, Крымов в партизанском отряде. Обрадовалась, но не верю. Альтман хороший человек и ортодоксальный коммунист. На 100 процентов.

5 мая.

Уехал Альтман. Три дня был проходной двор. Ночами мы с Альтманом разговаривали. Одну ночь мы говорили о Библии. Он рассказал, что до войны мечтал написать о пророках и мифологию для юношества. С диалектически-марксистской точки зрения, естественно.

7 мая.

Сейчас звонил Илья, сказал, что очень понравились мои выступления по радио. Боря бы обрадовался. А мне-то что? Стало невыносимо одной, позвала кирсановских девочек[93].

Пришло письмо от Вали[94] из Коктебеля, от 16 октября. Как странно получить письмо от человека, который сейчас находится у немцев!

Илья сейчас читает по радио, мне пришло в голову, что, может быть, Боря это слышит. Идиотка.

Альтман рассказывал, как 16 октября 1941 года он был назначен в армию, которой не существовало. Они приехали и искали. И не они одни искали. Потом эта армия сформировалась.

Вот такие у нас дела!

Мама сняла дачу, я рада за них. Аренда на три года — это теперь-то!

Завтра хоронят Зою. Ем колу от неврастении!!!

Вечером было сообщение, что англичане здорово бомбили Голландию. На днях американцы бомбили Токио.

Тоня занята тряпками. Илья увлечен работой. Был трогательно внимателен ко мне[95]. Выступала по французскому радио. Черт знает, как перекорежили мой текст. И очень много так портят. Бороться бессмысленно. Кругом тихо. 2 часа 30 минут ночи. Сегодня съела целую банку сгущенного молока.

Ужасно обидно, что Настя сожгла рукопись Бориной книги — это непоправимо[96].

8 мая.

Хоронили Зою на Новодевичьем. Убого и героично, как все у нас. Чудесные, совсем юные девушки в военном. Венок от парашютистов-десантников. Мать произнесла стандартную речь. Все это происходило под дождем.

Звонил брат Захара. Я заплакала от схожести голосов.

В городе идиотский оптимизм, основанный на приказе Сталина победить в 1942 году. Все решили, что победим, нужно лишь дожить до конца года. Сняты мешки с витрин.

Впечатление, что вот-вот объявят о прекращении затемнения.

Тоска о Боре беспредельная. Спокойной ночи!

13 мая.

В субботу началось наступление немцев в Крыму. Удачно — 40 километров в день. Керчь. Сейчас как будто остановили. Там применяется новый вид оружия: разрывается на людях кожа. Вчера речь Черчилля: обещает на немцев пустить газы, если те на нас. Второй фронт не хочет давать.

У Мунблита[97] в больнице — всех интересует только их болезнь.

14 мая.

Продолжается немецкое наступление на Керченский полуостров. Началось наше на Харьков. Дай бог.

Были Лирсановские девочки. «Кто красивей, кто лучше?» Читала по радио о Зое. Умеренно врала. Была у мамы.

16 мая.

Сегодня сведения лучше. Наши приближаются к Харькову. Я уже окрылилась. А может быть, Боря совсем не там. Но чтобы как-то жить, нужны проблески. Спокойной ночи, мой родной.

19 мая (видимо, 18).

Сидела четыре часа Алигер[98]. Она рассказывала о Ленинграде. На стенах приказы и объявления: легкий гроб, там же тележка. Обмен вещей на продукты. Разговор о героизме. Женщины в детдоме носят детей на руках, т. к. детям предписывали движение, а они от истощения не могли двигаться. Сами женщины тоже еле ходили. Мать убила более слабого ребенка, чтобы прокормить второго. Девочка не понимает, почему арестовали мать. Читала свои стихи. Ленинградские. Два хороших. Радуется, что у нее есть дочка. О своем горе говорит уже спокойно, рассудительно. Отболело.

Был Каплер. Много жаловался на руководство кино.

В сводке все еще не объявлено взятие Керчи. Может, еще и нет. На Харьков двигаемся, но ничего крупного не взято.

Была в Облздраве. При мне пара просила мальчика. У них козочка и садик. 14 лет женаты, а детей нет. Женщина, которая занимается распределением детей, предана своему делу, говорит о детях с любовью. Или старая дева, или бездетная. В кабинете ночевали двое из фронтовой редакции. Квартира — проходной двор. Поля[99] получила от дочки письмо — в Переяславле учится на зенитчицу. Нас не только не бомбят, но нет даже выстрелов. Непонятно. Москва потрясающе беспечна, как говорит Алигер. Это опасно. В Ленинграде героизм — желание выжить.

19 мая.

Поволоцкая в сумасшедшем состоянии, боится, что Беню не успели эвакуировать из Крыма. Я ее понимаю как никто.

До чего странно ко мне относится мама. Совершенно не доверяет, вообще все перешло на чисто бытовые отношения. Тоня Бальтерманц рассказывала, как она была «чуждым элементом», не могла учиться и с отчаяния вышла замуж. Первого мужа терпеть не могла, он ее бил.

20 мая.

Получила открытку из Ульяновска от Белоконя, он приходил ко мне с Шурой Космодемьянским и еще несколькими ребятами. Значит, матери Зои мало дочери-героини, ей нужно, чтобы сын сгорел в танке! Чудовищно, но Шура едет на фронт танкистом. А ведь и Зоя и Шура любили музыку, книги, любили жизнь. Может быть, Шура не погибнет?

Плохая сводка: немцы начали контрнаступление — Изюм, Барвенково. Вот и кончилась радость нашего наступления на Харьков. Целый день хожу в угнетенном состоянии. Написала плохо для радио о товариществе на фронте. У мамы — сплошной огород. И разговор о картошке.

Встретила Алю[100]: о Семе.

У Ильи: слухи о нашем наступлении на Можайск. Плохо с Дальним Востоком. Ничего радостного впереди. Люба в хорошем настроении. Купила мне красный плащ.

Миля[101] рада, что работает. Сава гордо «не успевает» для радио.

Дома: тоска, плакала, спала. Звонил Эльсберг[102]: матери Захара урезал Храпченко[103] с тысячи до шестисот. Жалеет.

Написала о конюхе. Намазала пол. Завтра все то же. И еще, может быть, о Керчи. Она давно взята, а у нас пишут, что бои в городе.

Спокойной ночи, мой родной. Что же это такое?

23 мая.

Вчера ездила в детдом в Пушкино. Плохо. Дети страшные, недокормленные. Тянутся к черному хлебу. Очень расстроилась, что нельзя им помочь, и их видом.

Сегодня сводка как будто лучше. Жара. Надоело жить. Мама поехала на три дня в «Заветы».

1 июня.

Да, уже июнь. До чего же страшно. Девятый месяц. А я все жду.

Новости печальные: харьковское наступление попало в окружение. Мы сообщаем о 70 тысячах пропавших без вести, а сколько их в действительности? Еще один Киев. Итак: весна! Керчь и Харьков. Что впереди? А девушки покупают цветы,

надели легкие платья. Все продолжают говорить о еде, хотя последние два месяца более сытно.

В харьковском окружении опять пропало немало журналистов. У меня отчаяние.

Приехал Кирсанов. Говорит: «Только мои железные нервы могут выдержать этот ад». Щеголяет перед женой-девочкой своей воинской доблестью.

Настроение унылое. Жара. Масса вшивых в трамваях. Тысяча самолетов налетела на Кёльн. Из Куйбышева письмо: хотят в Москву. От матери Захара письмо. Илья уехал в Сухиничи. Нина принесла пол-литра водки — дам маме на обмен. Не знаю, как обеспечить наших. Они плохо питаются. А, честно говоря, мне наплевать. Я очень устала, и душа стала, как ржавая терка.

3 июня.

Илья уезжал на фронт в Сухиничи. Запоздал на два дня, и я ужасно волновалась.

Была в семье усыновителей — до тошноты положительно. Зачем-то купила веточку сирени — 7 рублей!

Звонили из ЦК комсомола, чтобы писать о Герое Советского Союза Мери. Завтра иду брать интервью. Дико жарко. Очень устаю. Через три дня Борин день рождения. Я бы тебе испекла что-нибудь очень вкусное, баловала бы всячески. Как ты всегда говорил: «Мне сегодня все можно, я рожденник». До чего же больно. А какие-то сволочи живут. Второго человека, как Боря, нет.

Ольга прилетает в Москву на свидание с Темой. Представляю себе их встречу!

Англичане второй раз налетели на Рур. Пять тысяч самолетов. Новый метод войны. Дай бог. Боря, я начинаю забывать тебя зрительно, это ужасно.

5 июня.

Вчера бомбили Бремен.

Видела постепенный расцвет семьи Бальтерманца. Они уже мечтали об автомобиле. Сегодня у них катастрофа. Он снял поверженные английские танки вместо немецких. Его выгнали из редакции. Она ревет.

Интервью с Героем Мери. Красивый мальчик 22 лет.

Впечатление маменькиного сынка, хотя он истинный герой.

Вернулся Илья. Обгорелый. Нерадостный. Рассказывает о плохой жратве на фронте. О партизанах. О собаке Джеке[104], который не отходил от него.

7 июня.

Недоумение: почему немцы не наступают.

Перерегистрация собак. Забрили Уголька. У меня появилась обеденная карточка. Ревекка наконец прописана. Спит на столе. Денег у меня нет.

10 июня.

Ничего не успеваю. Все работа и работа. Надо положить вещи в нафталин. Но это невозможно, все невозможно, и жить невозможно. Как бы чудесно было, если бы мы были вдвоем, даже в окружении. Я уверена, что со мной тебе было бы легче. Да?

Сегодня читала по радио о весенней Москве. Как полагается, привирала, но сейчас это оправдано. Два часа ночи, надо писать о Мери. Но без работы я бы сошла с ума. Мама не звонит, наверное, огород, а я волнуюсь. Целую тебя, мой родной.

Боренька, знаю, что ты должен быть, или мы оба не будем. Завтра в 9 собачья площадка[105].

Ты любишь финики, сейчас они есть. Тебя ждет целая плитка шоколада. Ты будешь мною гордиться — я работаю. Но что толку…

Будем ходить по Армении и поедем на Севан. Будем, обнявшись, сидеть и смотреть в глубокую воду Севана. Я больше не обгорю[106]. Хочу жить пять лет назад.

11 июня.

Сводка: новое наступление немцев на Харьковском направлении. Откуда силы? Не боятся, что у них в тылу огромная наша отрезанная армия.

Читала на радио. Потом, когда ехала в трамвае, увидела, что люди стоят у громкоговорителей, спросила, один старик сказал, «опять договор о дружбе с англичанами заключили». Сказал с понятным раздражением. Другой считал, что с Турцией. Словом, сегодня сообщение о договоре с Америкой. Обещают второй

фронт. Посмотрим.

Надо писать о Париже. 14-го годовщина его падения.

Ина перестала писать.

22 июня.

Сегодня год войны. Скоро год, как Боря уехал на фронт. Разбитый Киевский вокзал, и мое полное отчаяние. Второй отъезд я была спокойнее. Вот вам и предчувствие! Вчера выгуливала Уголька, увидела машину, в которой ехали Боря и Илья. Решила — галлюцинация. Оказалось — приехал Илья.

Сегодня взяла еще одну работу — собаки на фронте.

Мама помешалась на огороде. С Ильей трудно — он погружен в себя. Никому нет дела до меня. Меня спасают Рая и Нина. Прилетела Надя Капустина[107] хоронить мать.

Габович бросил Таню. У Лели[108] умер отец. «Погоревал часа два, и все. Такое теперь время».

Броня стоит 6 литров водки[109].

29 июня.

Назначена на ночное дежурство.

Говорят, что сданы Ростов, Новочеркасск.

Софа Славина рассказывает, что у Лёвы[110] еженощные кошмары, связанные с Борей. Видела генерала Пти[111]. В форме, со всеми орденами на планке. Верит во второй фронт. Был Шкловский[112], его война не изменила. Говорил о своем сыне Никите, который ушел в ополчение. Рая с Семой ходят в «Арагви». У Семы отпуск до 18-го августа.

Говорят, что мы сильно бомбили Пруссию. Скоро год, как сдан Киев.

Ночь. Гудят самолеты. Надо писать для радио. Хочу умереть.

1 июля.

Масса папирос — одной заботой меньше. Буду читать Гриммов, может быть, очнусь.

Илья счастливо устроен — активен плюс эгоцентризм.

Прощу ли я историю с Борисом?[113]

15 июля.

Утром плакала. Сходила за хлебом. И отнесла в гостиницу. Снова плакала.

Ездила в военкомат по поводу пособия, еще нужна справка. Ходила за обедом и на рынок для Эренбургов. Обедала в гостинице. Рассказ об обращении Ильи к евреям — как всё сокращали.

Сегодня поздравительная телеграмма Сталина Жиро[114] и де Голлю[115] по случаю 14 июля[116].

Идет дождь. Хочется писать хорошее, большое.

Мои дела на завтра: дозвониться по делу комнаты Хацревиной, в наркомат авиапромышленности, зарегистрировать стандартную справку, взять справку для военкомата, обед в Литфонде, в 2 часа у мамы, отдать деньги Софе. Кончить записки медсестры.

Тема принес кофе. Ночь. Одна и одна.

20 июля.

У меня все очень плохо. На фронте хорошо. Илья там.

23 июля.

Вчера приехала Ара[117]. Грустная и замученная. Живет в кабинете.

Бои в районе Ростова, Цымлянской.

Утром ездила в «Красный богатырь». Взяла материал об усыновлении. Бальтерманц пробует найти управление партизанами, чтобы узнать о Боре.

26 июля.

Сводка: ожесточенные бои. Ростов, Цымлянская, Новочеркасск, Воронеж. Значит — сданы. Приехал Бальтерманц. Его куда-то перебрасывают. «Танковый бой — рыцарский поединок» (как будто он видел такой поединок!). «Поле после Р. С.[118]» — сожженные заживо экипажи. Пехота отступила, но нечаянно оказалась полезной, т. к. бежала туда, где находились немцы. А те решили: «Ну и маневренность!» — и бежали. Операция удалась. Правда, танковый корпус полностью погиб. Танкисты не думают о смерти. Большая часть сгорает.

Плохо на юге. Укрепились на южном берегу Дона.

Введены новые ордена: «Суворова», «Кутузова», «Ал. Невского». Как будто орденами можно победить? Англия молчит, даже бомбят мало.

Были Рая и Нина. Даже они стареют на моих глазах, «не жильцы на этом свете». Устала я. Мне 31 год — богатое прошлое и никакого будущего. В этой чудовищной жизни была хоть большая любовь.

Все высекают огонь по-первобытному.

31 июля.

Хлопоты о карточке Илье.

Бальтерманц уезжает в Воронеж.

На Арбатском рынке: изобилие овощей и цветов. 14 р. стакан ягод, 65 р. картошка, 10 р. гриб, 20 р. молоко и т. д. Много людей покупают, но по маленькому количеству.

У Ильи Савы. Вечером была Овалова. Прожила трудную зиму: арест мужа, в нетопленом доме одна с сыном, пишет почему-то о патриархах, выглядит великолепно, упоена собой. Дура.

Всех иждивенцев берут на лесозаготовки. Люба пошла объясняться насчет трудфронта: извинились, что побеспокоили.

1 августа.

Двигаются на Кавказе.

Была в ЦПКО[119]. Цветы, желтые дорожки, все убрано, но пусто. Иногда попадаются бойцы и дети. Перекупила мороженое за 5 рублей. Обедала с Савами. Уголек болеет. Нину не берут на лесозаготовки, но взяли мою машинистку. Меня не хотят отпускать с работы, а это был бы выход. Спокойной ночи, мой родной.

Нина Габрилович стрелялась: мимо. Как люди думают о романах! А сколько разводятся: Габович, Катаев, Хейфиц.

2 августа.

Сводка: Сальск и Кунцевская. Продолжаем отступать. О втором фронте ничего.

Илья звонил Боеву насчет Бори — безразличие. Натирала пол в передней… Ездила к приемной матери.

У Ильи — Уманский[120], — мрачный.

Стирала. Голова совсем перестала работать.

Завтра еду в Пушкино. Потом к маме, это очень тяжело.

Люба готовится к приему французских генералов: попросила у Али сумочку! Ежемесячное прикрепление хлеба и продкарточек.

Все пишут на тему Сталинского приказа[121]. Одобряют его. А в домах возмущаются жестокостью. Сегодня папа сообщил Илье, что через группком я добилась лесозаготовок, но Илья не хочет и сказал, что все это поломает. А жаль — это бы разрешило часть моих проблем.

Была в Тушино и Заветах. У наших там дача. Неестественная тишина. Собирала землянику для Ильи.

Была тревога. Сидела в подъезде. Потом со свечой лежала дома. Уголек в ногах.

Объяснение в СП[122] — почему Бори нет в списке: это список семей, о которых будет заботиться СП, а о нас — «Красная звезда». Я-то дура, надеялась, что это значит другое.

Сводка прежняя.

Видела женщину с медальоном, на котором еврейская звезда и еврейская надпись. Молодая.

Была на «Красном богатыре».

6 августа.

Сводка: Котельниково. Это обход Сталинграда с юга. Двигаются. Где второй фронт?

Кончилась моя работа на радио. Марти[123] хочет одних французов. Я огорчена. Мне необходима работа и много.

Еду в Пушкино к детям.

В электричке испанские летчики. Лица усталые, но веселые, орут, взрослые дети. Рассматривают фотографии наших самолетов.

Леву[124] отправляют во фронтовую газету. Софа звонила умирающим голосом.

Слухи, что мы наступаем на Северном фронте, будто взяли Ржев, но только слухи. На юге плохо.

8 августа.

Сводка: район Армавира. По слухам, наши наступают на Западном фронте и на юге от Воронежа. Последнее может спасти Юг, по мнению Ильи. Положение серьезное. Была у Софы. Лева как будто остается в «Известиях», демобилизуется.

Таня опять сошлась с мужем — фокусы-мокусы.

Вчера была у Тани Литвиновой[125], роскошная запущенная квартира. Масса очарования и в квартире, и в Тане. Привезла мне кофе.

С Марти у меня драма. А надо работать. Сегодня лезла на стенку от внутреннего возмущения.

Завтра иду к зенитчицам для испанского радио.

Стригла Уголька.

Ромка неисправимый оптимист — пишет, что ты жив. А я другого не могу себе представить.

Хотела бы взять ребенка, но куда и кто с ним будет?

В группкоме выдали бумагу, ленту для пишмашинки. И все всё хватают впрок.

Боюсь, что не будет табака.

10 августа.

Сводка: Армавир, на самом деле — Майкоп и Краснодар.

Черчилль в Москве. Слава богу!

Марти таки выпер меня с радио.

У Ильи — Шапиро и Шампенуа[126] в смятении.

Англичане посадили Ганди[127].

По радио было объявлено, что прибывает поезд из Белоруссии, который везет детей-сирот из освобожденных районов. Говорят, что этот поезд встречали сотни женщин, большая часть работавших на заводе «Красный богатырь». Детей отвезли в приемник, они почти все были усыновлены. По поручению сценарной студии я собрала материал об этих детях. Семилетняя Валя Воротникова рассказала мне: «Мы из Дедовска. Немцы загнали нас в яму, которую до этого мы сами рыли. Нас было: папа, мама, Толя — ему четыре года, Лида — два годика, а еще грудной Валерик. Мама еду взяла, а пеленки забыла. Валерик начал подпревать. Мать послала папу за пеленками. Они у нас на дворе сушились. Только он вышел, пулемет застрелял. Мама бросила мне Валерика и тоже побежала. Потом нашли ее мертвой. А папа лежал убитый на улице. Сидели мы в яме вчетвером. Потом согнали всех в сарай, а оттуда велели идти по большаку. И разделили — одних в сторону леса, других — направо. Мы отстали. На нас никто внимания не обратил. Я ведь Валерика тащить не могла, так я его по снегу на пеленке волочила. Вот мы и пошли все обратно в сарай. Зарыла я Лиду и Валерика в солому, они совсем замерзли, и говорю Толе: ты с ними оставайся, а я пойду к дяде, но он побоялся, и мы пошли

вместе. Стучимся, стучимся, нам никто не открывает. Наконец дядя Ваня выглянул. Мы говорим, что нам очень страшно, папа и мама неизвестно где.

Мы их тогда еще не видели. А он ушел в дом и кричит: „Бегите обратно в сарай, а я сейчас приду“. Мы побежали и видим — опять немцы. Идут и кричат „ура!“.

Это были наши. Повезли нас в Москву. Валерик в дороге помер. Толя попал к Зинаиде Садреддиновой. Она татарка. Ей 34 года. У нее две дочери 18 и 12 лет. Старшая от первого брака. Зинаиду выдали замуж насильно, так как она осталась сиротой. Отец девять раз женился. Жили бедно, было много сестер и братьев, она даже не помнит сколько. Зинаида как старшая всех их нянчила. Одна из мачех нашла ей мужа, который бил ее. Он старый был и вскоре умер. Зинаида вышла замуж по любви. Сейчас ее муж на фронте, но уже пять месяцев от него нет вестей. Он даже не знает, что у него приемный сын. Зинаида шестнадцать лет работает на „Красном богатыре“. Стахановка. Муж тоже там работал. Старшая дочь учится на монтера и работает. О ней по радио говорили. Скоро будет получать много денег и просит, чтобы мама тогда перестала работать и занялась хозяйством. Она думает, что на ее деньги можно будет всех прокормить. Младшая дочь учится на курсах кройки и шитья, если осенью откроют школы, вернется в свой класс. Зинаида неграмотная и очень хочет, чтобы дети получили образование. Рассказ Зинаиды: „Сидели мы с Розой и обедали. Обе были выходные. Слышим — по радио говорят, что привезли еще новых детей-сирот из освобожденных мест. Так мне их жалко стало! Я поплакала. Мне давно сына хотелось, да врачи сказали, что рожать не могу. Ведь и дочек я родила через живот. И муж хотел мальчика. Когда выбирали, все смотрели, чтобы светлый был, ведь Толя почти беленький. Он не будет сиротой. Он любит меня и сестер, а папу хоть и не знает, но смотрит на портрет и говорит: „Вот приедет папочка, я его поцелую“. Толя у меня нарядный, соседка за хлеб обшила. Если муж не вернется, то мы сами прокормим Толю, уголочек сделала Толе. Спит он у нас на отдельной кроватке. Ну, его сестренка Лидочка лучше живет. Толя ходит в детский сад, я плачу за него сорок пять рублей, и только в воскресенье мы его кормим сами. Лидочку взяла семья, где муж хорошо зарабатывает и жена дома. У них так чисто. И девочка очень хорошо одета. Но я Толю люблю, и ему у нас не будет плохо“».

12 августа.

Сводка: Армавир, Краснодар, Майкоп, Новочеркасск. На самом деле и Минводы. Продолжают наступать. Плохо с Индией[128].

В Институте психологии: тишь да благодать, бюрократизм. Война отсутствует. Левитов[129] занят пользой свежего воздуха. Читает лекции о характере: «Когда влюбляются, меняется характер». А когда ведешь танк на таран?

Приехал Каплер. Сдала детей. Выступала по радио — последний раз. Окончательно отказалась — все Марти[130].

У Лепешинской лежит плитка шоколада на тахте!!

Илье в клубе дали полкило масла.

Над Москвой летал французский самолет.

Прилетел де Голль[131].

13 августа.

Приехал Бальтерманц, привез мед.

Слухи, что у Котельникова лучше. Черчилль прилетел на самолете, который я вчера видела.

Допрос лифтерши насчет Насти — хотят все приписать маме. Идиоты.

Купила Софе зажигалку.

18 августа.

О Черчилле рассказывали фотокорреспонденты. Встречал Молотов. Банкет в Кремле. Все были веселые. Сталин не провожал. Сегодня коммюнике: впечатление холода.

Сводка вечером: Майкоп, сегодня — подход к Прохладной.

Я попросила выпустить Настю — все равно не вернуть рукопись книги Бориса, которую она сожгла. Хитрая дура: ждала немцев, а повесила на видном месте фотографию Пассионарии[132] с надписью Илье!

Получила карточки.

Взялась собирать материал о Шостаковиче.

Наташа стала донором.

Я чувствую Борю ежесекундно, но перестала его видеть — ужас!

20 августа.

На фронте как будто немножко лучше. Второго фронта не будет. Вчера англичане сделали маленький десант в Дьеппе. Все мура.

Спала одетая, со светом.

Люба вставила зубы: «Зачем я столько лет мучалась?» Занимается английским языком.

Хейфиц бросил Жеймо[133]. Массовые разводы.

Ищу комнату.

Папа говорит Наташе: «Если будешь так есть, не хватит огорода». Совершенно серьезно!

26 августа.

Сводка: северо-западнее Сталинграда. Говорят — немцы на Эльбрусе.

Девочка Мадлен: «А зимой Уголек станет белым?»

Была в «Заветах». Именины папы. Солнце. На Ленинградском — наше наступление. На юге нехорошо. На душе тоже.

31 августа.

Сводка: никаких новостей, может быть, мы остановили их? Вчера ночевала Софа. Ночью вспоминали: жуткую мы жизнь прожили, но был Боря.

Илья ужасно выглядит. Собирается на фронт.

В парикмахерской надпись: «Приходите со своими бигудями. У нас нет».

10 сентября.

Бои в Сталинграде на улицах. Сколько за год они взяли!

Пока не писала, пал Новороссийск. Приехал из Ленинграда Славин. У меня была Дженни, теперь до нее дошло. Я была в госпитале. Все хотят рассказывать. Очень страшен человек, пробывший год в плену: по-детски радуется, что его не отправили в Сибирь. Сегодня приезжает Альтман. Я должна выехать из этого дома. Бесприютно. Виделась с французским летчиком, знакомым Наташи Столяровой[134], рассказывал, что в Лондоне нет сахара — приятно. Все равно им там хорошо.

16 сентября.

Бои в Сталинграде невиданные. Хожу по госпиталям. Смоленский партизан плакал, это страшно. Приехал Рохович: бежали от Ворошиловграда до Сочи. На фронте дела лучше. Мама — огород, снижение цен на овощи. Альтман мрачный — неприятности в газете. Вселяет в кабинет Сливкера[135]. От Ины ноющее письмо. Таня была в Поленово: голая загорала на островке — на нее пикировал самолет с черным крестом.

Боренька, боюсь зимы. Не верю, что больше тебя не увижу.

У Бузу[136] рак. Илья в лучшем состоянии.

27 сентября.

На фронте лучше. Оперировали Бузу. Каплер показывает фото Таси[137]. Она все время присутствует в разговоре. Забота о Меггере. Любовь причудливая штука.

28 сентября.

Завтра Илья уезжает на фронт. Боюсь за него. Вчера сидели Нина и Рохович. Тема лишен звания и оружия. Очень огорчена за Ольгу. Бузу ходит с раной после операции. Девочки прислали мед, кофе и масло.

29 сентября.

Жизнь на бивуаке. Сегодня уезжает Альтман. Илья на фронте, волнуюсь за него. Славин едет на Южный, Софа сходит с ума, а я бы охотно обменялась с нею. Сегодня плохая сводка о Сталинграде. Ходят слухи, что сдадим. Мне же казалось, что не сдадут… А Ржев у них держится — то как с нечистой силой… Иногда кажется, что так легко их прикончить.

21 октября.

Произошло многое. Сталинград еще держится. Мы сердимся на англичан.

Была резкая передовая против союзников. Илья говорит всю «правду» инкорам. Он ездил на фронт. Второго фронта не будет, это ясно.

Я болела и переехала к нашим в гостиницу. Взялась

составлять книгу немецких дневников и писем для Ильи.

Холодно, идет дождь. Занимаюсь по самоучителю стенографией. Люба заказала портнихе платье. Закон об иждивенцах: им не дадут продуктовых карточек.

24 октября.

Тема достал пимы[138]. Сводка — без перемен. Холодно, мерзнут кости. Вожусь с книгой документов. Цены на рынке: помидоры — 90 р., молоко — 50 р., масло топленое — 900 р.

29 октября.

Слухи: началось немецкое наступление, началось наше. В Москве туманы. Бальтерманц уехал северо-западнее Сталинграда. Илье дали генеральскую столовую. Мама думает о картошке, папа о сахаре, Наташа об институте.

31 октября.

Полный маразм. Могилевские тянут — еще не переехала. Стенография заброшена. Буду сидеть без денег — почти месяц ничего не делала. На улице солнце? Кому? Не мне. Все уговаривают, что надежды нет, а я тебя жду, жду, когда иду на радио, жду по дороге в гостиницу, когда Илья возвращается из «Красной звезды», ищу в сообщениях о партизанах, в немецких дневниках. А в действительности до конца войны — я ничего не узнаю. Нальчик взят. Сталинград чудом держится.

7 ноября.

Вчера вечером речь Сталина. Илью повезли в Кремль за час до начала. Зачем? Таковы порядки. Мы слушали в гостинице. Говорил 40 минут, но многое не сказал. Тон иной, чем год назад. Победоносный. В Москве сегодня спали, на улице редко попадались прохожие. Вечером, т. е. часов в шесть, появились те, кто шел в театры. Пьяных мало. Настроение не праздничное. Просто выходной. Я на новой квартире. Маме и папе речь понравилась. Они сегодня пекли пирог.

Фрадкин: «Когда я допрашивал нашего атташе в Лондоне…»

Разнообразные у меня знакомые! Хорошо бы знать, кто стукач.

8 ноября.

Мне повестка дежурить, лифтерша тут же предложила: «За 15 р. подежурю».

Вчера слухи: крупный американский десант в Северной Африке. Были Таня Литвинова и Слоним[139].

11 ноября.

Англичане и американцы во Французской Африке. Вся Франция взята немцами.

16 ноября.

За этот период: Дарлан[140] сдался американцам. Во Франции цирк: Петен[141] старается вместе с немцами. Ко мне переехали Савичи.

В Лаврушинском Габор[142] на 9 этаже без лифта, без отопления, воды, электричества. А внизу все квартиры свободны, но ему не дают. На улице потеплело, но лежит снег. Живу без радио и газет. Заключила договор: медработники на войне. Теперь хлопоты, чтобы наконец уехать на фронт. Сегодня: закончить для кино, Волина для «Информбюро», закончить книгу дневников, выкупать Уголька. Была у наших, папа сказал: «Если бы не было партизан, была бы нормальная война». Разве «нормальные войны» бывают?

17 ноября.

Вчера в госпитале: военфельдшер-женщина, у которой расстреляли сына семи лет, — еврей. Гардеробщица удочерила девочку-сироту: все ее родные погибли во время бомбежки.

Дарлан «временно» признал американцев.

У Тани В. свои горести.

24 ноября.

Вчера вечером поразительное сообщение о разгроме немцев

под Сталинградом. Всеобщее ликование. Беспрерывно звонят по телефону. У меня сидела соседка по дому — ее это не интересует! А Тонина мать: «Ты меня извини, но я помолилась». Аля дежурила в школе. У меня сидели Нина и Тоня — выпили. Была в военкомате, объявили, что Боря отчислен из Действующей армии.

Наташа считает, что Роммель[143] американец. Умирает Джонька[144] от уремии.

Боря, даю тебе слово не опускаться. С сегодняшнего дня.

26 ноября.

Наше наступление на Сталинградском направлении замедлилось, но немцы там окружены. Это факт. 60 тысяч пленных. Я в хлопотах в связи с отъездом на фронт.

30 ноября.

Теперь ежедневно «последний час». Прибавилось на Центральном фронте. Мне надоели визитеры. Главные — Таня и Тема.

Была в ПУРе[145]. Как будто скоро будет пропуск. Хорошо, что уезжаю, мне невыносимо.

Андроников[146] в больнице. Будут вырезать желчный пузырь. Вирта[147] в меховом комбинезоне — «800 целковых», летит в Сталинград. Теперь все туда.

12 декабря.

Все еще не уехала. Провела целый день в грандиозном госпитале в Лефортове: ждала начальника Сануправления Западного фронта и прозевала его!

Вчера Аля орала на Аннушку — та сожгла Савины кальсоны, плюс мама плюс Бальтерманц. Он опять попал в неприятную историю — снял прошлогоднего фрица. Ортенберг[148] требует для него штрафного батальона. Ночью вызвали Бальтерманца в ПУР. Теперь он сидит дома в полной темноте — у них не горит свет — и ждет своей судьбы. Илья занят статьями и стихами.

Иду завтра к Андроникову. У него к желчному пузырю прибавились почки. Алигер уехала на фронт. Французские летчики в Иванове, там же наши летчики. Французы едят кислую капусту и огромные «корнишоны»[149]. Веселые ребята.

Завтра с утра еду валерьянить Бальтерманца. Новое занятие.

13 декабря.

Была у Андронникова. Госпиталь для избранных. У нас могут жить только избранные.

Вы знаете, что такое, когда человек устал мучиться? А я знаю. Я устала. Илья сегодня: «Что ты так хандришь?»

Боже мой, где узнать?

22 декабря.

Новое наше наступление. Взяты Кантемировка, Богучар и т. д.

Еду 26–27 с Альтманом.

Снился всю ночь ты.

Идет мокрый снег. В Москве говорят о встрече Нового года. Шьют платья.

Сава в Туле у литовцев. Взял банки для меда. Наших выселяют из гостиницы.

25 декабря.

Вчера наше новое наступление в районе Нальчика. Как будто. 27-го уезжаю. Была в поликлинике. Старый еврей-врач держал меня долго голой в ледяном кабинете и обсуждал наступление в Африке.

Илья в Иванове у французских летчиков. Завтра 9 лет нашего брака. Сегодня день рождения Беллы. Все это констатация.

27 декабря.

Вчера выпила кофе за твое здоровье. За то, что ты тоже думал обо мне. Завтра еду.

29 декабря.

Ехали на грузовике. В Кунцево заехали к семье шофера. Хозяйка угостила супом и пшенной кашей. Конец пути проделали на санях ТПС, не хватило бензина. По дороге девушки из КП[150], мы их подвезли. Большой плакат: «Разгромим врага в 1942 году».

Ехала под тентом, разрушений не видела.

В редакции «Уничтожим врага» вспоминали: «Сперва двигались к Москве, потом от нее, а теперь топчемся на месте». Деревня, где редакция, почти не пострадала, жителей нет. Вокруг леса, ели, покрытые снегом, по дороге от шоссе пулеметы на санях, белые грузовики. Поражает тишина. Вечером слушали музыку по радио, ужинали все вместе, делились редакционными новостями. Полная демократия. С утра кто-то затопил печку, я согрелась и заснула. Политинформация, как у нас полагается. Волнения, связанные с новогодним номером газеты. Редактор ездил в Политуправление армии докладывать о поездке в Москву.

Мне выдали ватовку (ватник). Ночью звонили из Политуправления, чтобы узнать сводку: Котельниково. Ночью, с 2-х до 4-х, прием «Информбюро». Утром Розин[151] с еврейским акцентом читает всем информацию. Женщины добились бани. В деревне остался Бобик, он все время смеется. Общий любимец. В газете в основном белорусские евреи. Скорее всего, семьи их погибли, но об этом не говорят.

С утра все 10 корреспондентов, включая меня, отправились на грузовике в соседнюю деревню. Ехали стоя. Не хватило бензина. Шли пешком. Деревня разрушена. Землянки, а на деревьях сохранились скворечники. Накрашенные девушки в военной форме. Сюда вызвали лучших бойцов для награждения, а они не знали зачем. Прошли по 30–40 км. Сидели на полу серые, голодные, замерзшие. Я фотографировала, потом мы беседовали с каждым отдельно, потом наконец их накормили. Из каждой дивизии прислали по одному человеку, мне сперва достался мальчик-разведчик. Он твердил: «Все хорошо, да вот задание не выполняем». Затем я расспрашивала татарина, бывшего повара. Он ничего не мог рассказать. Обидевшись, что он мне не понравился, вынул замусоленную вырезку из дивизионной газеты: он заколол фрица. А третьим был командир орудия, хороший русский паренек с веселыми глазами, «стеснительный», как он сказал про себя. После опроса пошли пешком домой. Юдин[152] рассказывал, как страшно вести атаку. Дома колбасня с новогодней елкой. Беспрерывные звонки начальства. В 7-ом отделе Шейнис. Живут в избе. Елку устраивают у «девочек». Все говорят о предстоящей выпивке. Вчера пробовала стрелять из револьвера, очень оглушительно. Вчера по шоссе шли наши колонны, немцы их обстреляли. В деревне видны прожекторы. Затемнение здесь приблизительное.

1943 год

1 января.

Вчера встреча Нового года: ужин редакции и типографии вместе, за сбитым столом, на сбитых скамьях. Была елка. Меню: селедка с картошкой и рагу. Очень сладкий чай и мадера. Водки не было. В перерывах пели «тост за Родину, тост за Сталина». Ели палочками — нет вилок. Оркестр: нашли мандолину на каком-то чердаке. Хор. Дирижер — наборщик. Пели и еврейскую. В 4 часа приказ: разойтись. Завтрак на час позже. Была речь Калинина — не слушали. Было уютно и весело.

2 января.

Была у связистов. Роскошно живут, русская печь и железная переносная.

Ординарец Литвинов мне: «Разве сейчас гражданка, чтобы уговаривать выпить?» Угощали: брага и селедка, чай с сахаром и печенье. Угощали меня, остальные пили чай. Там живут три майора: два украинца и комиссар-еврей. Поцелуев — белобрысый, аккуратный. На Украине остались мать и сестра. Один брат — командир партизанского отряда под Ворошиловградом, другой — летчик, третий — на заводе в Орджоникидзе. Сам был шахтером, как отец, с 35-го года в армии связистом. Второй майор — Зинченко, глубоко сидящие бесцветные глазки, брови выбриты. Кавалерист, кадровый. Из Запорожья. «Отец у меня маленький, куда ему кавалерия! Был крестьянином». Не навещал своих с 34-го года. Прошел пять войн. Высокий, солдафон. Комиссар его дразнит: «Кавалерия работает в тылу». Зинченко лезет на стенку: «А Доватор? А Белов? На Дону что делает кавалерия?» Он действительно любит лошадей. Говорит, что кобыла выносливее коня. Как у людей. Он очень недоволен, что его назначили по хозяйственной части. В 41-м году его взвод сняли с коней и посадили на танки. Их направили на Ельню, там он получил медаль, но стыдится этого: во-первых, Ельню сдали, во-вторых, он был не на коне. «Старый я теперь, теперь бабаньки меня не любят. А вообще-то в армии женщины только помеха». Семьи никогда у Зинченко не было.

В редакцию пришла ночью. Все спали, так как не горел свет. В 2 часа ночи приходил начальник гарнизонной службы, проверял документы. Смешно, но редактору это не понравилось. Слушала радио: Вязьма, Великие Луки, Элиста. Хорошая сводка! Лукашевская рассказала о корректорше нашей газеты, которая потеряла детей, — только на передовую.

3 января.

Утром поехала в Сануправление. Самые разнообразные землянки — с окошками в рамах, обычные зеленые летние палатки. Перед каждой землянкой елка с Дедом Морозом.

Это интендантский городок. Ходят жирные хозяйственники и говорят только о еде. Столовка в бараке: на столиках скатерки. Вешалка, зеркало, занавески на окошках. Мясной обед и компот. В бараке начальник Санитарного управления спит на кровати, сам он толстый, равнодушный, дает советы, куда не надо ехать, — свои счеты с врачами — нет списка награжденных, и вообще нет никаких списков.

После него зашла в АХО[153]. Старший лейтенант кричал на бойца, у которого аттестат был не на том бланке: «Умри! Не смей так со мной разговаривать!» Отобрал у того аттестат: боец остался на время командировки без еды!

Мастерская авторемонта, там же госпиталь. Мне дали машину. Начальник — интеллигентный студент подписал приказ взять бензин из НЗ[154]. Ехала рядом с шофером. В темноте, на большой скорости. Шофер не обращал внимания на ямы, повернувшись ко мне лицом, рассказывал о себе: москвич, жил на Ленинградском шоссе, семью эвакуировали в Рязанскую область, четыре дня были у немцев — все пожитки сгорели. «Я-то обут, одет, а вот они…» Три дня находился в окружении на Десне. «Вел трехтонку с автосварочным агрегатом. Другие бросали машины, я тырил у них горючее, шел по молодому лесу, ломал деревья, машина помялась, на открытом месте попал под обстрел, пристал к какой-то колонне и наконец нашел своих. Очень обрадовался. В гражданке возил профессора, который семь лет отсидел. Теперь я старший шофер. Отвозим починенное оружие, забираем в ремонт».

Вечером, когда вернулась в редакцию, был начальник политуправления, очередной ревизор. Бедняга Альтман играл с ним в шахматы. Ревизия жилья — все идеально чисто и все работали. Начальника возмутило, что набор не разобран — не верил, что так полагается. Ревизия закончилась благополучно. Его накормили, после лыжной прогулки он нашел все очень вкусным, чаем его поили в комнате.

4 января.

Политинформация. Моздок и еще что-то около Грозного. Звонил вчерашний ревизор, предлагал свои планы насчет

будущего газеты. Разъезд журналистов. Ара, как всегда, получила самое опасное задание. Меня оставили дома. Баня: пришли бойцы и командиры.

5 января.

Вечером Петерчук вдруг вспомнил свою свадьбу, бабку с изюмом, которую пекут только в Белоруссии. Грустно вздыхал: «Едва справили шкаф, правда, не совсем хороший, но все-таки шкаф, а теперь не знаю, где жена, дети». Почти вся редакция состоит из жителей Минска, и почти все считают, что их семьи погибли.

6 января.

Вчера госпиталь в Суконниках. Начальник госпиталя говорил о том, какая сестра с кем спит.

Разведчики взяли трех пленных, не поверили, что не закричат при переправе через реку, и прикончили их штыками. А вот другой рассказ: один из разведчиков был арестован. Знакомый кавалерист поскакал за ним под обстрелом, нагнал его, обнял и потом направился к немцам. Его сбили с лошади, а немцы унесли. Кто он?

Пошли с Розиным в 24 гвардейскую. Таков был приказ нашего редактора. Грелись на пропускном пункте, караульные развлекались стрельбой из пулемета, который они где-то достали. Дошли до следующего обогревательного пункта, здесь кипяток, нары. Сели в машину, по дороге пересели в сани и приехали в Сибирский артиллерийский полк. Там волнение: только что послали Сталину письмо с собранными деньгами на изготовление гаубичного орудия[155]. Слышна стрельба. Кто-то говорит: «Больше там фрицы не будут смеяться. Я им сегодня показал». Поехали на «фордике» в 29-ую. Машина не прошла, пришлось идти по поляне пешком. Дул режущий ветер. В лесу было тихо. Замелькали огоньки. Это блиндаж КП. У замначальника литературная беседа. «Костенька Симонов, Женичка Габрилович». Это моя фамилия вызвала такую реакцию, кроме того, этот полк избалован писателями. Ужинали. Ложка, сделанная из целлулоида сбитого самолета. Пришла почта. Показывали друг другу фотографии девушек[156], но явно стеснялись меня. Отвели ночевать к двум машинисткам. Грязный блиндаж, одна постель, тут же сидит радиокрикун — инженер по текстилю с помятым

бабьим лицом — кричит по радио на немецком языке. Во время паузы сообщил мне: «Люблю фрицев, даже не знаю, за что». Приходили Жоры[157] и хлопали девушек по спине. Ночью глухо слышны орудия. И радио в окопах. В крошечное оконце проникает свет. Спали я и одна девушка на кровати, вторая на узенькой скамейке. Сейчас дала ей поспать.

7 января.

Диктовали политдонесение, которое состояло из стандартных слов передовой. Утром мылась снегом. Девушки даже не растапливают снег. Живут хуже холостяков. Уборная в беседке. Всю ночь приходили разные люди и диктовали.

У замполита дивизии. Вчера он говорил «Костенька», сегодня молчалив. Высокий блондин. Любит хорошо пожить. В блиндаже еще двое — капитаны. Спешно едят суп, едут в полк проводить занятия. Приходит парикмахер Соломон. Все трое жителей блиндажа разговаривают с ним пренебрежительно, как с юродивым. А тот им подыгрывает. Он выклянчивает папиросы, гимнастерку, жалуется на отсутствие халата. Брея замполита, болтает о погонах, о концерте ансамбля, который здесь гастролирует.

Потом у начальника Ефремова. Показывал альбом с фотографией Сейфуллиной[158] среди бойцов этого полка. «Старушка была молодцом, просила зачислить ее бабушкой полка». Ефремов рассказывал о красотах Сибири, говорил о книгах Арсеньева[159].

8 января.

Поехали с Розиным в санях в 87-ой полк. Я примерзла к саням, меня еле отодрали. Розин попросил для меня ватные брюки. Выезд в батальон. По дороге береза с привязанными ветками ели — маскировка. Замаскированные орудия, все люди в белых халатах. Связанные бревна для орудия. Шалаши. Много тропок. Можно проехать через деревню Х. Это только название бывшей деревни, там даже печных труб не осталось, но там открыто, мы видели немцев, значит, те увидят нас. Стоим сейчас у Сорокина. Комбат, и его сфотографировала, очень молодой, с большим курносым носом, гордится своим «хозяйством». Идет подписка на танк. Почти все заняты строительством новых землянок. Уговаривал и меня ночевать. Снайперов не застала,

они вышли на «работу». Один все-таки прибежал, весь потный, Алиев. Я его сняла. Комбат весельчак, семья в оккупированной зоне. Дети 16 и 13 лет. «Буду искать новую жену. Одна пишет: „Ни шагу назад“, — значит, не хочет, чтобы я приехал в Москву», — острит он. Комбат только что приехал с передовой. Прострелен маскировочный халат. Фриц чуть не убил его. «Сегодня фрица раздразнили. Он стрелял из миномета». Наши снайперы трудятся, слышны выстрелы. Комбат отдает приказ о чистке орудия: завтра приедет начдив. Снайпер Алиев толстый, похож на грузина, плохо говорит по-русски. Учит остальных снайперов. Его все уважают.

Обед на кухне. Повар из Ростова, три года учился: умеет из одной курицы сварить обед на целую столовую. Очень жирный суп и сердце. Громадные куски сахара. Комбат пьет чай из кувшина. Выезжаю в 7 часов. Везет меня адъютант начальника полка с забинтованным лицом: связисты за неимением проволоки употребили колючую, и он на нее напоролся. Конечно, сибиряк, учился в метеоинституте, был заместителем командира роты, где Алиев. Говорит, что тот исключительно честный снайпер, общительный, но не может научится русскому — все время сидит один в лесу, выслеживает фрицев.

Меня провели в блиндаж комполка. Встретил ординарец: «Одеколон, чтобы освежиться, вот зеркало». Комполка, 29 лет. Сели ужинать. Подавал ординарец. Он был в передничке и белом колпаке — явно для меня. Комполка подполковник. В углу блиндажа телефон, все время доносится: «Говорит Урал, дайте Харьков…» Здесь же сидит сапер, ждет ночи, чтобы вырыть котлован для орудия. Командир роты принес донесение: такой-то в копоти, другой № — в грязи. Подполковник дает схему расстановки. Снайперы после работы еще несут караул.

Разговор за ужином: подполковник много говорит о смерти, все время вытирает пот, глубоко вздыхает. «Что со мной случилось? Я ведь был в окружении, выводил полк под Брянском и никогда не думал о смерти, а вот сейчас… Три недели мой полк пробивался к своим и без потерь пробился. Жил я с отцом и старшей сестрой, а брат Федя у крестной. В то время крестили. Он умер от голода, помню, лежал с открытыми глазами на русской печке. Отец меня увез в Пензу, спасал, сам не ел, все время меня кормил. Закончил я военное училище в Москве. Учитель математики уговаривал меня перейти в художественный институт. Я хорошо рисовал, но я остался в военном. Любил читать книги о войне. Отец пекарь, второй раз женился, но я этих детей не признаю. Одного сына назвал Николаем. Теперь нас два Николая Степановича… А пекарь он замечательный…» Тоскует

без писем от сестры. Спит 2–3 часа. Всю ночь звонил: «Не засните под тишину. Беспокойте противника». Я спала на пружинной кровати замполита. Всю ночь горела лампа. Николай Степанович ходил и ложился. Мои валенки оказались у печки. Николай Степанович сам нарисовал план нового блиндажа и занят его строительством. «Если переживу эту войну… Не представлял себе, что такое настоящая война. А стою я на главном направлении. Противник очень хитрый».

Ночью я вышла, сразу: «Стой! Пропуск!» Я испуганно тонким голосом: «Я на минутку». «Так бы и сказали, женщин у нас нет». Утром принесли воду для умывания.

Убитых немцев считают на штуки. За ночь убит один наш, прямое попадание в траншею.

Патефон: «Евгений Онегин». Цена каждой минуты нашей жизни. Николай Степанович проявляет детскую радость при хорошем утреннем донесении.

Ординарец Божок, его фамилия Божков, подает завтрак: вермишельный пудинг, жареные крабы, омлет, печенье с маслом, чай с конфетами и сахаром. Похоже, что это обычно, а не специально для меня. Подполковник рассказывает о красоте озера Иссык-Куль. Возит с собой пружинную кровать, зеркало, стенные часы. «Суворов тоже вначале был простым солдатом. Снайперу легко получить награду, а вот нам…» Замполит не появляется, кричит: «Я босой, не могу…» Ко мне вызваны разведчики и артиллеристы.

Комбату донесли, что на тропинке видны следы — ходят немцы. Стали говорить, что надо поставить капканы, рогатки. Днем тропинка простреливается.

В 90-й полк меня отвез мальчик, воспитанник полка. Приехала к вечеру. Командир полка Гриценко спал. Я ждала в адъютантской, здесь же сидели ординарец и адъютант. Кто-то спал на койке, один боец сочинял рапорт, потом рассказывал, ни к кому не обращаясь: «Когда стояли мы у деревни, меня тут навылет, вот и сейчас нога ноет. Ну, леший с нею. Готов любую пулю получить, чтобы все кончилось. Другим станет лучше…»

Гриценко проверил у меня документы. Разговор о евреях: «У нас есть один, Корф, вы его не увидите, он в разведке, смелый до хулиганства».

9 января.

Утром Гриценко мне сказал: «Шесть месяцев войны[160], а мы с вами сваляли дурака, все равно адъютант не поверит».

Новый командир дивизии принимает полк. Командир Дзюба доложил Гриценко, что одного наградил, другого повысил, а Гриценко: «Ну, он еще мало знает». Дзюба выпил водки с галетами и закурил трубку. Стиль — Тараса Бульбы. Очень гордится своей батареей. В записной книжке ее состав. Меня спросил: «Родной отец?» За ужином Гриценко: «Это рыба окунь». Много рассказывает о Дальнем Востоке, мечтает о конце войны, начал ее комбатом, капитаном. Разговаривает полувопросительно.

Снимала автоматчиков. Они устроили прическу леса, хотя я умоляла этого не делать. Надели белоснежные халаты, на которых видны следы утюга. Это все для фотографии. Здесь тоже показуха! Комроты Занчик скромный, не хотел сниматься. Все говорили об удалом Корфе.

Пошла к орудию. Оно еще не вернулось с огневой позиции. Ждала в темной землянке, на нарах кто-то спал. Это землянка двух расчетов. Здесь небогато. Дзюба учит бойцов вежливо разговаривать. Он хозяин, чувствуется, что дружен со своими подчиненными.

После 90-го полка поехала на КП дивизии. Замполит был в бане. Пошла в дивизионную газету. Они обедали, потом тоже пошли в баню. Уложили меня на нижних нарах. Рохлин — мальчик из интеллигентной еврейской семьи, ленинградец. Добровольно ушел на фронт из 10-го класса. Покраснел во время разговора о девушках. Более разбитные Цуканов и Вахрушев. Последний рано лег спать. Рохлин и Цуканов расспрашивали меня о Париже, о жизни за границей. У Цуканова жена и ребенок. Мучает мысль о смерти.

10 января.

Утром из полка пришли Розин и Сысоев. Вместе пошли к саперам. Там наши корреспонденты побрились. Пришли саперы. Не дождались татарина, он был на фугасе. Прибежал после нашего ухода, рассказывали, что огорчался. Хотел, чтобы наша газета написала о нем. Замполит — красивый романтик, музыкант. У него мандолина и рояль в землянке. На стене висит фотография пышной актрисы. Приглашал нас остаться — вечером баня…

Пошли пешком в темноте. Прошли 18 километров.

Рохлин из дивизионной газеты похож на Бориса. Видимо, есть мелочи, специфичные для еврейской интеллигенции.

Вчера уехал грузовик в Москву. Екатерина Александровна

послала два бревна для топки мужу. Она его очень любит.

Сейчас редактор диктует письма. Петерчук пилит дрова, связисты меняют телефон, Е. А. в типографии, а я схожу с ума от бездеятельности. Видимо, «американку» не так-то легко погрузить.

Из Суконников ездила в зенитную батарею — пока нет работы. Уваровка полностью разрушена.

В госпитале присутствовала при переливании крови.

На окраине деревушки стоит изба — «кровяной домик». К нему наезженная дорога. Живут здесь врач и сестра. Я вошла в избушку, и мне показалось, что это царство «Спящей красавицы». Невероятно чисто. Большая светлая комната, по ее стенам марлевые занавески, на окнах тоже занавески. В углах комнаты — градусники. Тлеет огонь в печке: крови вредна высокая температура. Широкие полки закрыты марлевыми пологами, на полках под ватным одеялом лежат флаконы, в них кровь, плазма, противошоковая жидкость. Настоящее сокровище. На некоторых флаконах письма от доноров. Я списала фразы из них: «Здравствуйте, дорогой защитник Родины! Я посылаю Вам свою кровь, чтобы вернуть Вам здоровье». «Дорогой боец, если моя кровь поможет Вам выздороветь, то прошу ответить мне скромной записочкой. С приветом, Катя». «Дорогой боец-братик! Я вправе называть Вас так, потому что моя кровь смешалась с Вашей». «Я как донор буду счастлива, если моя кровь поможет Вам». Врач и сестра рассказали о своих заботах. Кровь невероятно капризна. Живет не больше 21 дня. Не переносит ни холода, ни жары. Сестра за ночь встает несколько раз, чтобы проверить температуру в комнате. «Возни много, а работа не видна».

Два дня прождала отъезда в 352 дивизию. Приехал Рабинович, редактор дивизионной газеты. Ара уехала в 19-ю дивизию за ленинским материалом. Последний час: наше наступление у Воронежа. Это сообщили газеты ночью, утром была готова листовка.

Жду сборки «американки». Все это 17 января.

Написала о Чеканове. Альтман принял.

Когда пришла из дивизии, меня ждали письма и посылка. Как бы мне хотелось одного письма! Незаметно для остальных плакала.

20 января.

Давно не было такого бессмысленного дня. С утра, а сейчас 5 часов вечера, жду командование. Черт бы побрал нашу систему

собраний, совещаний. Все комбаты целый день совещаются, а идет война! Прочла Куликова и Кожевникова. Все мура. А сколько можно было успеть сделать! Сижу без курева. Трагично, если здесь не дадут. Что-то непохоже. Вспоминаю Гриценко и Кулакова. Особенно последнего. Типично наше бесклассовое общество! Хочу сегодня поехать на КП батальона, может, успею поговорить. Плохо с госпитальным материалом, а хочется обратно в Суконники. Надо 24 и 25 поехать в госпиталь. Слышу голоса. Наконец-то!

22 января.

Была в 58-м полку. В ожидании снайперов мне предложили посмотреть в амбразуру, как живут немцы. Со мной пошел лейтенант. Туда мы шли по траншее спокойно. «Фриц сейчас обедает, можно его не опасаться». У амбразуры стоял снайпер. Немцы были метрах в ста от меня. Какие-то фигурки несли дрова, воду, просто переходили от одной землянки к другой. Вполне мирная жизнь. На обратном пути начался минометный обстрел. Жуткий вой, шлепаются осколки, а мы идем по траншее, которая едва доходит мне до талии. Передо мной полз какой-то боец, вдруг я увидела, что у него вылезают кишки, кровавые, на белый снег. У меня подкосились ноги, но я твердо стояла. От страха. Сопровождающий меня лейтенант закричал мне: «Баба, ляжешь ты когда-нибудь?» — и нехорошо выругался. Тогда я поняла — он считает, что я стою из храбрости, и он не может лечь, когда женщина стоит. Я переползла через корчившегося раненого бойца, увидела его полные мольбы глаза — видимо, это был казах, — и добежала на четвереньках до конца траншеи, которая кончалась у землянки. Я задавала вопросы чисто механически, записывала ответы, но у меня настолько дрожали руки, что я никогда не смогла расшифровать то, что записала. Мне кажется, что страшнее минометного обстрела ничего нет на свете. Снайперы разошлись — в землянке остался хозяин и еще какой-то боец, который спросил: «Можно обратиться?» На что, по-видимому, его начальник сострил: «А ты попробуй». Потом капитан, совершенно пьяный, как я наконец поняла, показывал мне фотографии жены и сына и рассказывал о том, как была прекрасна его жизнь до войны. В землянке было накурено, грязно, но минометный обстрел продолжался, и хотя мне сказали, что сани готовы, можно ехать, я откровенно трусила выйти в траншею, пока Чуприн не сказал, что скоро стемнеет. Он рассказал мне, как женщина с грудным ребенком провела

полтора месяца на нейтральной полосе. Какой же силой воли надо обладать — не попытаться пробраться к своим.

По дороге кучер говорил: «Была жена, дочь — врач, сын — инженер. Все было. Немец помешал».

Ночевала в медсанбате[161]. Одна землянка — сортировочная. Туда приносят, привозят раненых. Вторая — для эвакуации, самая благополучная. Операционная в домике, там освещаются керосиновой лампой. Хирург Макаретов — маленький толстяк с короткими пальцами, которые поразительно ловко работают. Два мальчика — санитар и лечащий врач. Его отбили у немцев партизаны.

22 января (по-видимому 23).

Яркая луна, ориентир — голая сосна с шапкой. В автороте Апполонов прорабатывает «Наполеона» Тарле. Пустая деревня. Нашла редакцию по дыму из трубы. По дороге видела сад при пустой избе — заботливо привязаны к палкам кусты роз, грушевые деревья.

Петерчук принят в кандидаты партии. «Если бы я был грамотным, писал бы стихи. У меня любовь к стихам». Погиб Цуканов — прямое попадание в землянку редакции. Рассказ Петерчука, как он рыл себе лунку. В первую очередь, естественно, думает о машине. «Замаскировал ее ветками, а сам лег под нее. По глазам часового слежу, где самолет пикировал. Учу историю партии, но ничего с собой не могу поделать — засыпаю на первой странице». Едем ночью. Костры на обочине, пушки, люди в плащ-палатках.

24 января.

Военный госпиталь расположился частично в землянках, остальные в палатках. Одна медсестра рассказала, как в начале войны боялась бомбежек. «На столе лежит боец. Я должна подготовить его к операции. Сейчас придет хирург. А тут налетел немец, стал бомбить. Шум адский, в окошечко вижу — что-то горит. От страха все забыла и залезла под стол. Входит хирург со стерильными руками. Мне стало так стыдно… Теперь свыклась, боюсь не меньше, но помню, что наше дело спасать людей».

25 января.

Провела сутки в медсанбате. Ужасные условия. Оперируют в землянке при коптилке. Поразили меня люди. Хирурги Селиверстов, Тимофеев, Цифранович. А сестры: Лена Макаренко, Оля, Зоя. Здесь, естественно, оперируют тех, которых нельзя довезти до госпиталя. Много «животов», ампутаций. Никакой анестезии. Не хватает перевязочного материала. Стирают и кипятят старые бинты. Немецкую бочку приспособили под автоклав. Изобретают замену нужных инструментов. Селиверстов винит себя за каждую неудачную операцию, ходит мрачный. Ни с кем не разговаривает. При мне привезли «живот», у которого все кишки были в земле. Этот боец попал под минный обстрел несколько часов назад, но еще был жив. Селиверстов решил попробовать спасти человека, хотя все говорили, что надежды нет. Тот умер на операционном столе. Селиверстов уверен, что виновата медицина.

26 января.

У меня собрался интересный медицинский материал, но едва ли его используют — он такой страшный. Бедная, нищая мы страна, где нет бинтов, нет ваты, не говоря о всем остальном. Но люди замечательные.

31 января.

Ночью въезд в Москву. Неожиданно оказались на Ландышевой аллее ЦПКО, по сторонам ничего не видно. Глаз привык к лесу, и кажется, что это не дома, а лес. Невозможно ориентироваться.

Дома плюс шесть. Все предметы ледяные. Уголек закопал все мои перчатки в снег во время прогулок. Почти не ел, очень скучал. Аля о батонах хлеба. Илья устал.

Мама сегодня стала донором.

Каплера посадили. Нечего влюбляться в дочь Сталина.

1 февраля.

Бальтерманц ранен, в госпитале. Тоня решила рожать.

Ежедневно «Последний час». Сегодня Курск!

Илья на Воронежском фронте, вернее, на Курском. У Славиных холод и мрак. Мама все победы приписывает Жукову.

Американцы начали волноваться, что мы победим одни.

11 февраля.

Сегодня Лозовая. Говорят, мы на улицах Ростова. Я жду скоро Харькова. Алигер рассказывала о летчиках. Герой понимает, как хорошо жить, и начинает трусить.

Ненадолго хватило моего фронтового заряда. Ночью ты снился, утром ревела.

5 марта.

Много произошло за это время. Были взяты Краснодар, Павлоград, Харьков. Думали, что вот-вот будет отобрана Полтава. Все забрали. Немцы в предместьях Харькова. Кадриль страшная, смертоносная.

Под Москвой непонятное. Беспокойное отступление немцев. Они все увозят, оставляя заслоны, которые сдерживают наши силы.

Все очень мрачно. Танцы перед Англией и Америкой. Весна. Тает. Очень надоело жить. Звонок о пайке для Уголька.

18 марта.

На днях отдали Харьков. Очень все страшно.

Заключила договор о немецком рабстве.

24 марта.

Второй день рождения без тебя. Ничего на свете не хочется. Жру, вчера мне безумно захотелось сладкого кофе. Выпросила кусочек сахара у Савы. Боря, ты должен быть.

Второй раз отдали Белгород.

17 апреля.

Постараюсь вести дневник регулярно. Настоящая весна, даже жарко. Москва ждет налетов и наступлений. Напряжение перед грозой. На фронте затишье. Обе стороны накапливают силы. Вчера написала о французах в Германии по письмам, найденным

на убитых. Пришла Софа: «Я не буду мешать. Мне необходимо, чтобы рядом был человек». Принесли мой паек: повидло вместо сахара, 100 грамм масла, полкило фасоли, соль и спички. Была в Литфонде, регистрировала карточки Ильи, очередь. Забегала к Илье, он в плохом настроении. Ездила в «Комсомолку». Редактор хочет, чтобы подписывалась или Эренбург, или Иванова. Нашел физиологию в статье — не нужно. Как будто дети рождаются в капусте. Ничего не поделаешь. Буду переписывать. В 7 часов утра пришла мама, стоит в очереди на донорском. Нужно массу написать. Да, вечером были Рая и Нина.

Единственный человек — Уголек.

Много дел, а хочется повеситься.

17 апреля.

Вчера было 16-ое, я спутала. Сейчас час ночи, а я только собираюсь работать. Весь вечер спала.

Большой воздушный бой над Краснодаром.

Аля дежурит ночью в школе.

19 апреля.

Большая передовая о поляках[162].

Сняли электролимит. К черту все ухищрения. Зато испортилось радио. Пришла Нина. Влюблена. От Шуры пришло письмо.

Разрыв с поляками[163]. Сегодня объяснения Вышинского[164] с инкорами[165].

Наше небольшое наступление на Курск. Стали печатать о налетах наших самолетов на наши города.

Сдала две книги документов. Все работы кончила и три дня ничего не делала. Вчера вырвали зуб. Через 10 дней приезжают хозяева, где живут Сорокины. Надо им найти жилье. Мама в огородах. Илья пишет поэму — изоляция, счастливый.

Все так же мрачно. Плюс мамина квартира, карточки.

8 мая.

Суд — признание Бори моим мужем (в ЗАГСе сожгли все бумаги). Судья мне: «А вдовы генерал-майоров получают по 100 тысяч», — с явным осуждением.

Ничего не пишу, только муру для радио. Сплю. Не плачу.

Бальтерманц на даче, Алигер собирается рожать, Леля нудит, Тема переделывает Девиса.

Мне пришло масло из Чистополя, мечтаю раздать, никто не берет.

Иногда вспоминаю, что было «до». Совсем другое, и совсем другая я сама.

Совещание в Союзе писателей. Блестящая речь Ильи.

9 мая.

Союзники заняли Тунис и Бизерту. Сталин послал по этому случаю приветствие Рузвельту и Черчиллю. В городе разговоры о втором фронте. Есть «наивники», и среди них я, которые думают, что он будет во Франции, а умники — на Балканах. Во всяком случае, есть надежда. Надежда юношей питает.

Целый день сплин. Грязно и противно. Дают обед как жене фронтовика. Не знаю, что делать с карточками.

Май (число не проставлено).

Болею, денег нет. Зубы будут стоить 2500 р. Зачем?

Написать статью. Хлеб. Показать статью Илье.

Привожу письмо, которое переслал фронтовик в «Комсомолку». Я не стала исправлять орфографию, она показательна. Мне заказали очерк.

> «Здравствуйте дорогой и любимый муж Михаил Григорьевич!
>
> Шлю привет и масса наилучших пожеланий! Письмо твое получила посланное тобой 22.1.43 года, за которое сердечно благодарю. Из твоего письма я поняла, что ты на меня очень обижаешься что я совершила такое преступление что вышла замуж за лейтенанта. Конечно, я не совсем хорошо сделала, что я вышла, но принимая во внимание все сложившиеся обстоятельства я думаю, что ты со временем все забудешь и простишь в-первых, что меня заставило так сделать это то что одной трудно жить тем более в мои годы второе то, что он человек очень самостоятельный и хороший он очень деловой не смотря на то что ему всего только 24 года и он имеет звание старшею лейтенанта Где я не была и ни ездила

такого человека не встречала! Миша! хотя он человек и хороший и любит меня но вечно тебя я не забываю твои письма на меня очень действуют и когда его нет дома я несколько раз перечитываю твои письма и плачу пишу сейчас тебе письмо и плачу это письмо было мокро от моих слез. Миша ты мне сможешь все простить что я сделала то когда вернешься, то приезжай прямо ко мне а этому я скажу что ты был мне от скуки а не муж, муж мне тот с кем я жила 12 лет и имею от него дочь. Любимый Миша этот самый лейтенант который мне от скуки купил мне корову еще заставлю кутит, велосипед и патефон а тогда можно послать на хрен.

Дорогой Миша ты пишешь мне о том что я обижала свою дочь но это не верно Миша не смотри на своих родителей что они тебе пишут им что бы дочку они отдали мне она мне очень дорога и очень часто по ней плачу но они мне ее не отдают. На этом письмо свое писать кончаю. Желаю тебе дорогой Миша успеха в победе над врагом проклятыми фашистами бей немцев крепче а вернешься заживем лучше прежнего. За тем дорогой муж досвидание остаюсь любящая тебя жена твоя дуся.

Как получишь мое письмо ответ жду с нетерпением дорогой Миша!»

Леля кончил «Зою». Зачем я собирала материал? Картина мне не понравилась, даже очень. Да и Зоя совсем не та.

На собачьей выставке свои склоки. Тема ездил в Куйбышев, привез мне кофе.

Меняю 1 кг хлеба на 100 г сахара. Продала шляпы и ботики. Худо мне — денег нет.

Вчера был разговор с Вандой[166] о польских евреях — никто не спасается. Ходят мыши. Нет электролампочек.

Не ходит будильник. Завтра выяснить с карточками. Написать «Письмо матери».

22 мая.

Речь Черчилля[167]. Сегодня речь Бенеша[168] против Польши. За это время кончилась Африка. К нам приехал Девис. Говорят, что он хочет устроить встречу Рузвельта и Сталина.

Все помешались на огородах. У меня напечатан очерк «Посторонние» на основе того письма, которое прислал

фронтовик.

Купила четыре куска сахара по 10 р. Пишу — рожаю статью «Семья».

29 мая.

Все еще «рожаю» статью. Очень трудно врать. Совсем одурела. Наташа сдала экзамены и уезжает в колхоз. Мама сажает картошку. Меня пригласили с почетом на французское радио в связи с ликвидацией Коминтерна[169] — Марти.

На фронте ничего существенного.

Дают 10 тысяч рублей семьям погибших офицеров. Ужасно больно и горько… Отдам маме, пусть купит себе жилье.

Мать Захара не прописана и без хлеба. Нина влюблена. Мне тошно жить.

Вчера у меня были все Сорокины. У них сплошные несчастья. Надо же при первой бомбежке остаться без квартиры, без вещей!.. Сгорели все иконы, спасенные от Торгсина![170]

Очерк «Посторонние» оказался вовремя, отвечаю на многочисленные отклики.

5 июня.

Полное затишье на фронте. Отсюда пессимизм.

Антисемитизм: «Уничтожим врага» разогнали — «синагога и семейственность». Бедный Альтман, он уезжает в какой-то полк. Ара — в госпиталь.

У Нины любовь и экзамены. Приезжает Ина.

Наташа в совхозе. Папа пишет о современных художниках для Информбюро. Крушение Лидина[171]. Пьянство Славина[172].

5 июля.

Началось немецкое наступление: Курск, Орел, Белгород. Погиб Сикорский в авиакатастрофе. Вчера вечером были у меня Альтманы, и мы говорили: как хорошо, что немцы не наступают, они и не будут наступать. Лично я отвыкла от таких последних часов.

Читала французские газеты: полное обнищание, в умах тоже. Была на выставке англо-американской дружбы. Сплошная благотворительность по отношению к нам. Они продают куколки

«стиль рюсс» и устраивают ночные кабаре, где выступают русские казаки. Доходы идут нам на помощь. Сволочи.

14 июля.

Pauvre douce France.[173]

Дочитала дневник интеллигентного партизана. Очень точно описывает уход из Минска и три дня в лагере для военнопленных. Автор был аспирантом пединститута, наивный, сентиментальный, восторженный, увлечен литературой и психоанализом — болезнь интеллигенции.

Вчера разгромная статья о Сельвинском. Его очень жаль. Представляю его жизнь в армейской газете после этого. Вчера была в Центральном штабе партизанского движения. Лапиных оказалось много.

Была у матери Захара — больна, боится свежего воздуха, духота, как была у Захара.

Славин уехал на Брянский фронт, как будто там наше наступление, а по слухам — немецкое.

За время, пока не писала, взята Сицилия, мы мало об этом говорим, думаем таким образом выжать второй фронт. Немцы малоуспешно наступают, Белгород например.

Все еще стоит еврейский вопрос.

Вчера видела Борю с затылка. Если бы верить предчувствиям!

Звонил папа, потерял карточки и боялся идти домой. Понятно.

Завтра хотят усыпить Джоньку. У меня завтра уборка. Звонил Леля, паникует с приездом Ины. Все кого-то боятся.

Мне очень нужна Ина. С Ильей совсем трудно, он погрузился в себя. Меня спасают кирсановские девочки. Почему-то они на меня хорошо действуют. А ведь они не веселые и вообще не ахти что и все же очень успокаивают…

Судя по сводке, сегодня хуже и на Харьковском. Бальтерманц уезжает на Брянский, в новую газету, в особый гвардейский корпус. Доволен.

Я еще не писала об обещании дать второй фронт в мае-июне. Что-то не верится. Лучше бы они бомбили Германию, как делали два раза. Нужно разрушить страну. У меня чистая ненависть, чистая, как ручей. Гляжу на его фотографию и вижу его руки, больно до крика. Ревекка решила, что они убиты, а я не верю.

Теперь я содержу всех Сорокиных, смешно, но меня это не тяготит, скорее радует, значит, я кому-то полезна. О маме напишу, если буду писать и жить.

Тоскую о Чуке. Звонила Аннет, она очень мила. Надо ехать к Илье, а мне дико неохота. Стали присылать извещения о смерти.

25 июля.

Сегодня Илья вернулся с Орловского направления, т. е. Орел-Брянск. Очень доволен. Говорит, что фрицы отступают, что наша техника сильнее. Только бомбардировщиков у них больше. Илья ездил в «Нормандию». Разговор с пленным эльзасцем. Оживлен.

Подписала договор со сценарной студией на материал о ж.-д.

Завтра: отнести молоко в гостиницу, смотреть хронику, купить хлеб, взять обед в Литфонде, мама Хацревина, Нина, Илья, просто ужас. Спокойной ночи, целую в затылок. Какой же ты худой.

8 августа.

Вчера объявили о взятии Орла и Белгорода: салют из пушек, аплодисменты на улицах, ходят до двух ночи… Сегодня вечером тоже хорошая сводка: Золочев, т. е. западнее Харькова. И Крамы — Брянское направление. Два дня тому назад приехала Ина. Думаю, она меня тоже любит.

Все «золотые» волнуются о «лимитах».

Работаю на хронике. Должна начать ж.-д.

Приезжает Большой театр. Нину бросил Г[174], она себя жалеет: «У меня провалились виски». Ирина Альтман[175] плачет — не прописывают. В «Правде» статья о втором фронте.

19 августа.

Может быть, тебя мучают. Может, ты где-нибудь ходишь голодный, раздетый, больной. Не могу я больше об этом думать. Так все страшно! У Ирины П.[176] муж сидит — какое счастье! И вообще о всех мужьях есть известия. Почему же нам с тобой так не повезло? Вот и с Харьковом, который в первый раз оставили, а теперь никак не можем взять. У Ины роман. У Нины роман. А мне на все наплевать. Я и работаю, лишь бы добыть деньги для Сорокиных. Я не живой человек и вообще не человек. Почему мы с тобой так часто расставались? Надо было всюду ездить с тобой. Но у нас не та власть — кто бы мне дал загранпаспорт, когда вы плавали по Ближнему Востоку? У меня сердце как пересохшая

земля — все в трещинах. Самое ужасное, что привыкаешь быть засушенной.

Написала текст к хроникальной картине. Его забраковали, это черт с ним, но ты бы мне помог его исправить. Кому я нужна, кроме тебя? Потеряла зажигалку.

24 августа.

Взяли Харьков. Вечером фейерверк, трассирующие пули, выстрелы. Вот как будут праздновать окончание войны. А я? Боже мой! Взялась для радио писать по две вещи в неделю — это трудно. Приехал Юдин из-под Белого, все такой же нахал. Говорит, что и у них на фронте движение. Мы требуем повсюду наступать, союзники молчат, мы их кроем. Сняли Литвинова, в пику им.

28 августа.

Как-то Гудзенко[177] рассказал, что из немецкого тыла вышло несколько человек — один грузин все время ходил с шарфом поверх носа.

9 сентября.

Капитуляция Италии. Слухи, что и Румынии. Людям всегда мало. За время, пока не писала, — весь Донбасс. Сегодня сказали: Прилуцкое направление. Это уже в ту сторону. Дела очень хороши, а отношения с союзниками все хуже.

Работаю много, до одурения. Работа глупая.

Мы подходим к Киеву.

Все свободное время провожу с Иной. У мамы 23 несчастья: Наташу берут на трудфронт, к ним въехала Ирина Альтман. Илью вижу редко. Он и я много работаем.

20 сентября.

Березани, т. е. рядом с Борисполем. И вот теперь надо ждать. Чего?

Разговаривала с Кошевой[178]. Очень славная. Работаю. Деньги.

Сентябрь (21 или 22).

У мамы вопрос с квартирой. Наташа в больнице — кажется, камни в желчном пузыре. Вернулись хозяева комнаты, где живут наши, погорельцам ничего не дают. Началась осень, дожди. Внутри ни минуты покоя. Сплошная толчея. Должно быть, без нее было бы хуже, но сейчас мне все плохо. Чужой я человек.

Умерла Макс[179].

В квартире хохочут здоровые, молодые, счастливые девушки.

На Днепре много потерь, а Москва настроена на скорую победу. В Москве совещание трех держав, все гадают, что там происходит. Шампенуа говорит, что мы и Америка холодны.

Из моего окна видна наша квартира.

Сорокины как будто должны купить квартиру.

Ольга лежит на вычистке, Тема волнуется. Ина заплакала от того, что с нею грубо поговорили в театре!

23 сентября.

Два дня назад приехали Илья и Гроссман. Были под Киевом. Рассказы о предательствах, уничтожении евреев. Один лейтенант-еврей стал старостой и так спасся. Думаю, что его расстреляют у нас. В Киеве за четыре дня убито 52 тысячи. Много сожжено. Украинки жили с немцами. Три девушки носят еду в лес немцам, которые там прячутся. Полтава и Чернигов сожжены. Киев мы не обстреливаем. Очень тяжелые бои за плацдарм по ту сторону Днепра. Гроссман был в Борисполе — мало людей, следы отступления 41-го года: крылья «эмок», ржавое оружие.

Крестьяне не помнят прошлого — слишком много прошло времени. Но сапоги и гимнастерки, снятые с трупов, еще носят.

Крестьяне жадны до добра во всем мире.

И тот и другой говорят: надежды быть не может. Я и сама понимаю, что раз перешли Днепр, то где может быть Боря?

Логически все ясно, в лучшем случае убит. А может быть, замучен и расстрелян, может быть, покончил с собой. Это все так ужасно, что до сознания не доходит. Я понимаю, что Бори нет.

Вчера была в военной комиссии. Там удивляются, что ни от кого из писателей ничего нет. Русские в плену, так я думаю, а евреи погибли. Убит Ставский[180]. Кирсанова все же отослали на фронт.

Здесь очень неуютно.

Савы у Лидиных.

Никому не завидую и себя не жалею, только плохо, что так случилось. Я не знала, что вся в Боре. Вот оно. Что же делать? Как жить?

8 декабря.

Очень давно не писала. Все новые и новые письма и рассказы о гибели евреев.

Кончилась конференция в Тегеране[181]. Все говорят о скором мире. На фронте хорошо, а потому цепляются за мелкие неудачи. Сильная бомбардировка Берлина. Илья уехал вешать немцев в Харьков[182].

Хацревина умирает от рака.

Ходят просить у меня рукописи Бориса. Зелинский[183] пишет о нем. Все как о погибшем. Так оно и есть. Ты должна наконец это понять. Но я не хочу, даже если бы увидела, и то не поверила бы.

Через три дня сюда въезжают, и мы с Углем должны выехать. Куда?

13 декабря.

В трамвае вожатый говорит женщине с детьми: «Всех мужей поубивали, а дети все родятся и родятся».

Волна страшных писем. Женщина с восьмилетним сыном бежала из гетто, спаслась у партизан, там работала связисткой, наконец они выбрались, и мать говорит ребенку: «Стоит жить, раз мы увидим папу». За это время папа женился. Киевлянка — молодая математик, получившая много премий еврейка, потеряла за войну мужа и брата. Сына брата усыновила. Теперь Украинская академия возвращается в Киев, но еврейку отчислили (по национальности) и оставили в Уфе с тремя иждивенцами: контуженная сестра, старуха-мать и мальчик.

Была у Мазовера — материал о собаках на фронте.

Хацревиной не дают умереть в больнице — ее выписывают.

Олег Эрберг мобилизован рядовым. Волнения с Пленумом

писателей. Тихонов[184] стал чинушей. Плохие отношения с союзниками — Польша. Страх за мирное время, особенно у евреев: уже в университетах ограничения для евреев. Мальчик Альтмана[185] затравлен в школе. Есть предложение писать историю партизанского отряда. Хандра — мое нормальное состояние. Алигер любит, забывает, рожает, пишет, получает Сталинские премии и лимит и все же несчастна. Таня Литвинова абсолютно счастлива. Дело характера. Без тебя я начала работать, без тебя, быть может, из меня что-то получится, а главного-то — и нет. Для кого? Холодно и мрачно. Осторожно, свежевыкрашено…

14 декабря.

Живу в гостинице, от Ромма[186] выгнали.

Сводка: взяли Черкассы, оставили Радомысль.

Уголек у Раи-Нины. Работаю на хронике. У мамы портниха, за 900 рублей дошивала шубу и не кончила ее.

27 декабря.

Вчера было десять лет нашей свадьбы! И никаких перемен. Я на Лаврухе. Одна в разрушенной квартире. Все в известке. Течет крыша, выбиты стекла. Так я и знала: наступит момент, когда не смогу покончить с собой. Боже, как страшно. Теперь мы все знаем, на что способны немцы. Сегодня видела Михоэлса[187] Он рассказывал об Америке — тоже фашизм. Гитлер победил — культура кончилась.

1944 год

9 января.

Очень давно не писала, хотя событий масса. Я живу в нашей квартире. Видно, так устала от всего, что довольна, что одна. Я остародевилась, ничего не поделаешь. C’est la vie.[188]

На фронте блестяще: сегодня стреляли по освобождению Ленинграда из кольца. Очень часто салюты. Два международных события: статья Заславского[189] «Вилки мутит воду» и «Утка из Каира» от нашего уточного корреспондента. Как будто это в связи с Польшей. Мы уже перешли старую польскую границу. Идем на запад. Настроение: скоро развязка. Мама в новой квартире. Сыро,

но устраиваются, заводят сорокинский уют.

Надя Капустина была у Васьки Сталина[190] в гостях. Пьяно.

В Союзе писателей волнение: Тихонов, Поликарпов, новая династия. Каждый гадает: будет ли ему лучше.

Был Мунблит. Все та же тема: «О создании великого в литературе». Жалко его.

Получила премию. У меня много денег, но нет туфель, чулок.

Илья мрачен и недоброжелателен.

24 января.

Каплер получил пять лет[191].

На фронтах все очень хорошо. Окончательно прорвана блокада Ленинграда, взят Петергоф.

Была у матери Захара, она обречена, ее не хотят оставлять в больнице — она занимает койку. Ее глаза! «Мне бы уголок, где я могу спокойно умереть». Врач говорит: два месяца жизни, последний месяц на морфии. Больница с грязными халатами, темнота, пьяные вшивые няньки. Полное отчаяние, и еще за Марьиной Рощей. Возвращаюсь домой пешком по темным улицам, изнуренные, недоброжелательные прохожие.

Вчера неожиданно умер Гусев[192] — разрыв сердца. Его 9-летнего сына спросили: «Когда умер папа?» — «В два часа. Я пошел к Вовке играть в лото».

В кухне течет крыша. Работать не хочу. Ничего не хочу. Думаю, уже не терка, а ржавая доска, как теперь делают кухонные принадлежности.

Была сегодня в Моссовете, у секретаря Пронина. Сесть не предложили, но разговаривали милостиво. Не знаю, что получится, а мне все плохо. Чужая жизнь. Надоело бороться. Может, все образуется, а?

15 февраля.

Разговаривала с Васеной, партизанкой, как она себя называет, а в действительности — диверсанткой. Она мне подарила свой дневник, сказала, что я могу с ним делать что хочу, только не называть ее имени. Хрупкая, болезненная девушка, на меня не произвела никакого впечатления, но ее дневник меня поразил. Жестокая правда:

«8 мая 1942 г.

Сегодня первый раз в наряде. Дневальная. Все спят, а я сижу. Днем были на кремации Зои Космодемьянской. Она, оказывается, из нашей части, а многие из девчат были с ней в задании.

Почему-то все говорят, что я не смогу работать диверсантом. Я слишком для этого тиха и нежна. Даже командир роты предлагает мне перейти в школу радистов.

Но нет. Что я задумала, так то должно и быть.

Мне сейчас хочется уехать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы забыться, не видеть всего, что напоминает прошлое.

Думаю, что хватит сил перенести все, и если придется умирать, так умру, как Зоя.

11 мая.

Было занятие в парке. Проходили тактику снятия часовых. Получила благодарность.

14 мая.

Сегодня уезжают Новиковы — ребята, с которыми я больше всего подружилась.

Особенно нравится Степанов Петр. У него есть что-то, напоминающее Льва. Как жаль, что я не пошла в армию раньше. Я могла бы лететь с ними.

15 мая.

Вернулись Новиковы. На месте их выброски была установлена огневая батарея.

Не знаю почему, но я в душе радуюсь этому.

21 мая.

Дни бегут совсем незаметно. Привыкла ко всему и ко всем. Но больше всего к Петьке. Каждый вечер он садится со мной в кино. Сегодня у нас выходной. Утром я с двумя друзьями, оба Петьки, Степанов и Семенов — были в „Колизее“. Смотрели „Машеньку“.

28 мая.

Ночью улетели Новиковы. Как пусто стало, особенно для меня. Незабываемую память оставил Петька.

Разговаривая с ним, я как будто разговаривала с Львом. Лева, милый, ты не знаешь, как я тебя люблю.

И вот я вновь одна. Хоть бы скорее закончить школу, а там вряд ли будет время о чем-либо мечтать.

Из дома что-то не пишут. Мама, наверное, все время плачет. Как жалко их всех. Я знаю, что для них это большое горе. Сегодня была у тети Нади, свезла все свои вещи.

4 июня.

Сегодня выходной. Все ушли в город, но нашу группу не отпустили. Собрали груз и подогнали парашюты. Сегодня улетаем. В 14.00 получит увольнительные. Еду к тете Наде и всем родным.

Сегодня не летим. Но чувствую, что это последние дни в Москве.

5 июня.

С утра освободили от наряда. Велели к вечеру быть готовой. Наконец-то.

Теперь все прощай. Может быть, я больше никогда не увижу Москвы, родных, Леву. А так хотелось бы в последний раз посмотреть на всех.

Лева, дорогой, любимый. Да, я больше тебя не увижу. Но даже там я буду вечно любить тебя. Сердце разрывается. Целый день плакала, а зачем — не знаю. Ведь ты не любишь меня, да теперь и все равно. Я обречена на гибель во имя освобождения родины.

Милый, твой последний поцелуй, подаренный мне на вокзале в день твоего отъезда, до сих пор жжет губы. Многое отдала бы за один такой же. Былого не вернешь. Остается сказать всем: прощай и прости.

9 июня.

Васены больше нет, а есть Машка — моя фронтовая

кличка. В 18 часов выехали из части. На центральном аэродроме, в Аэропорту, погрузились и в 21 час поднялись в воздух. Ребята были все в дрезину пьяны, но я и Юлька не выпили ни капли. Да и зачем? Ведь в случае чего погибать все равно что пьяной, что трезвой. Линию фронта перелетели спокойно на высоте 100 метров. Нигде даже не было видно огней и вспышек. Около двух часов ночи стали приготовляться к прыжку. Я стою справа от трех, Юлька слева первая. Стоять очень трудно. На спине парашют — 32 кг, спереди вещмешок с боеприпасами, на ремне диски, граната, пистолет. Сбоку автомат. Часто встречались воздушные ямы. Колени трясутся, но не от страха. В эти минуты я почему-то не думала о смерти. Настроение безразличное.

Юлька прыгнула не по той команде. Что с ней теперь — не знаю. После ее прыжка мы летели минут 17–20. Итак, я осталась одна среди ребят.

По команде „пошел“ начали прыгать. В момент прыжка я, кажется, ничего не думала. Сознание до меня дошло, когда меня окликнули: „Маша“. Я не думала, что не мне, но вскоре вспомнила, что теперь я не Васена. Кругом меня были белые купола. Все спускались быстро, а я почему-то на одном месте. Стала подтягивать тросы. Приземлилась удачно — в болоте, собрались минут в десять. Не было Степанова. Он напился утром. Был в дрезину пьян и как только коснулся земли, то уснул. Вскоре после приземления в лесу услышали стрельбу. Замаскировали груз и отошли километра два на запад. Утром прочли пакет, узнали место своей выброски и задание. Место работы — БССР, Минская область, Осиповичский район. Но надо было разведать местность, т. к. часто выбрасывают не точно на нужное место. Встретили пастухов, которые сообщили, что кроме немцев есть полицейские — местное вооруженное население. К вечеру 10-го я, командир группы мл. лейтенант Краснов Сеня, Михайлов, Степанов ушли в разведку. В 20 часов на поле заметили крестьян. Я была в гражданском, поэтому идти к ним пришлось мне.

Ребята остались в кустах наготове. Отчасти было как-то жутко. Узнав, что они из деревни Репище и что у них в деревне нет немцев, вместе с ребятами вошли в деревню. Провели собрание, раздали газеты.

Ночевать остались в сарае. Дежурили по очереди.

В 4 часа утра нас разбудила женщина, сообщив, что

в деревню приехали немцы из соседнего гарнизона Побоковичи. Видно, какая-то сволочь уже сообщила о нас. Только стали перелезать через забор, как по нас открыли огонь. Ужасное состояние: впервые попасть под свист пуль, да еще разрывных.

4 километра бежала без передышки.

Да, теперь мне предстоит частенько устраивать такие кроссы, а там где-нибудь, может, скоро буду лежать под кустом, а может, и висеть на осине… Только бы не последнее. При мысли, что меня повесят, кровь застывает.

Что же теперь делать? Я сама пошла на все это, так теперь и терпи.

10 июня.

Сегодня иду на первое боевое задание. Ребята готовят заряд. Пойдем — я, Михайлов, Степанов, Шейн и Фишман.

Какое-то жуткое состояние. Боюсь, что и правда буду неспособна к диверсионной работе. Но то, что с воза упало, то пропало. Как бы теперь ни хотелось домой, но до Москвы свыше 800 километров.

11 июня.

Вчера спустили под откос воинский эшелон. Я еще никогда не видела таких страстей.

К железной дороге пришлось ползти. Прошли обходчики, и мы начали работу. Вскоре послышался шум поезда. Мы побежали. Не успели отбежать и 100 метров, как все кругом осветило и потом тяжелый взрыв. Слышались лязг вагонов, крики и стоны раненых.

Жалость заполнила мое сердце. Сколько жертв, может, ни в чем и не виноватых.

Не по себе страшно. А сколько еще впереди? Ведь в этом и будет вся моя работа. Может, при одном таком же взрыве я найду себе смерть.

14 июня.

Делая небольшой переход, наткнулась на группу партизан, среди них была и Райка из группы Федорова. Группа ушла за грузом. В том месте, где должны работать Федоровы, не работает ни одна железная дорога и ни одно шоссе. Они перешли в наш район. Встретили отряд партизан под командованием Козлова. Действуют с ним совместно.

Жду с нетерпением возвращения группы. Ведь там мои друзья — Петьки.

22 июня.

Вернулась группа. Сколько радости при встрече. Я вновь не одна. Слушали Москву. Радист — Петька. Велел встать завтра утром пораньше — будем слушать последние известия.

27 июня.

Вчера делали налет на два полицейских гарнизона. В налете участвовали 4 партизанских отряда и наши группы. Организовали налет удачно. Разбились на две партии. Наши группы, отряд Козлова и Кошуры окружили Моксимовские хутора.

В 21 час по ракете с криками „ура“ ворвались в деревню. То же самое было и в Межном. Там действовали отряды Димки и Васьки. Обе деревни сожгли.

29 июня.

27 июня наши связные сообщили, что карательный отряд города Осиповичи думает прочесать лес, где находятся наши лагеря. Вечером смотали свои удочки и ушли за 5 км.

Утром 28-го часовые сообщили, что по шляху Старое Село — Межное движутся танки в направлении на старый лагерь.

Симонова Катя и я были посланы в разведку на шлях в гражданском с корзинками и без оружия.

Не доходя метров 15 до шляха, сели в кусты

наблюдать… Скоро нас обнаружили полицейские. Слышали команду „взять живьем“. Мы бежали под умышленно не попадавшими в нас пулями.

Зареклась никуда не ходить без гранат. В нашем старом лагере немцы сожгли палатки, и в сегодняшнем номере „Нового пути“ уже есть очерк разгрома партизанского штаба. Убиты 42 партизана. Нас же в то время было точно 42 человека, т. к. часть людей была в задании. Мне и Кате поручено выявить тайных агентов гестапо. За своих людей мы уверены, вероятно, есть гады среди партизан Козлова.

3 июля.

Очень сдружились с Катей. Поклялись, что будем боевыми сестрами и если умирать — так вместе.

Почему-то стала бояться Петьки. Уж очень он заботится обо мне. Боюсь, чтобы дело не приняло серьезный оборот.

Как трудно быть вдали от любимого.

Лева, дорогой мой, в тебе моя жизнь. Как часто вижу во сне, что мы с тобой вдвоем, ты говоришь мне, что мы никогда не разлучимся более. Проснешься и плачешь без конца. Ведь этого никогда не будет. Не сегодня-завтра я погибну.

6 июля.

Сегодня я, Фишман, Шейн, Костюков и Козлов пойдем на железную дорогу. Берем три заряда, так что в задании пробудем около недели. Хочет идти с нами Катя, но Новиков ее посылает с другой группой.

10 июля.

Подорвали два эшелона. На третьем подорвались обходчики.

9 июля, идя домой, около Ставищ остановились отдыхать. Были окружены немцами. Кольцо прорвали с боем. В лагерь пришла сегодня одна и без сапог. Тут уже Фишман. Но где остальные? Неужели погибли?

11 июля.

Сегодня пришли Козлов и Шейн. Шейн ранен в ухо. Пуля вышла глазом.

Меня назначили следить за Семкой.

Но где же Андрей?

14 июля.

От населения узнали, что Андрей взорвал себя гранатой. Был траурный митинг.

Горжусь Андреем, уж лучше такая смерть, чем плен и мучения.

18 июля.

Группы ушли на засаду на шоссе Москва-Варшава. Я сижу с Семкой. Пою его сырыми яйцами, с каким отвращением он их пьет!

При перевязках с содроганием смотрю на его изуродованное лицо. А ведь был таким красивым парнем.

19 июля.

Вернулись ребята. Подбили одну легковую машину.

24 июля.

Вчера делали налет на торфозавод Табарка. Я с группой в 13 человек подрывали ж.-д. полотно.

Организация налета замечательная.

Проводником был сторож торфозавода, так что он нас подвел к школе, где спали немцы. Часовых сняли без шума.

Коля, хорошо говоривший по-немецки, предложил им сдать оружие. Из школы неслись крики „изменники“. Вероятно, они нас приняли за немцев. Школу с немцами сожгли.

Сегодня хотят нас всех трех девчат послать на

железную дорогу. В придачу дают нашего дитя Митю Романова.

27 июля.

Благодаря глухоте Митьки, который все время громко говорил, нас обнаружили обходчики, и 25-го поезд не подорвали. Остались еще на сутки, и 26-го днем взорвали эшелон.

В лагере все думали, что мы „накрылись“. Все рады нашему возвращению. Всю ночь не спала, так как до трех часов Петька работал, а я ему светила. После разговаривали.

Я так и знала. Влюблен. Что мне теперь делать? Мне так его жалко, но я не виновата, люблю другого.

С Петькой начистили картошки и стали варить. Катю не будила.

28 июля.

Сегодня ночью был большой переход из Осиповичского в Октябрьский район. Остановились в деревне Крюковщина.

Не спала уже четыре ночи. Еле держусь на ногах. Легла спать, а Катя стирает, но что-то не спится, лезет в голову какая-то чушь.

Петька со своим помощником ушли в отряд Санько, где будут работать, так как у нас что-то дурит станция.

30 июля.

Вчера весь день с Катей ходили по гостям из отряда в отряд.

Были у Санько. Познакомились с его радистом Мишей.

Наши Петьки ушли к нам в деревню. По дороге домой встретили Петек. Оказывается, они нас ждали там, а мы тут.

Я ей все рассказала о Льве. Она утешает, что, может быть, останусь жива, увижу его, и он, может быть, полюбит.

Добрая девочка, она тоже любит меня, так желает мне счастья, но я знаю, что его не будет. Катечка, ведь нас с тобой ждет одна участь: или петля, или 9 грамм.

4 августа.

Вчера ушли из отряда. Пришли вновь в Осиповичский район. Во всем районе сейчас нет ни одного партизана. Только нас восемь человек, да и то из них три девушки. А скоро здесь будет облава. Ну и жарко нам, вероятно, тогда будет.

Каждую ночь до 10 августа должны жечь условленные костры, получать грузы.

9 августа.

Ночью самолет низко прошел над костром, но сбросил груз в Радитичах, так что он весь достался полицейским. А у нас патроны и тол на исходе.

Два хороших боя, и мы без патронов.

Пришли связные от Новикова.

Теперь надо сидеть на большой поляне, ждать связных группы Корнилова, Григорьева, Семенова, Петрова, Иванова. Она где-то около Гомеля, но придут к нам. Мы с Катей просимся на поляну. Так хочется увидеть кого-нибудь из своих.

11 августа.

Второй день сидим на поляне. Малины ужас. Часто приходят ребята — приносят нам есть.

Учусь курить.

Вчера ребята где-то достали тетради. Мы решили писать очерки о нашей жизни. Ведь интересно и самим будет после прочесть, если только живы будем.

12 августа.

Вчера к нам пришли Лазарев, Шершнов, Райка и Щекочихин. Идя с поляны по шляху, обстреляли обоз с

хлебом, который немцы отобрали у крестьян в Старом Селе.

На завтра есть работа. На поляну пойдут ребята. А мы пойдем встречать подводы крестьян деревни Сторонка. Им немцы приказали привезти сено и жито на станцию Ясень. Жители Сторонки просят помочь им избавиться от нарихтовки.

13 августа.

Эффект удивительный. Катя, Райка и я около деревни Разуваевка сожгли три воза сена и два воза жита.

Теперь до немцев дойдет слух, что партизаны сожгли обоз, да и обозчикам от них досталось.

Не знает никто, что это все заранее было оговорено.

18 август.

Пришел отряд. Они два дня вели бой с батальоном Березина. Есть же сволочи… Весь батальон насчитывает более 2000 человек. И весь из наших военнопленных. И вот теперь они называют себя „русско-германская освободительная армия“. Не обидно драться с немцами, но со своими — ужасно.

22 августа.

Вчера на железной дороге Осиповичи-Бобруйск Новиков, Монахов, я и Гусаков взорвали воинский эшелон.

27 августа.

Вчера всем отрядом были в гостях у Лешки. Общими силами устроили концерт. Вечером разъезжали по деревням с песнями.

Совсем забыли, что мы в тылу и что идет война.

Не всегда же нам грустить?

10 сентября.

Ужасное известие. Вчера окало Ставищ убиты Шейн, Трифонов и Василенко. Жители показали немцам, где они были. Так Ставимом не пройдет. У нас закон: кровь за кровь и смерть за смерть.

12 сентября.

Сегодня мстили за погибших товарищей. Сожгли Ставище дотла. Население все от мала до велика расстреляли. Разгромили полустанок Деревцы. Двоих полицейских взяли в плен. Гришин, Романов и Граф резали их. Мучительнее их смерти вряд ли можно будет увидеть.

16 сентября.

Неужели счастье улыбается нам? Решили идти на отдых в Москву. Скоро я увижу своих, моего дорогого Леву. Холодно при мысли, а что, если он не любит меня. Даже страшно идти на родину.

18 сентября.

Все воодушевились. За три дня прошли 200 километров. Уже форсировали Свислочь. Скоро Березина, Днепр, а там почти дома.

Вчера Петька был очень удивлен, когда увидел, что я курю. Я уже курила больше месяца, и неужели он не видел? Решительно восстал против этого. Бьет по губам.

А мне интересно, как он злится.

Все равно буду курить. Брошу лишь тогда, когда будет против Лева.

19 сентября.

Боже мой! Мы остаемся в тылу. Не видать мне ни Москвы, ни родных, ни моего милого.

Вчера, в Маковье, где мы остановились отдыхать,

пришел отряд „Гастелло“, перешедший фронт 20 августа. Сообщили нам, что выход запрещен. Чтоб им всем пусто было. Так хочется попасть домой, хотя бы на часик. Катя целый день плачет. Боюсь, что я тоже не выдержу.

29 сентября.

Две ночи подряд принимали груз с сопровождающими. Вчера двое ребят. Сегодня трое.

Лапин при прыжке повис на березе.

Обрезал стропы и ушиб об пень спину. Еле привела его в чувство, сделала массаж и компрессы.

30 сентября.

С 20-го числа Катя и я занимались организацией агентурной сети в городе Осиповичи. Талька, Червень, Свислочь, Липень и Лагюк. Связных уже много. Но эта работа надоела. Сегодня группы идут на железную дорогу. Буду проситься и я.

10 октября.

Только что пришли с задания.

2-го октября взорвали эшелон.

Охрана на железной дороге усиленная, так что пришлось подрывать шнуром. Очень опасно, но интересно рвать шнуром. Заряд кладешь, когда состав от тебя метров в 200, и сидишь в 30 метрах от полотна. Только что паровоз подошел к заряду, дергаешь шнур и беги. А через тебя уже летят шпалы, рельсы. 6 октября встретили отряд Лукина. Они предложит нам участвовать в большой операции. 8 октября лукинцы взорвали с боем железнодорожный мост через реку Талька. Мы подрывали жел. — дор. полотно на расстоянии 5 километров от моста.

14 октября.

Пришла группа, с которой ходила Катя. Привели

пленного немца. Иоганс Гашко. По-русски говорит плохо, но мне кажется что-то не так, т. к. по лицу вижу, что он нас понимает хорошо.

18 октября.

Отряд ушел на операцию. Остались я, Новиков, Петька, Жорка, Катя и Ганс. Я и Катя ходим за ним по пятам. Он учит нас говорить и петь песни. Очень учтивый немец. Рассказал, что он с 1910 года. У него жена, мать и двое детей в Кенигсберге. Показал их фото. Что-то очень интересуется Петькой. Вертится во время его работы. С Новиковым говорит по-английски.

26 октября.

Вчера жители Маковец рассказали, что он расспрашивал, где есть гарнизоны и как туда идти.

Новиков мне и Кате приказал его расстрелять. Но с нами послали Жорку. Гансу не сказали, куда и зачем идем. Всю дорогу пели песни. Хотели подстрелить его сзади, но он нас все вперед пропускал, говоря, что у них фрау идет впереди.

Зашли в болото. Приказали раздеться. Начал плакать, говоря, что у него киндер. Стал подходить ко мне с карточкой, но Катя нажала курок. Осечка. Между курком и пулей попала цепочка от обоймы. Ганс побежал. Более ста метров мы гнались за ним по болоту. 15 ран нанесли и только на 16-й упал и назвал нас гадинами.

27 октября.

Пришла какая-то радиограмма. Новиков что-то стал задумчив. Днем уехал с Жоркой, обещал ночью вернуться. Петька целый день шифрует, ну а мы — мечтаем. Ударились в прошлое, о будущем говорить не хочу. Оно и так для всех ясно. Вчера я Ганса, а завтра меня какой-нибудь Курт. Всю ночь разговаривала с Петькой. Узнала, что сообщили в радиограмме. Девушкам велят устроиться на работу в городе. Скоро

придется расстаться с ребятами.

Трудно будет одной среди врагов. Один взгляд может выдать… А там мученья и смерть. Смерти не боюсь, помучает одно. Не хочу доставаться им девушкой. Как я жалею об одной ночи.

Лева, зачем ты не взял меня тогда? Лучше уж отдаться бы любимому, чем какому-то немцу, да, может, еще и старику.

Боже, как тяжело. Хочется плакать, и нет слез.

Хочется умереть, но… задание. Я вдаюсь в малодушие.

Нет, Маша, не падай духом. Первым тебя возьмет не немец. Я твердо решила. Думаю, что Петька не будет против.

Что же не едет Новиков? Нужно было бы поговорить с ним.

Мама, родная моя, перенесу ли я все, что ждет меня впереди?

Голова горит, хочется одного — избавиться от всего — но это будет смерть.

30 октября.

Вчера приехали Новиков и Жорка, но поговорить не удалось. Петьке рассказали, как думаю поступить.

Он предлагает расписаться и жить.

Обещал поговорить с Новиковым.

ро между нами будет большая, большая стена, а за ней будет зиять пропасть.

Лева, дорогой мой, самый любимый, самый хороший, как тяжело! Что же нет слез?

Хоть бы выплакаться, может, станет легче. Скоро Машка Солнцева совсем исчезнет.

Останется пока лишь Маша, а там Мария Степанова, а может, и той не будет.

6 ноября.

Пришла радиограмма, сообщающая, что капитану Новикову присвоено звание майора и награда вторым орденом Боевого Красного Знамени. В честь праздника он всех отпустил гулять в деревню.

В лагере остался сам, мы с Петькой да еще несколько бойцов.

Будем слушать доклад т. Сталина.

9 ноября.

Новиков, Петька, Тельпугов, Жорка, Малевич и я начали строить землянку в лесу, недалеко от деревни Полядки.

10 ноября.

Вчера расписались. Прежней Машки нет, остались лишь одни воспоминания.

То, что перенесла в первую брачную ночь, трудно описать… Это у меня останется в памяти навсегда. Хожу как больная.

Петька не отходит от меня ни на шаг. Сейчас он передает в Москву сведения по работе.

Связные доставляют важные сведения. Ему работы очень и очень много. Решил обучать меня шифровке. Не хочет, чтобы я шла в город.

Новиков его уважает и сам предложил сделать меня его вторым помощником. Если это сбудется, я останусь при отряде и даже не буду участвовать в боях.

17 ноября.

Землянка готова, уже привезли стол и доски на кровати. Чувствую себя очень плохо.

6 декабря.

Все уехали в деревню Погорелое выручать молодежь, которую немцы забирают в Германию.

Лежу больная крупозным воспалением легких. Температура все время 39,9. Два дня лежала в бреду с температурой 41,3. Все время, как рассказал Петька, просила его вынуть из сердца камень или убить. Боже, неужели тот камень так и останется на всю жизнь?

Курить не дают, холодной воды тоже.

Немного курю и вдоволь пью, когда в землянке майор.

К Петьке привыкла. Если долго не вижу, то как-то жутко становится.

9 декабря.

Сегодня переехали в деревню Лозовая, так как к землянкам было несколько следов со стороны железной дороги.

Чувствую себя хорошо, только есть еще небольшая слабость. Решила бросить курить.

12 декабря.

Романов, Тельпугов, Малевич, Катя и я расстреляли семью шпиона Пальчука в деревне Лозовая.

Нашли много погребов. Все их добро раздали населению.

В деревне меня называют доктором… Часто приезжают на подводах и увозят к больным.

Мне положительно везет. Все мои больные скоро выздоравливают. Мой авторитет растет. Привозят мне водку, масло, яйца, молоко. Ребята смеются и молят, чтобы было больше больных. К Новому году надо собрать побольше водки. Вся надежда на меня. Мне ни в чем не отказывают ни в одном доме.

20 декабря.

Вчера ездила в Гроздянку. И кто только сообщил, что я лечу больных? Больной — маленький мальчик… Ну, среди маленьких я чувствую себя хорошо. Все детские болезни знаю превосходно. Почему я так люблю детей, особенно грудных и только начавших ходить?

Петька тоже очень любит детей, но грудных терпеть не может. Все советует вырастить партизана, но нет, пока не хочу этого.

Сейчас я не боюсь умереть. Если погибну, то Петька перенесет все это и скоро будет новая жена… Но дитя…

Ради него мне придется беречь и себя, следовательно, не ходить на задания. А разве я сюда летела, чтобы растить кадры? Я так переживаю, что меня сейчас никуда не посылают.

Даже обидно, когда Катя возвращается с боя, а я не была там.

22 декабря.

Наши ребята творят чудеса.

Опять были из бригады Сорокина с жалобой на постоянную стрельбу. Да, уж пострелять все наши любят. Помню, как один раз мы с Катей обстреляли лагерь 5-й бригады. Все свои доспехи даже оставили в лесу. Потом два дня не выходили из болот.

Среди партизан есть приказ: за один выстрел сажать в яму, за три — расстрел.

Вероятно, скоро нас всех перестреляют.

29 декабря.

27-го вечером все наши были пьяны. На ногах никто не держался. На вечер не пошли я и Катя. Справляли в Полядках.

Весь день ходили злые. Ни с кем не разговаривали. Даже Митька и тот назвал нас — бабами.

Дело в том, что 26-го Лапин, Михайлов и Чернов в деревне Маковье подрались с лукинцами. Их хотели арестовать, но они уехали, пустив несколько очередей вдоль улицы. Мы с Катей требовали, чтобы майор дал им выговор. В конце концов, эта ерунда надоела. Из-за нескольких человек ложится пятно на весь отряд. Ну, все и разозлились, что мы идем против своих.

Никто не стал с нами разговаривать, и мы заперлись в доме.

На вечер 27-го получили приглашение только от майора, ребята даже не зашли. Я отказалась. Катя не поехала тоже.

Не хотел ехать и Петька, но мы его спровадили. Опять вдались в прежние мечты. Вдруг в 19.00 приехал связной из бригады с пакетом к майору. Мы с Катей поехали в Палядки.

Оказывается, приехал уполномоченный из Главштаба партизанского движения и требует майора и радиста на собрание в 21 час. Решили послать нас, так как майор и все пьяны. Комиссар написал донесение, что Новиков с группой ушел на задание, радист в 22.00 будет работать и посылают второго номера радиста.

С Катей ездили на собрание в бригаду. Нам прочли приказ, что отряд вливается в бригаду.

Нам совсем это не нравится, чувствовать себя в подчинении местных властей мы не привыкли.

Ночью приехали в Палядки. Рассказали все… Решили смотаться в другой район.

28-го на двадцати четырех подводах выехали из Лозовой и Полядок.

Железную дорогу переезжали в 22 часа.

В то время как проезжал наш обоз, шли встречные поезда.

Две подводы не успели переехать и чуть оглоблями не уперлись в вагоны.

Когда мы подъезжали к железной дороге, то охрана сбежала из блиндажа, и мы проехали без боя. А когда отъехали полкилометра, были выстрелы.

Остановились в Старых Тарасовичах.

Сегодня было собрание отряда. Наша группа хочет уйти опять за железку, видно, испугались здесь жить, ведь от нас кругом километров на 5–7 гарнизоны. Ну и что ж? Скатертью дорога. Я со своей группой все равно не уеду. Петька все время спрашивает, уеду ли я с группой. Просит меня остаться с группой Новикова. Я и сама решила с ним остаться навсегда. Тем более сейчас много работы и он один не справится с нею.

Да, в нашей группе не такие ребята, как у Новикова.

Новиковцы стараются жить там, откуда недалеко ходить на железную дорогу. А нашим нравится в партизанском тылу, там много девчат, каждый день вечера.

Нет, я останусь с Новиковым.

30 декабря.

Наша группа уехала. Сегодня я, Петька, Катя, Лебедев и Палевой поедем к группе Репина и Васильева. Путь длинен, придется ехать 340 км. Нас с Катей майор

не хотел пускать, но Петька без меня не едет, а я без Кати.

Как ни спорили ребята, но все же едем мы. Очень хотели ехать Митя и Граф. Вся их обида обрушилась на меня. Они говорят, что я командую Петькой, а он, дурак, слушается. Отчасти верно. Все, что я хочу, бывает по-моему. Он дошел до того, что не может быть без меня и час. Даже если надо работать утром, то будит меня, чтобы я спала около станции. Глупенький. Разве я что-нибудь себе позволю? Для меня сейчас никого нет, кроме тебя.

6 января 1943 года.

Мамулька, милая моя, как я несчастна. Всю неделю плачу. Лебедев Вася не отходит ни на шаг от меня, не говоря уж о Кате. Гранаты, пистолет и автомат отобрали. Все ребята следят. А так хочется быть одной! Что мне делать? Скорее бы умереть. Какая бы ни была смерть, но лишь бы только была.

Страшно подумать, что я одна.

Нет моего Петьки, так зачем же и мне жить? Петя, вместе с тобой ушли последние мои радости.

Вечером 30 декабря выехали из Старых Тарасовичей. Ночью остановились в деревне Макаровка.

Утром деревню заняли немцы. Дом наш был окружен. Нам было предложено сдаться, но мы ответили огнем. В окна стреляли, бросали гранаты. Мы стояли в сенях. Решили бежать. Петька выскочил первый и тут же около двери был убит.

Кажется, я тогда потеряла разум. Бросилась с криками к нему. Он был еще жив. Последний раз назвал меня своей Машей. Два глубоких вздоха, и нет моего Петьки. Помню, как подбежали Петька и Катя и оттащили от него обратно в дом. Если бы не они, меня бы тоже не было. Едва вбежала в дверь, как по тому месту, где я была, открыли сильный огонь. Зачем они меня спасли?! Лучше бы погибнуть вместе.

Саша спросил, согласны ли мы погибать вместе или сдадимся? Нет, этого не будет, лучше смерть. Они убили мою жизнь, и я отдамся им добровольно? Пока есть пули, отобьюсь, а там для себя всегда есть граната.

Патроны вышли, бросили четыре гранаты. Немцы разбежались, в это время мы выползли из дома и скоро были в лесу. Когда бежала по полю, разбила колено. Идти совсем не могла, тащилась за Катей, автомат нес Петька.

Не узнав, что сделали с телом Петьки, решила не уходить. Сидели в лесу, но скоро нас заметили ехавшие по лесу финны и обстреляли. Пришлось идти до дому.

В тот день одно горе за другим. Около Слуцкого шоссе сидели более пяти часов. Перейти шоссе было невозможно, так как население вырубало лес около шоссе под охраной немцев и полицейских. Когда работу кончили, то в 20 метрах от нас проезжали и проходили немцы. И как только они обнаружили! Все четверо сидели за двумя березками и кажется, все смотрели на нас. Но хорошо, что только казалось.

На Варшавском шоссе наткнулись на пост. Еле ушли.

До наших оставалось 15 километров. Но я уже не могла идти. Дотащили до Белой, до отряда оставалось 6 километров. Саша и Петя оставили нас в доме лесника, а сами ушли, обещали прислать подводу. Ночью слышали в лесу стрельбу. В 4 часа лесничиха попросила нас уйти. Она выходила на улицу и слышала какие-то голоса. Огородами вышли на канаву и пошли в Тарасовичи. Заблудились и бродили до 10 часов утра, пока не набрели на наши секреты. Оказывается, ребят, которые выехали за нами, в лесу обстреляли. Хорошо, что мы с Катей позабыли дорогу лесом и пошли канавой, а то бы угодили прямо им в лапы.

Все ходят меня утешать. Петька говорит, что тезка был его братом, теперь я буду его сестрой.

14 января.

Были в засаде около Сторонки. Бой длился минут 7, потом мы отошли.

По 4 января трое суток были тревоги. Спали в шубах и в сапогах. Лошади были оседланы. Спало всего несколько человек, остальные на постах и в секретах.

Ночью мы с Катей ушли. Пришли в лагерь, а там никого нет. В условленном месте нашли записку.

Отряд переехал в Копоткевичский район.

Разыскали ребят в деревне Доброва.

6 февраля.

Отряд уехал на задание. В деревне остались часовые, я да больные сыпным тифом Репин, Чернов, Уткин, Саша.

Опять напал жар. И Катя ушла, даже душу отвести не с кем.

18 февраля.

Отряд приехал… 12 суток я почти не спала. Уже в глазах мелькают точки, если сажусь, то сразу начинаю дремать.

Температура 39,9. Меня сменила Райка. Все думают, что я заболела тоже тифом.

25 февраля.

Как хорошо, что было просто переутомление. Просилась на задание, вероятно, завтра уйду с группой на железку.

27 февраля.

Вчера я, Полевой, Люнизов, Коровин, Нарзилов, Афанасьев, Михайлов и Подколзин не сумели взорвать эшелон. Сильная охрана, около стоят полицейские, и между столбами ходит немец с собакой.

Сколько радости было при встрече — описать трудно.

Разговорам не было конца. Рассказала о Балахонове. Николай начал тут же передавать это в центр.

У ребят много нового. Они расстреляли Бородина и Денисенко.

Бородин от самогона сошел с ума. Дошел до того, что стрелял по своим. Когда пришел слух, что мы арестованы, то накинулся на майора, будто бы нарочно послал нас на смерть.

Толика расстреляли за половое разложение.

Говорят, во время расстрела Анатолий крикнул: „Майор, простите!“

Водили нас на их могилу.

Как-то жалко товарищей, ведь они москвичи. Сгубила их водка.

В отряде решили отправить всех нас на аэродром, оттуда в Москву на лечение и отдых. Отправили обеих на посадочную площадку. Но как видно, судьба опять против нас. Целый месяц шли дожди, и самолеты только сбрасывали груз, а посадку не делали. Раны зажили. Катя почти владеет своей рукой, и мы уехали в отряд. Сегодня прибыли в Дуброву. Все на нас орут, почему мы не стали ждать самолета. А вдруг да и совсем их не будет, а отряд уедет в любую минуту… Так что лучше уж быть со своими, чем работать в другом отряде. Чувствую себя плохо. Гортанью идет кровь. Есть предположение заболевания туберкулезом.

25 мая.

Вчера выехали из Дубровы. Едем в Пуховичский район. Всего ехать более 300 км. Проехали всего еще 32 км. Сейчас затишье. Будем здесь ночевать.

Сегодня был у нас с Катей один случай, получили выговор от майора.

Нам нужна была картошка, варить обед. Хозяйка, где нас в доме остановилось 17 человек, сказала, что напротив у старухи много крупной картошки. Пошли просить. Не дает. Пришлось бабку поставить в угол, и Катя влезла в подпол.

Старуха за ней. Катя набрала ковш крупной картошки и стала вылезать. Она ее не пускает, та ее отпихнула, вылезла, закрыла крышку и ушла, оставив старуху в подвале. Ну и крику было потом на всю деревню.

12 июня.

Сегодня на пути своего следования сделали налет на полустанок Деревцы. Сейчас остановились в лесу около Медович. Год тому назад в этом лесу я приземлилась со своей группой. Идет слух среди партизан, что группа Сенина погибла вся.

18 июня.

Прибыли в Пуховичский район. Остановились в лесу окало Бютеня, на берегу Птичи. Правда, что Птичь зовут партизанской рекой. Где только ни были, и всюду она течет. В ее болотистых берегах партизаны спасают свою жизнь.

21 июня.

Вчера не удалось взорвать эшелон. Ходили я, Файзиев, Володин, Медведев, Киселев, Луковников и Суров.

Нам последнее время положительно не везет. А тут еще идут радиограмма за радиограммой — требуют при взрыве доставать документы, чтобы узнавать номера частей, едущих на фронт. Ну и безголовые сидят в Центре! Неужели они не знают, что как только взрыв, мы бежим сломя голову от железки. Минута задержки, и ты уже окружен. Вот бы сюда того, кто пишет радиограммы.

22 июля.

Вот уже около месяца нет связных от Русакова, который с группой ушел в Осиповичский район. Хотят послать нас узнать, в чем дело.

Ребята говорят, что мы совершенно засиделись и прогулка в 120 км нас немного разомнет.

Собственно говоря, идти не очень опасно! Надо пройти всего километров 30 опасного пути, и то около железной дороги.

6 августа.

Пришли со связи. Еле разыскали отряд, который переехал под Тальку. Немного размялись, да и побегали.

В ночь на 24 июля, при переходе через железную дорогу, наткнулись на засаду, но удрали, хотя и посидели трошки в болоте.

Были в гостях у отряда Самсонова. Все удивлены, как это мы идем вдвоем на задание. У них девчат полно,

но все работают на кухне. Некоторые ни разу не слышали боевых выстрелов. Все девчата нам завидуют. У них нет даже винтовок, не говоря о личном оружии. А мы одеты по форме: ремней и портупей полно, пистолеты и вдобавок автоматы.

Вместе с несколькими партизанами в ночь на 28 июля перешли железную дорогу. Переходили на переезде. 29-го утром разыскали Русакова.

Они еще ничего не сделали, от связных нет сведений, поэтому решили пока к нам людей не посылать.

1-го августа с группой ходили на засаду на Варшавское шоссе. Подбили легковую машину, но трофеи не взяли, так как сзади шла колонна. Обстреляли колонну. Сожгли 7 автомашин и ушли. 2-го августа с группой и бригадой Кашуры взорвали полотно жел. дор. Слуцк — Осиповичи на расстоянии 10 км.

Если не удастся пустить под откос эшелон, то решили парализовать дорогу.

Начали работать в 10 часов и работали до 5 часов утра. Вывинтили почти все шпалы, полотно взорвали через метр. После работы пошли в отряд.

Ребята думали, что мы попались, так как мы сообщили, что нарвались на засаду.

Приятно чувствовать, что о тебе волнуются.

Когда подходили к лагерю, то все вскочили с криком: „Девки идут!“ Сашка даже расцеловал нас.

А иногда даже путно и не назовут. Иногда называют такими незаслуженными именами!

31 августа.

Вот я ранена вновь и опять в ту же ногу. 28-го разгромили полустанок Деревцы. Трофеи большие. Нагрузили 13 подвод.

30-го в поле нас заметил самолет и обстрелял. Улетел, но вскоре появилось 5 самолетов. Мы ехали лесом. Начали бомбить, и осколками бомб я ранена в ногу. Ранено трое: я, Новиков и Михайлов. Новиков в живот, Петька в плечо — осколком вырвало правую лопатку.

Нас будут отправлять в Москву.

Скоро я увижу своих родных и, может быть, Леву. Но

мне почему-то страшно встречаться с ним.

Жалко Катюшу. Трудно ей будет без меня. Райка такая лентяйка, ведь она ни разу не готовила и не стирала.

Катя просит, чтобы я быстрее возвращалась в отряд.

Такое состояние, что хочется домой, но и из отряда уезжать неохота. Ведь так все свыклись, как братья и сестры стали. Все как-то мило обращаются со мной, просят писать и прилетать опять в их отряд.

1 сентября.

Сейчас идет приготовление к прощальному завтраку. Сегодня уедем. Быть может, я никогда не увижу этих дорогих ребят. Даже Райка и та трет картошку, мне не дала ничего делать. Писем у меня уже уйма. Все просят сообщить их родным. Память о всех вас я сохраню навсегда. Ведь многим из вас я обязана жизнью.

7 сентября.

Прибыли на площадку. Ехали шесть суток. Прощание было трогательным. Катя рыдала как ребенок. Мне не верится, что, может, сегодня ночью я буду в Москве.

Странно как-то…

Что-то меня пугает.

По дороге на аэродром проезжали много отрядов. Сколько друзей! С некоторыми увижусь после войны, а некоторые погибнут.

10 сентября.

С 10 часов вечера выезжаем на аэродром и сидим там до 3-х часов ночи.

Отправляющихся в Москву много. Рассчитано на три машины. Мы летим с первой посадкой. Всею нас 10 человек из нашего отряда. И мы и наши сопровождающие каждый вечер бываем пьяные. Все прощаемся, но самолета пока нет.

16 сентября.

Вот уже сутки, как я на родной земле. Сколько радости, слез при встрече.

В ночь на 15-е самолет сделал посадку. В 0 час 23 мин покинули Белоруссию. Летели через Новгород-Северский, Орел. Новгород-Северский весь горел. За 30 км до линии фронта нас стали обстреливать. Фронт перелетели на высоте 3700 м. Посадку сделали в Монино. Из нашего отряда летели трое: майор Новиков, я и Михайлов Петр. Я и Новиков в госпиталь не поехали, а вызвали из Москвы машину. Нас отвезли в Москву, в Генштаб. Новиков куда-то уехал, а я в 17 час 00 мин получила разрешение идти на ночь домой.

Подходя к дому, так волновалась. Квартира была заперта. Вышла тетя Маня, сказала, что папа и мама уехали в Серпухов. Настя на работе, Коленька спит, а ключ в окне. Открыв квартиру, вошла. Все так, как было, кажется, я только вчера была дома. Разбудила Коленьку. Несколько минут он протирал глаза, думал, что еще спит. Согрела воды. Я стала мыться. Вошла Настя, бросилась ко мне, и я долго не могла ее от себя оторвать, так рыдала, думала, что не успокоится.

Решили сразу не показываться папе и маме. В 21 час они постучались. Я спряталась. Когда они вошли, то Настя сказала, что от меня есть известие. Мама заплакала. Коленька не вытерпел и велел мне выйти. Так все плакали, даже папа. А у меня хоть бы слезинка. Неужели я потеряла все чувства? Даже эта радость встречи и то не вызвала слез.

Папа и мама разрешили курить и все, что я хочу делать, лишь бы была теперь с ними и не уезжала больше. Всю ночь мама подходила ко мне, не веря, что это я.

Сегодня ездила в Генштаб армии. Получила все гражданское и отпуск до завтра.

Мама плачет и говорит, чтобы я не ездила больше никуда.

Они никак не поймут, что я только в первый день службы числилась добровольцем, а теперь военнообязанная.

Разослала все письма, которые дали ребята.

Послала письмо в Баку.

18 сентября.

Сегодня ночью прибыла в Мало-Ярославец. На вокзале встретил меня командир Р.О.[193] штаба Западного фронта. Отвезли на частную квартиру. Утром был врач, вынул осколок и велел полежать несколько дней. Новиков где-то в деревне. Но узнал, что я приехала, и просится, чтобы его перевезли в город. Был у меня старшина, привез продукты.

22 сентября.

Новиков перешел ко мне на квартиру. Нам дали работу. 20-го майор заполнил наградной лист. Представил меня к награде орденом Красной Звезды.

Вот уже третий день пишем отчет. Сейчас он ушел в штаб. Как только кончим работу, то, вероятно, дадут отпуск.

Думаю, что, когда приеду домой, будет уже письмо от Левиных родных.

Я знаю, что между ним и мной ничего не может быть больше товарищеских отношений. Но думаю о нем все больше и больше. Убедилась в том, что первую любовь никогда не забудешь. Скоро буду в Москве, быть может, получу от него письмо. Так хочется прочесть слово привета от любимою, но с другой стороны, я чего-то боюсь.

28 сентября.

Завтра едем с майором в Москву. Уже получили документы и отпуск на месяц.

Что-то тянет в Москву, может быть, есть что-нибудь от Льва.

30 сентября.

Увы, мои надежды не оправдались. Писем много, но того нет. Майор пока будет у меня дома. Все рады возвращению, а я нет. Лучше бы мне погибнуть там. Здесь, я знаю, буду переносить больше мучений.

1 октября.

Ездила в Главное управление разведки. Встретила много старых знакомых. Как-то радостно встречать старых боевых друзей. Вспомнили все свои проказы в части, наряды вне очереди, занятия „строевой подготовкой“ в „Колизее“.

Обещали заезжать домой.

2 октября.

Сегодня были из редакции „Правда“. Написала очерк. Надо бы съездить в Генштаб, но какая-то лень.

Вчера ездили смотреть „Чио-Чио-сан“, но я после первого действия ушла. Новиков и Настя тоже со мной поехали, хотя и разозлились.

Такое настроение, что никуда не хочется идти, никого не хочется видеть, быть одной-одной.

4 октября.

С Аэропорта проводили Репина. Полетел в отряд. Отправила с ним письма нашим.

Завтра Новиков ложится в госпиталь на операцию.

11 октября.

Совсем закружилась.

Журналисты замучили. Часто вызывают в Генштаб армии.

Целыми днями пишу очерки. Новикову сделали операцию. Состояние паршивое. Каждый день езжу к нему в госпиталь. Даже к Нинке некогда сходить. А она, наверное, знает что-либо о Леве. Завтра с утра уйду из дома. Все так надоело.

13 октября.

11-го вечером ко мне приехали Серова Люба, Рябова Ира. Просидели часов до 11-ти.

Рассказали, что приехал Миша и 12-го в 12 часов дня будет в институте. 12-го в 9 часов уехала в Генштаб. Зашла в институт, встретила Надю и Мишу. Они шли из ЗАГСа, затащили на свадьбу и не отпустили домой.

Сегодня все трое писали письмо Леве.

Пока не знала его адреса, думала, что напишу много-много. Но когда села писать, даже не знала, с чего начать.

От них поехала в госпиталь. С майором просидела до 18 часов. Приехала домой. А тут целый переполох. Уехала в Генштаб и вторые сутки нет дома.

Уже думали, что я уехала куда-нибудь. Коленька уехал в госпиталь узнать у майора, была ли я у него и где меня искать. Как они за меня боятся. А я бы сейчас уехала с удовольствием.

Домой пришло письмо от Левиных родителей. Сообщают его адрес.

Теперь буду ждать его письма.

17 октября.

Я не знаю, что мне делать. Майор, кажется, сходит с ума. Сегодня приехала в госпиталь, а мне сестра говорит, что он настоял, чтобы его выписали. Пришлось ехать в Генштаб и брать машину. Привезла домой. Вечером приезжали Миша, Варя, Старосельский Виктор. Очень весело провели время.

Когда они уехали, долго разговаривали с майором.

Рассказал, что он давно меня любит, что не может без меня жить. Просит, чтобы я согласилась выйти за него замуж. Рассказала, что я люблю Леву. Рассказала, что никого не смогу полюбить, хотя и не жду ответной любви от Льва. Майор пока не требует любви. Он говорит, если только я к нему привыкну, впоследствии смогу полюбить.

30 октября.

Сегодня уезжаем в Смоленск. Так и не дождалась письма. Все эти дни старалась мало быть дома. С майором обращалась холодно.

Лева, зачем я тебя люблю? Как это мучительно — не быть любимой. Вот я и уезжаю, и наверное, не увидимся никогда.

Из Смоленска улечу на задание, а там маленькая надежда на жизнь.

2 ноября.

Прибыли в Смоленск. Поместили на квартиру одну. Будем жить под секретом. Якобы прибыла на строительство Смоленска. Здесь много власовцев. Привезли документы и продукты.

5 ноября.

Два дня сидела без дела. Живу на Рославском шоссе, недалеко КПП[194]. Каждую ночь ночуют красноармейцы, не успевшие до 21 часа выехать из города. Хождение здесь до 21 часа.

Хозяйка часто спрашивает, почему я не приступаю к работе и почему возят такие продукты.

Вчера целый день приставала к командиру части дать мне работу или увозить на день куда-нибудь.

Сегодня первый день выезжала с капитаном К. (Воронов) на передовую. Буду участвовать при допросе пленных.

7 ноября.

Вчера с 6 часов вечера началась бомбежка. Было около 30 самолетов. Всю ночь не спала. Целый день провела под Оршей, в Горках. Вручала подарки бойцам 85 гвардейской разведроты.

Домой приезжаю поздно, а иногда приходится уезжать и ночью.

20 ноября.

17-го была в Рудне, под Витебском. Пришло сообщение, что меня вызывают в Москву.

18-го в 9 часов выехали на машине. По дороге останавливались обедать в Козельске, а ужинать в Мало-Ярославце. Ночевали тоже в Мало-Ярославце.

19-го в 6 часов утра приехала домой. В 10 часов была на приеме у генерал-майора В. в Генштабе. Дали кое-какую работу. Сегодня из Генштаба зашла в институт, встретила Настю. Она сообщила, что Лева в Петровске.

Когда вижу Настю, то вспоминаются дни, проведенные в институте до войны.

Лева, зачем о тебе думаю? На днях читала одну книгу, и очень понравилось одно выражение: „На дубе — а дуб крепкое дерево — старые листья тогда отпадают, когда молодые начинают пробиваться“.

Точно то же случается со старой любовью в сильном сердце: она вымерла, но все еще держится, только другая, новая любовь может ее выжить. Почему же не так у меня? Кажется, была и новая любовь, но что же не проходит старая?

Если бы кто знал, как я от этого мучаюсь!

Так ждала письма от Левы, а его все нет и нет.

С тех пор, как послала ему письмо, прошло уже более месяца. Почему он не пишет? Неужели не хочет написать? Даже как товарищу по институту. А может быть, Миша прав. Когда я ему рассказала, что Лева знает, что я его люблю, то он ответил, что, возможно, он и не будет отвечать.

Завидую Насте. Искренне рада за Мишу. Ведь он давно уже любит Настеньку.

И почему я такая несчастная? Когда все вспоминаешь, то что-то давит на сердце. Бывают моменты, когда я никого не хочу видеть и только плачу и плачу.

30 декабря (число, видимо, ошибочно).

Получила письмо от майора. На днях приедет в Москву, но мне что-то не хочется с ним встречаться. Хоть бы на этих днях дали работу, чтобы целыми днями сидеть занятой. Я не знаю, что со мной сегодня. Голова моя путается, я готова упасть на колени и просить и умолять пощады. Но у кого? Последние дни все спрашивают, отчего я такая печальная. А я и не

подозревала, что у меня печальный вид. Я думаю, что это происходит от того, что я одна, все одна. Некому протянуть руку. Кто подходит ко мне, того не надобно, а кого бы хотела…

13 декабря.

Я все эти дни ничего не записывала в этой тетрадке, потому что не хотелось писать.

Я чувствовала, что бы ни написала — все будет не то, что у меня на душе.

Я счастлива. Мне сейчас легко-легко и только изредка немного грустно.

Я получила письмо от Левы. Если бы не больная нога, то я, наверное бы, заплясала.

Лева, ты не можешь себе представить, какая это для меня радость!

В последние дни чувствовала себя плохо. Из-за ноги уже не спала несколько ночей. Все же завтра поеду на операцию.

19 декабря.

14-го сделали операцию. Вынули три осколка. Сегодня уже хожу, хотя и прихрамываю.

Часто приезжали из Генштаба. Дали работу. Завтра поеду туда сама.

20 декабря.

Что им от меня надо? Зачем предлагают эту работу? Ведь они отлично знают, что нервы мои сильно расшатаны.

Теперь я поняла, почему они соглашаются во всем со мной, почему исполняют все мои прихоти. Им нужен проверенный опытный работник.

Хоть бы скорее увидеть Леву, а там мне ничего не надо. Тогда я соглашусь с ними.

21 декабря.

Приехали и увезли в дом НКО[195]. Оттуда выехали, и весь разговор был в меблированной квартире. Привезли нарочно, чтобы показать всю роскошь, если я только соглашусь. Предъявили кое-какие требования.

Что же делать. Пока буду стоять на своем.

Но мне сказали: или в школу, или на работу. В гражданскую не отпускают.

23 декабря.

О, счастье. Неужели я увижу Леву, моего дорогого, любимого Леву?

Сегодня получила открытку. Пишет, что числа 22-го будет в Москве. Жду его, но что-то боюсь встречи.

Мне стыдно будет смотреть ему в глаза.

Все эти дни буду жить надеждой на встречу. А вдруг он не приедет? Нет, не хочу и думать об этом.

Только бы увидеть. Ведь тогда вернется радость, счастье, вернется жизнь.

От дум болит голова.

Ведь встреча произойдет скоро, а там снова думы, мечты, страдание.

Лучше уж умереть.

К чему молодость, к чему я живу, зачем у меня душа, зачем все это?

Теперь осталось мне следить за уходящим днем и вечерней звездой, заблиставшей на западе, как за уходящей моей безотрадной юностью.

27 декабря.

Прошло пять дней, а Левы все нет. Наверное, не приедет. Вчера получила письмо от Полевого. Прислал свое фото. Все девчата мне завидуют, что он предлагает мне дружбу. Как многие сейчас добиваются у меня дружбы, встреч.

Но я не хочу никого. Мне бы только посмотреть на дорогого, любимого Леву, а там я снова бы уехала на задание.

Все эти дни ходила какая-то взволнованная. При каждом стуке в дверь неслась отпирать.

Но увы. Как тяжко ждать. Но что-то внутри говорит,

что я должна его скоро увидеть. Всякими путями стараюсь удержаться дома, хотя бы до Нового года.

А ведь меня могут ночью забрать — патруль, — так как нет соответствующих документов. В Генштабе требуют, чтобы я перешла на казарменное положение. Но это значит, что я не буду совсем дома, а если приедет Лева, то не увижу я его.

А все же после Нового года придется выехать.

16 января.

Все, что я пережила в эти дни, написать не могу. Кого ждала — приехал.

Но мне не легче. Все та же холодность. Я для него только друг. Я не знаю, что делать.

Хочется бежать и бежать. Но куда? Зачем? И какая от этого будет польза? А ведь я еще ничего не рассказала. Страшно, но все же завтра или на днях скажу.

Ведь я сама виновата, так надо и кару нести самой.

Вот уж совсем он тогда изменит обо мне мнение. Да и сейчас он уже смотрит не как раньше. В его взгляде я читаю упрек; что будет, когда узнает больше?

Как я порой жалею, что не погибла в тылу.

Как я сейчас хотела бы смерти.

20 января.

Кажется, что съезд заканчивает свою работу завтра. Сегодня были на приеме у Мишаковой. Как назло, все эти дни мало бываю дома. Так хочется откровенно поговорить с Левой. Ведь он еще ничего не знает. Завтра должна все рассказать».

14 июля

Решила снова вести дневник. Перечитала старое — несложная я натура, факт. С такой натурой нечего бороться.

Мы получили квартиру. Драмы в связи с этим[196].

Закончила книгу для ВОКСа[197] и перевод для Воениздата, — мало радости.

Теперь кисну и ничего не делаю. Те же слезы и, увы, все та же

надежда. Откуда у человека берется такой оптимизм? Вся Украина освобождена, мы уже заняли Вильно. Скоро пойдем по Германии, а я все надеюсь тебя увидеть.

Сегодня иду во французскую миссию. Илья в Вильно.

19 августа.

На новой квартире. Дом строили бабы, мужчины — воюют. Нужно много сделать. Разобрать книги, письма, рукописи.

Среди Бориных бумаг, случайно не сожженных Настей, я нашла письмо Бори первой его жене — Ирине Смирновой. Он рассказывал мне, как, женившись на этой балерине, размечтался о семейной жизни, о путешествиях с Ириной. Они прожили вместе месяца три. Она перевезла в его комнату свой шкаф, который забрала, когда они разошлись. Из его осторожных вопросов я поняла, как он боялся, что я не выдержу испытания путешествиями.

Почему-то я не ревновала его к Арише, хотя знала, что она красивая и Боря продолжает с нею видеться. От Бори я узнала, что Ариша вышла замуж за К. С., родила мальчика, который болел и вскоре умер. Боря его хоронил. За крошечным гробиком шел один Боря. Мальчик никому не был нужен, а бедный «жираф» его жалел. Борина доброта и благородство меня всегда поражали.

Привожу это письмо, которое, судя по всему, не было отправлено. Мне кажется, что оно очень характерно для Бори.

> «Странные знакомые учителя Шемякина
>
> Учитель жил у птичьего базара, возле темной персидской чайханы…
>
> Я написал это потому, что ты могла поглядеть на заглавие. Милая и любимая, лучшая из верблюжьих колючек. Совершилась ужасная вещь. Мне больно писать тебе это письмо. Я разрушаю свое счастье, которым я так гордился. Сегодня утром оно казалось совсем прочным. Так вот зачем я затащил тебя в Ташкент и мечтал показать тебе Среднюю Азию. Она встретила нас, ощетинившись — морозами, метелями. Нас не приняли гостиницы, перед нашим приездом воды прорвали плотины. День нашего приезда оказался 13 число и понедельник. Ариша — так вот в чем дело. Я все стараюсь оттянуть болтовней эти слова. Вот — весь этот зловещий набор примет предвещал мне, оказывается, только то, что по дороге на почту я остановлюсь возле

фонаря и прочту твое письмо к К. С. Вот, мышонок, произошла банальная коллизия. Мне казалось, что я никогда, ни за что не обману тебя, и я знаю, что больше не обману, но, подходя к почтамту, я остановился и вытащил твое письмо из конверта. Прочти дальше. Я пошел купить хлеб и не знал, что делать. Вот, выяснилось. Вы хотите стать любовницей К. С. Вы все время со мной вспоминаете его, и он Вам вдвойне близок.

Вы не вышли замуж за него, чтобы не испортить ему жизнь, и даже жалкая слава называться Иудой в очках выпала ему, а не мне, Ариша моя, я хорошо знаю, на что иду в этом письме, может быть, я никогда уже не смогу написать „моя“.

Мне очень плохо, хотя я и становлюсь на беллетристические ходули. Все это старо, как жизнь, и очень смешно, что каждому из нас приходится повторять все с начала. Ты, наверное, будешь возмущена, перестанешь со мной говорить или, наоборот, скажешь, что теперь все кончено, что мне больше не веришь, что единственное, что у тебя было ко мне, это доверие.

Иришка, ты дала мне письмо, оно было к Семину, оно было почти не заклеено, только самым кончиком. После я раскрыл и другие письма, но не стал их читать, мне, правда, было очень плохо; мне плохо и трудно сейчас. Потом я заклеил письма и отправил их. Подумаем о том, как нам быть. Я тебя люблю, и ничего не изменилось у меня, но, может быть, изменится у тебя. Обманывать тебя и заставлять снова лгать лицемерными расспросами я не хочу и не могу. Ты сейчас пишешь письмо, нежное письмо. Что ж, если ты захочешь уйти, мы сделаем так, чтобы о тебе дурно не говорили. Не надо только, чтобы ты стала относиться ко мне, как относятся к мужьям в мещанских браках, — с недоверием и тайным презрением, я не смог бы жить. Посмотрим друг на друга открытыми глазами. Мне дорого обошелся этот камерный опыт бесчестности. Иуда в очках — это все-таки я. Но теперь поздно. Скрыть нельзя, это значит начать лгать тебе. Я не хочу зарывать в основание нашего брака ложь. Ариша, я так и не рассказал тебе, что Тамерлан зарывал при закладке самаркандских мечетей живого человека. Погиб мой „Бедекер“[198], который я готовил для тебя в уме.

Я был счастлив. Я никогда не мечтал о таком

счастье, милом, замечательном, с тобой. Я сам все разбиваю, может быть. Ты хотела вести великолепную политику, милый маленький Меттерних[199], ты хотела вести отношения с людьми, как шкипер ведет корабль, и лавировать среди угловатых рифов-мужчин так, чтобы посетить все необитаемые острова, всех приветить и обласкать. Аришенька, так нельзя. Жили-были старик да старуха — это я. У них была золотая рыбка — это Вы. Мышка пробежала, хвостиком махнула и т. д. И вот я снова у разбитого корыта. Мое счастье кончится вместе с тобой, я твердо знаю, что с твоим уходом начнутся все несчастья. Выйдем сейчас на улицу. Если ты захочешь, мы все устроим, и денежные дела, и с билетом, а я останусь в Ташкенте. Комната останется тебе. Я переведусь в Ташкент. Я даю тебе слово, что я это сделаю, если нужно.

Есть еще выход, но не знаю, возможен ли он. Улыбнись мне, девочка, и будем жить вместе. Я только боюсь, что мы будем, как льдины две половинки — с одной на другую не перейти. Поступим, как хорошие дети. Не повторим тухлую историю миллионов предков. Пусть не смеются над нами хвостатые дедушки и бабушки. Мы ошибались. Я ошибался, начиная с поездки, вместо новых впечатлений я окунул тебя в жалкий быт. Я думал, что ты вместе со мной будешь любить Самарканд, Памир, но я нашел настоящую женщину, хорошую, умную, необыкновенную. И ты ошиблась. Я просто близорукий жираф. Я такой же глупый верблюд, как и все остальные. Дорогая моя колючка. Выбери второй выход, все будет хорошо, и мы проживем долгую счастливую жизнь. Но я смело гляжу и на первый. Я не предам и не покину. Видишь — жираф стал бывшим жирафом».

20 августа

В Варшавском лагере убивали паром. При каждом рассказе я вижу Борю. Паром… Наверное, я слон, если я могу зрительно увидеть Борю и после этого есть, смеяться, думать о чулках.

Мне здесь неуютно. Даже хуже, чем в Лаврушинском. Там я была у себя и все-таки с ним. Я типичная истеричка…

28 августа.

За это время взяли Париж. Взяли сами французы. У нас замалчивают. Илья поет «Марсельезу». Я вспомнила все, вплоть до запахов, которые бывают только там. Какая же у меня ломаная жизнь — вся из кусочков, хороших и очень плохих. Думаю, что у всего моего поколения.

Объявили о взятии Тульча. Каждый день по два салюта. Румыния вышла из войны.

Ольга хочет рожать. Таня тоже. Вчера был футбол — многотысячная толпа сходила с ума, будто нет войны.

Во мне есть еврейское свойство — находить, что все плохо. Но ужасно, когда оно оправдано. Да, почти для каждого еврея — это сейчас так.

Приближается сентябрь. Будет три года. Сколько за это время могло быть счастья!

Я ездила в Литву для Молодежного комитета. Написала несколько очерков, среди них о чудесной литовской девушке Нине Чижининкайте.

В поезде я познакомилась с Витке Кемпнер, бывшей партизанкой из Вильно. Она мне рассказала о восстании в Вильнюсском гетто, о литовских партизанах. Так что даже в поезде я собрала много материала. В Москве буду писать. Живу в роскошной квартире, куда меня пригласила Витке — это бывшая квартира какого-то министра. Такого великолепия я никогда не видела и, наверное, не увижу. Сейчас здесь живут бывшие партизаны, и беспорядок чудовищный. Но насколько я вижу, в отличие от советских ничего не разворовано. Да и куда, и зачем? Они все бездомные. Витке — студентка Варшавского университета. Они с братом бежали в Вильно. Когда и Вильно заняли немцы, их заставили переселиться в гетто. У Витке светлые волосы и серые глаза. Она не похожа на еврейку. Ей достали арийский паспорт, и она перебралась в город. В гетто начала действовать подпольная организация, и Витке, надев звезду[200], выполняла разные задания. Брата Витке послали в Варшаву, но обратно он не пришел. Витке осталась одна на свете.

В Вильно: желтое большое здание — университет. Здесь учился Мицкевич[201]. Узенькие улочки и Кафедральная площадь. Красивый город.

На двери квартиры надпись: «Занято партизанами!» При немцах здесь жил уполномоченный по поставкам. Временный хозяин бежал. Он забыл шубу на обезьяньем меху и многое другое. Переписка с Берлином, накладные. Я пробовала понять, что немцы вывозили из Литвы: хлеб, масло, сало, овес… На столах упакованные сервизы — их не успели увезти. Партизаны живут в двух комнатах, откуда они выволокли в остальные все,

что напоминает бывшего хозяина. В кабинете висит его портрет — пожилой усатый человек. У большого белого собора на Кафедральной площади, выложенной серыми плитами, утром и вечером собираются жители Вильно: послушать сводку. Здесь установлены радиорупоры. За площадью парк. Замковая гора, наверху развалины замка легендарного героя Гедиминаса.

В Вильно я пошла в «малое гетто». Развалины. Здесь было убито 15 тысяч человек. Так мне сказали. Я видела старинную синагогу, она была построена наполовину под землей. Я спустилась по широкой лестнице: на полу валялись молитвенники, битое стекло. Пахло гарью. Причудливые львы из серого камня, которые не должны быть похожи на львов. В стене шкаф для Торы. Кто-то мне говорил, что в нем один еврей просидел неделю, а потом незаметно выбрался из города.

Весь этот материал никому не нужен. Пусть останется для меня. Или для потомства.

Из Вильно я поехала в Каунас.

По дороге мы остановились в брошенном лагере смерти. Аккуратно подготовлены для отправки: гора женских волос — светлых, темных, седых, куча детской обуви, гора челюстей и т. д. Обо всем этом я слышала, знала, и все же увидеть собственными глазами — другое впечатление. Казалось, что волосы, игрушки, челюсти еще теплые. Наверное, этого нельзя забыть. Неужели и Боря?..

В Каунасе я встретила своих давнишних знакомых, вернее, часть из них. По улице, по мостовой шли, весело распевая, французские летчики из эскадрильи «Нормандия-Неман»[202]. Пожалуй, то было единственное положительное, что я увидела в этом городке, который мне показался, в отличие от Вильно, некрасивым, невзрачным.

Была у матери Нины Чижининкайте, видела ее сестру Альдоне. Мать отдала мне все письма Нины, а вот фотографию — только паспортную. Нина была веселой и жизнерадостной девочкой, которая любила пирожные, танцы. Ей было 17 лет, когда началась война. Мать ничего не знала о подпольной деятельности старшей дочери. Нина приносила еду и штатскую одежду нашим военнопленным, помогая им бежать. Она бралась за все, доставала квартиры, оружие, боеприпасы. Нина, уже будучи арестованной, просила сестренку ничего не говорить матери. Тон был бодрый, то ли Нина щадила Альдоне, то ли сама не верила, что ее убьют. Записки она бросала в условленном месте, когда их гнали на работу. Беляускас, товарищ Нины, чудом спасшийся из 9-го форта, рассказал мне: «12 октября 42-го года нам долго не давали утреннюю баланду, не вели копать

картофель, и мы поняли, что сегодня будет день расстрела. Мы сгрудились у окна и увидели, как вывели во двор несколько человек, я узнал сестер Волвичуте, Мишу Брезгалова и Нину».

В путеводителе по Каунасу сказано: «9-ый форт расположен в 6-ти километрах от города. Это железобетонное крепостное сооружение». Я вошла в длинный коридор форта, по сторонам которого расположены бывшие казематы, превращенные немцами в камеры, окна которых выходили во двор, где смертников раздевали перед расстрелом. На полу камер валялись банки, куски одежды, затоптанные семейные фотографии. На сводчатом потолке выцарапана надпись: «5–44 г. Партия 100 человек расстреляна». На нарах, на стенах, внутри ящиков, куда заключенные клали свои вещи, выцарапанные гвоздиком, кирпичом надписи на разных языках: на французском, немецком, русском, итальянском, и даже одна на латинском. Часть из них я списала: «Павел Татариус 10 июля 1944 г. был приговорен к смерти. 10 июля 1944 г. приговор осуществлен», «Рязанская обл., Трубечковский район, с. Мокрое Вялкина Мария Захаровна сообщите пожалуйста что я расстрелян Вялкин А. В. за побег из лагеря», «Макеев Гаджи Магометович 1912 г. рожд. Кавказ Дагестан Азахский район сел. Шанкра 5/VIII 44 г. прибыл. Прошу сообщить Ковно Японская № 108 Кардашевой Яне или Яновская 228 Баркуеву Алеку расстрелян». «Оллинтер Симон Ульман Карл вывезен из Дранси 15/V 44 г. прибыли в Каунас 18/V 44 г.», «Пункус Лионель Альмоли прибыли из Дранси/Париж/18 мая 1944 г.», «А. Шпицберг прибыл 23 мая 1944 г. куда дальше?», «Сюда 5 французов были вывезены из Дранси/Франция/15 мая 1944 г. прибыли 19 мая 1944 г. Да здравствует Франция», рядом нарисована статуя Свободы. «Поль Лаботт род. 26/8 12 г. вывезен из Дранси /Франция/ прибыл в Каунас 18/V 44 г. Выбыл 23/V Надеюсь достичь Северного полюса», «5/VI 44 г. партия 100 чел, расстреляна», «Прошу сообщить Матюшов, Желин, Беспалов Ст. 1907 г. рожд. 5/VI 44 г. расстреляны Рогол. обл. Кайдан, уезд, дер. Ушловки», «Видимо Литва родина моя Дон Базилио», календарь на 3 месяца, пейзаж — домик и на озере лебеди и лодка. Я пошла по полю, глина местами потрескалась, может быть, в тех местах, где лежали трупы. Мне сказали, что было 14 рвов длиной в 150–200 метров. Всего в 9-ом форте убито более 70 тысяч человек. Валялись козырек от фуражки, дамский ботик, детский череп. В 1941 году сюда свозили военнопленных, только одна надпись сохранилась с того времени, в темном углу, под нарами: «Ленинградская обл. г. Боровичи Опечанский район Вихров Кузьма Дмитрович 16/8 41 г.».

Из Каунасского гетто 28 сентября 1941 г. расстреляли 11

тысяч евреев.

Когда я вернулась в Москву, у нас временно находилась Фаня[203] — ее должны были устроить в детдом. Глядя на меня, она заплакала. Она говорит на белорусско-польском языке. Оказывается, она меня жалела, что я такая худая. У нее очень печальные глаза. В Литве я такого нагляделась, что решила взять тринадцатилетнюю Фаню и забыть об Оле[204]. Квартира маленькая. Спим с Фаней в одной кровати. Ей что-то снится, и она дерется. Не высыпаюсь.

Мир волнует поведение Англии и Греции[205]. Речь Черчилля о греческих делах, где он сказал, что демократия не завоевывается с оружием в руках. Мы не высказываемся по этому поводу: из-за Польши[206].

10 декабря.

Годовщина свадьбы будет четвертый раз без тебя. Увидела твой почерк и вспомнила пальцы. Давно не слушала твоего голоса — берегу пластинку, все равно слышу. Боже мой, сколько это может длиться?

15 декабря.

Масса событий, и почти все хорошие. Приезд де Голля и подписание пакта[207]. Ночь подписания по радио: «Волга» и «Если война». Пьяный Бидо[208] на вокзале, его будили и говорили, чтобы он надел брюки и т. д.

Белка и Женя[209] живы. Я поплакала, но не могла вспомнить, как я этого ждала. Видно, сердце очень устало.

25 декабря.

Работать трудно, Фаня живет со мной в комнате. Я редко могу сосредоточиться, подумать.

Блоки и Торезы улетели в Париж[210].

Спокойной ночи, и прости меня, что я не с тобой.

В городе разговоры о встрече Нового года.

Вчера видела «Бэмби». Очень хорошо.

Светский прощальный прием у Гарро. У моего прибора «мадам Ирэн».

У инженеров авиазавода Нина пила коньяк банками, потом

там же спала.

Отнесла в комиссионный костюм Бори, получу 3800 рублей. Грустно, зато выберусь из безденежья.

«Красная звезда», может быть, куда-нибудь командирует.

Фаня очень старается. Она упорная. Учу с нею греческую мифологию, впервые в жизни.

Мы подходим к Берлину. Союзники не двигаются. Илья едет через три дня в Пруссию. Был салют, вошли в Бранденбургскую провинцию.

Фаня рассказала о себе. Она жила в Дубровицах. Их вывели из гетто (где они все, от мала до велика, вязали теплые вещи для германской армии) на площадь, на которой стояли пулеметы. Отец крикнул: «Бежим!», — но мать от ужаса не могла сдвинуться, а обе сестры Фани повисли на ней. Фаня мчалась за отцом через какие-то огороды до самого леса. Спасшихся оказалось несколько человек. Отец отвел девочку на хутор к знакомому сапожнику, который покупал у него кожу. Отец Фани был кошерным мясником[211]. Два его сына, как полагается в еврейской семье, учились в городе, в Ровно. Их судьба неизвестна, но мне кажется, что их нет в живых[212]. Отец ее был убит бендеровцами.

У Ины умирает отец.

Гема: «Если я сейчас поеду директором фронтовой группы, не поздно?» Хочет прийти в Берлин. Теперь все хотят. Как с партизанами: перед победой все в партизанах оказались.

Скоро мне 34 года, страшная цифра, близко к 40. А что позади? А что впереди?

Немцы наступают в Бельгии.

На «Алых парусах»: завидовала Фане — она впервые была в театре. Было много американских и французских летчиков. Толпа ужасная, плохо одетая и некрасивая.

Нет денег, нет своей комнаты.

1945 год

3 января.

Не писала ни в день свадьбы, ни на Новый год. В наш день ездила в Лавруху, там паутина, сырость и мрак. Мама спекла пирог. Нина купила пирожные. Было 11 лет. Так и идет. Никогда не думала, что так сильно мое чувство. Новый год ночевала у Ины. Встречали вдвоем. Было мило и грустно. Дома встречали старшие: Таировы[213], Лидины и т. д.

Вчера разговаривала с французским евреем, убежавшим из Майданека. Типичный француз из бистро, очень мне понравился, но писать о нем довольно бессмысленно, Майданен «устарел». Вообще все устарело.

Гостит Гриша, у него роман с Валей Барнет.

Фаня ходит на елки, полный восторг, восприятие мира, как бывает в 8 лет.

Напечатан мой очерк в «Красной звезде». Ну и что? Ничего. Скоро поеду от них в Одессу.

Немцы в Бельгии все-таки остановлены. Но союзники требуют от нас 2-го фронта[214]. Гитлер в новогоднем приказе упомянул Илью как «сталинского еврея».

В Москве идет с успехом «Мадемуазель Нитуш». Еще модны собольи пелерины. Под Новый год творилось безумие — всем хотелось встречать: елки и жратва. Видимо, люди соскучились по «хорошей жизни», а война так далеко. На улицах разговоры о пирогах, о складчинах по 500 рублей. Кирсановы заплатили пай по 1000 рублей. В Доме кино тоже 1000 рублей.

А у меня денег нет, нужно лечить зубы, давать маме, в хозяйство, купить штаны, шапку, туфли. И все это действительно нужно.

10 января.

Сегодня утром неудачи: «Информбюро» не выписали деньги, в Литфонде дают бумагу, но пришла не в тот час. Холодно. Сейчас придет какой-то бывший пленный. Может быть, буду о нем писать. Даже на хронике мало работы. Завтра получу 4900 рублей, из них военный налог — 1900 р., 1000 р. — Любе, 400 р. маме недодала, 130 р. долг, и ничего в будущем. 1-го снова маме, 10-го Любе и т. д. Надо что-нибудь продать.

21 января.

Последние три дня беспрерывно салюты: в южной Пруссии, в Силезии, взяли наконец-то Варшаву, в Чехословакии — Копицы. Илья собирается ехать на фронт на автомобиле, это 1200 км. Была Ара из Белостока, поляки стреляют в наших, девушки-связистки беременеют, любовные проблемы. Перевела «Предсмертные письма» французов[215]. От Беллы письмо. Малик[216] жива. Радио сообщило: в Париже нет электричества, нет топлива, нет еды. Теперь и там узнают войну. «Красная

звезда» предлагает послать меня, куда я выберу. Но у них всюду корреспонденты, и получше меня.

28 января.

Вчера рождение Ильи, в гостях Савы. У Сорокиных: «Наши в Пруссии сажают детей на штыки». У Гарро видела мужа и жену из Парижа. Рассказывают, что банка молока стоит 100–200 франков. Детям до года дают молоко. Нет угля, электричества, газа, почти не ходят поезда. В Париже голодают, в кафе только пиво.

Илья говорит исключительно о своем отъезде в Пруссию.

Наступление продолжается. В Москве разговоры: «До Берлина?»

1 марта.

Вчера Илья уехал в Пруссию.

Мне очень одиноко. Сейчас Уголек лег в кресло: вознаграждение мне за то, что я его приласкала, а ему хочется к Любе, там гости. Позвонила вдруг Софа. Лева на фронте.

Боренька!

5 марта.

Еду в Одессу встречать пароход с нашими репатриантами.

30 марта.

В поезде в Одессу мой сосед по полке, полковник, оказался антисемитом, который, не закрывая рта, хвастался тем, что получил какое-то количество орденов, что только чисто русские могут так хорошо воевать, а вот евреи отсиживаются в тылу. Я с ним не вступала в разговор, но раз не выдержала и поплакала в вонючей уборной.

Одессу я заочно любила: она была так хорошо описана, да и много моих знакомых писателей были родом из нее. Город оказался совсем другим, чем я его себе представляла. На вокзале — нет вокзала. Встречающие плачут, истерически кричат: «Ой, Женя, Женя!» На площади бублики, семечки и извозчики! Поход по гостиницам. «Лондонская» многозначительно: «Для гостей».

Каких?! Пошла к военному коменданту, шутки с отдаванием чести, развод патрулей и засекреченный в бумажке пароль. Прибыл эшелон с больными. Комендант: «Знаем этих одесситов!» После того как третий раз доложили, что больные заразные, комендант дал разрешение.

Дул холодный ветер, море неприветливо. Мертвый порт, темные улицы, электростанция взорвана, всюду очереди. Веселое беспечное население недовольно приходом советских войск: при румынах — частная торговля, было полно товаров, а какая мануфактура! Евреев они, правда, расстреляли, но сделали это под нажимом немца, а сами никому зла не желали. И за хлебом не надо было стоять в очередях. Поместили меня в гостинице «Красная». Вечером рассказ горничной: «Румынки изящные, чудесно одетые. Наши сразу переняли моду, завили надо лбом кудряшки. Румынки наших презирали, а их мужчины жили с нашими девушками. Мало кто из девушек не путался. У моей соседки родилась хорошенькая девочка от румына. Жили или спекуляцией, или работали на румын. Я шила кофточки и продавала их на рынке. Евреев не трогали сначала, загнали в гетто, но оттуда многие спаслись. Когда взорвалось Энкаведе, то 30 человек повесили у вокзала, и долго они висели. Базар был замечательный, сидит баба, а рядом стопки яркого ситца по 60 марок. Такого мы и не видели».

Дали талон на баню, здесь я впервые за неделю разделась. Обнаружила, что за неделю, проведенную в нетопленой Одессе, у меня завелись платяные вши. В гостинице: нет отопления, нет воды, нет света. А пароход все не прибывает, и никто не знает, когда его ждать. Швейцар в старой форме рассказывает, как ездил в Палестину: «Есть мне нечего было, жить негде, на работу не берут. Ночь провел в городском сквере. Утром прямо со скамейки, где ночевал, сорвал несколько апельсинов и позавтракал».

В ожидании парохода ходила на бывший завод им. Марти. Там идет расчистка цехов. С моей точки зрения, это груда развалин, но, оказывается, два цеха уже работают, хотя они без крыш. Немцы вошли в Одессу недели за две до того, как Красная Армия отбила ее, и то ли ими, то ли во время боев город был разрушен. До немцев здесь были румыны, и Одессу освободили 11 апреля, а 12-го началась расчистка завода. Страшные развалины: пустые коробки цехов, неровные, изгрызенные стены, груда кирпича, изогнутые балки перекрытий, у берега какие-то суда, всюду кучи известки и кое-где струйки дыма — завод горел. В первую очередь восстановили литейный цех, и он до сих пор функционирует без крыши. Я думаю, что в первую очередь на кирпичной стене написали лозунг: «Из пепла и развалин

восстановим завод». Разве у нас можно без лозунга! Одной из бригад девушек руководит Аня Бельская. Энергичная девушка, но строителям очень трудно — нет материала. Наконец военный комендант сообщил мне, что пароход ожидают сегодня, и дал пропуск в порт.

В пустынном порту пришвартовался огромный пароход, везший из Ливерпуля наших репатриантов. Посторонних не пускали, встречала группа в военном и штатском и несколько журналистов. В Москве мне говорили: «Бывшие пленные, сходя с парохода, будут целовать русскую землю». Ну, во-первых, порт напоминает свалку металлолома, хотя могли бы убрать ржавые, покореженные балки и трубы, во-вторых, долго-долго не спускали трап. Потом, наконец, появились бывшие пленные. Они почти все были в беретах, в костюмах или в свитерах. Ни одного сияющего лица. На площади состоялся короткий митинг. Репатрианты, сходя с парохода, держали красные флаги, портреты Сталина, маршалов. И еще два транспаранта: «Здравствуй, Родина» и «Спасибо Сталину». Видимо, уже на пароходе их разбили на роты, и после короткой речи члена Совета одесского округа, который приветствовал прибывших, они, построившись, маршем отправились в бывшее пехотное училище. Там они проходили медицинскую комиссию, давали объяснения — как они оказались в немецком плену и почему попали во французские партизанские отряды. Мне дали пропуск в это училище на следующий день. Выделили комнатку, где я беседовала с бывшими франтирерами. Им казалось, что я могу повлиять на их дальнейшую судьбу — каждый из них приносил мне подарки: эрзац-шоколад, немецкие сигареты и т. д. Я их просила рассказать о себе и объясняла, что я всего-навсего корреспондент и им ничего не угрожает. Среди всех прибывших оказался один еврей. Он спасся тем, что работал переводчиком в немецком лагере. «Благодаря своей работе я смог не только помочь многим нашим заключенным, но устроить побег группы, в которую входил». Он говорил правду, я ему посоветовала не признаваться, что он был переводчиком. «На всякий случай». Ночью этот инженер из Харькова повесился. Была большая группа из Тильзита, которых немцы привезли во Францию, в Руан. У всех была на одежде красная буква «Р». Им удалось бежать, часть из них попала в «МАКИ»[217] — они показывали мне документы, выданные им: «Шесть месяцев в МАКИ. Преданный общему делу боец» — было написано по-французски. Думаю, что для военной переподготовки, через которую они должны пройти, эти бумажки недействительны. А бывшие франтиреры мечтали о том дне, когда они попадут на родную землю.

Мне особенно понравились братья Плохотные, их отец погиб во время Гражданской войны, один из братьев, Василий, пал в эту войну, защищая Ростов, Афанасий был ранен под Севастополем, бежал, нашел партизанский отряд, которым командовал Калашников, куда пошел и младший брат, Михаил. Оба были схвачены эсэсовцами. В конце концов они оказались в Бухенвальде — интернациональном лагере, а оттуда отправлены были во Францию. Снова бежали. Афанасий, не зная французского языка, нашел партизанский отряд Робера Леблана и вместе с франтирерами сражался против немцев, не веря, что он наконец увидит своих близких. Я взяла адрес Афанасия Плохотного, чтобы сообщить его жене, что он и младший брат живы, что я и сделала. Почему им было запрещено написать своим? Для меня это тайна. Все та же конспирация. У меня исписано три блокнота рассказами репатриантов. Не выходит из головы еврей, покончивший жизнь самоубийством — на следующую ночь после разговора со мной. Неужели я виновата? Нет, просто он ожидал другого приема на родине, а выжить еврею — запрещено.

На следующий день я была в санатории, куда поселили освобожденных Красной Армией из немецких лагерей французских, бельгийских и американских военнопленных. Там я увидела счастливые лица — они собирались плыть на том же пароходе к себе на родину. Они пели, свистели, смеялись, жестикулировали, один американец подражал саксофону, другой стучал по консервной банке, третий бил кастрюльными крышками, изображая литавры. Все же мне удалось расспросить двух французов об их пребывании в немецких лагерях. Небо и земля. Они-то были защищены Красным Крестом…

Рано утром по улицам Одессы пошли колонны иностранных пленных. Они шагали с оркестром и пели — каждая колонна на своем языке. Они были подтянуты, ботинки начищены, формы отутюжены, когда они успели — не поняла. Навстречу им шли пленные немцы под конвоем. Они несли обгоревшие бревна. Немцы испуганно посмотрели на сопровождающих их красноармейцев, но бывшие пленные французы ничего им не сказали, только громче запели «Марсельезу».

31 марта.

Не могу забыть Одессу. Написала несколько очерков. Часть для «Красной звезды». Они были сильно покорежены, переделаны фамилии бывших партизан. Понятно, они сейчас все сидят в

наших сибирских лагерях. От семьи братьев Плохотных получила письмо с благодарностью: только от меня узнали, что их мужья живы. Они до сих пор числятся «без вести пропавшими». Недаром они спускались с парохода на «родную землю» как арестанты.

Отдали радиоприемники[218]. Весь мир говорит о скором крахе Германии.

Союзники двигаются вовсю. Croisière a travers l'Allemagne[219]. Говорят, что кончится к 15 апреля или 1 мая. Леле заказали программу празднования конца войны. Мы от Берлина в 60 км, союзники — в 300-х. Теперь кто скорее дойдет. Союзники освобождают лагеря с нашими пленными. Об Одессе главное: не любят советских, вспоминают румын.

Мы расторгли договор с Японией. Видимо, потребовали союзники. Так что будет война с Японией.

В Москву приехали Тито и Черчилль.

Гостит Гриша.

Ина облучается, бритая, нервная. Ее безумно жаль. А я злющая. Тут еще неизвестно, что делать с квартирой. Оказывается, в Лаврухе две комнаты остаются за мной. Фаня очень рада, да и я тоже. Мы с нею здесь не у себя дома.

Наш прожиточный минимум: 1000 р. маме, столько же Любе, 100 р. за квартиру, 200 р. табак, 100 р. мыло. Итого 2500 р. Для этого надо заработать 3500.

14 апреля.

Сегодня, открыв утром «Правду», я увидела на 1-ой странице огромными буквами: «Товарищ Эренбург упрощает» за подписью Александрова из ЦК, о том, что немецкий народ есть и что немцы кидают все силы на наш фронт, а не на запад, чтобы поссорить нас с союзниками.

Дома мрак. Уже в ТАССе на вечере Тито упоминаются Леонов, Тихонов, Симонов, а Ильи нет. Началось и пойдет… Это нам знакомо. Вчера умер Рузвельт. Москва в траурных флагах. Вчера взяли Вену. Идет снег и холодно.

Сельвинского послали в армейскую газету за то, что выступил с защитой символистов.

Фаня, придя из школы, спросила: «А Рузвельт коммунист?»

Союзники около самого Берлина, видно, войдут раньше нас. Из статьи об Илье ясно, что драться с союзниками мы не будем.

У меня опять плохо с деньгами: папа болен и туда нужны деньги. Кроме того, я без пальто. Надо что-то продать. У меня интересный материал о «рабынях»[220], но он никому не нужен.

19 апреля, 5 часов утра.

Слушаю радио. Париж. Дома полный мрак в связи со статьей Александрова. Мы ее передаем на Германию. Вообще на свете черт знает что. Начали грызться из-за Германии и Польши. Англичане впервые увидели зверства немцев по отношению к нам и пришли в ужас.

Вчера видела «Китай в огне»; все знакомое и не действует. Особенно исход.

Меня преследует мысль — подойти к окну и шагнуть в пространство, иногда эта мысль кажется упоительной. Останавливает чувство долга. Неужели оно от деда-немца?

Все время слушаю радио: наркоз и отупение. Встаю утром с ощущением катастрофы. Очень хочется устроить наших. Тупой взгляд Ильи, полное отсутствие интереса ко всему, нежелание ничего есть, за исключением укропа[221]… смакует все, что вокруг этого события. Написал Сталину письмо и ждет. Мне его страшно жалко, но честно говоря, бывают вещи настолько страшнее.

21 апреля.

Одного еврея спросили, как он относится к советской власти? «Как к жене: немного боюсь, немного люблю, немного хочу чего-то другого».

Идет наше наступление на Берлин.

22 апреля.

Сегодня наши войска вошли в предместья Берлина. Подписали пакт с люблинским польским правительством. Теперь начнется. Молотов еще не прибыл в Вашингтон. Илья совсем опустился. От Беллы телеграмма — наша единственная радость. Дома похоронное настроение.

В Брюсселе запретили газету: она напечатала статью о солидарности с немецким народом. А вообще мир сходит с ума, идет дележ, вылезло все дерьмо. Браззавиль выступил против «Свободной Германии». Москва ждет 1 мая. В Мосторге весенний базар, дорого, но покупают.

23 апреля.

Вчера наши вошли в Берлин. Взято 20 кварталов. Берлин под обстрелом. Горит, идет окружение. Соединение русских и американцев ожидается у Дрездена.

Была на хронике, готовим «Освенцим»: 7 тонн женских волос, гора челюстей, гора очков…

Дома по-прежнему и даже хуже. Илья тупо смотрит в стенку, отвечает умирающим голосом. В квартире тихо и невыносимо тяжело. Обсуждение вопросов, которых раньше не было. Это не первый раз. Тут я себя чувствую мудрой — прошла хорошую школу. Теперь надо суметь на все наплевать и работать. Это трудно. Нужно написать для французского радио о восстановлении Одессы и сделать материал рабынь.

25 апреля.

По Тверской пошли автобусы: конец войны. Сегодня открывается в Сан-Франциско конференция.

26 апреля.

Письмо от маминой сестры из Болгарии, просит, чтобы я боролась против алкоголизма. Дома удушающая атмосфера, ответа от Сталина нет. Нужно писать о восстановлении, а хочется о похоронах. Вчера продала книг на 150 рублей. Но что делать? Денег нет.

Москва готовится к 1 мая, все покупают бумажные цветы, моют окна. Merde![222]

27 апреля.

Соединение американцев, англичан и русских. Речи Сталина, Черчилля и Трумэна по московской сети. Муссолини будто бы схвачен, Петен вернулся во Францию. В Берлине продолжаются бои.

Илья написал статью, не дождавшись ответа.

У Фани фурункул на лице.

В Швейцарию бегут крысы.

28 апреля.

Гиммлер предложил мир американцам и англичанам. Нас боятся, те отвергли, а мы в газетах сегодня выразили благодарность союзникам.

Дома все усложняется.

2 мая.

События: Муссолини с любовницей убиты партизанами, их трупы были повешены вниз головой на бензоколонке в Милане. Итальянцы шли мимо и плевали на них. Вчера сообщения о смерти Гитлера. Лаваль и Деа[223] сегодня прилетели в Барселону, до этого Лаваль просился в Швейцарию. Петен сидит в тюрьме в Париже. Сегодня взят Берлин. Обыкновенный салют, и на улицах нет особенного оживления. Вчера слушала Париж: пели «Интернационал», в Ватикане впервые праздновали 1 мая.

Во Франции муниципальные выборы показали победу коммунистов.

Статью Ильи не взяли ни в «Красной звезде», ни на радио. Был полный мрак, но сейчас звонил Рыклин, чтобы Илья попробовал для «Правды».

Наташин день рождения. Ина в нарывах, Фаня в свинке. Я беспрерывно работаю или хожу по делам.

Победа на носу. Все очень устали.

В Сан-Франциско история с Аргентиной, думаю, что здесь подоплека польских дел. Молотов до конца конференции вылетает в Москву.

Москва одета в американские подарки или трофеи. 4-го будет новый заем. Сколько можно!

Снято затемнение. Снова видно, как живут люди. Савичи рассказали о семье напротив их окон: девочка превратилась в девушку, родился ребенок, женщина продолжает гладить на подоконнике.

3 мая.

Сегодня звонили Илье из радио, просили снова написать о Берлине. Может быть, перемена.

Эррио[224] прислал Илье записку с благодарностью за книгу.

Вчера весь север Италии сдался, это первая капитуляция. Ждем общей капитуляции не сегодня-завтра. Вот и наступает желанный всеми момент, а мне очень грустно.

5 мая.

Вчера капитулировали немцы в Голландии и Дании. Они сдаются частями и только союзникам. В будущем все мрачно — нелады с союзниками…

У Ильи требуют покаянной статьи. Он не будет ее писать. Идет дождь, серо и грустно. Вчера ходила на рынок, продавала Борино пальто и не продала.

Все готовятся к Пасхе. Ина в больнице, у нее рак, но она не знает.

7 мая.

Вчера опубликовано об аресте нами 16 поляков. В Сан-Франциско прекращены переговоры о польских делах. В Праге восстание. У Бальтерманцев разговор о посылках с трофеями. В Москве уже ходят анекдоты: такой-то прислал 15 кг чулок, и о мыле, в котором были спрятаны драгоценности.

Меня мучают с деньгами, работой, квартирой. Дождь и серо. На кинохронике предложили делать картину о помощи семьям фронтовиков. Леля о русских во Франции.

Была у Ины в больнице. Кормят плохо, но больница хорошая. Лежат главным образом раковые, т. е. смертники.

Сегодня в «Правде» снова Леонов, настала его пора.

Вчера была Пасха, в магазинах продавали куличи и пасхи, говорят, с «ХВ».

Хочется чего-то другого…

Португалия наконец-то порвала дипотношения с Германией.

8 мая.

Сегодня капитуляция Германии. Весь мир празднует. Париж кричит «Вив де Голль, и Сталин, и Черчилль», а у нас полная неизвестность — все ждали целый день, но дали три салюта по случаю взятия каких-то городов (Дрезден и в Чехии), но Сталин не говорил. Ждем в газетах, ждет население. В учреждениях готовы транспаранты. Опять неизвестность, мы в руках Сталина. Но, в общем, — конец. И я плачу. Я ждала и знала, что мне будет очень и очень больно. Боря не увидит… Я пожилая вдова, пожилая женщина. Зачем мне продолжать эту шлюху-жизнь? Напротив, на окне, горшок с цветами: красный с зелеными листьями — это мир. Я должна приучить себя к положению: все

будут счастливы; нет, знаю, что не все, но на остальных мне наплевать. Мне хочется еще капельку счастья, мне осточертело быть несчастной. Ну и свинья же ты, хоть задумайся, каково ему было умирать и как он умер. Нет, не могу поверить. Да, вымучайся сама, запрячь свое горе.

9 мая.

День Победы. Утром пошла в комиссионный — узнать, не продано ли пальто Бори. Нет. Слушала радио Парижа, в 4 часа выступил де Голль, кончил: «А! Вив ля Франс!» Потом слушала Черчилля. Пришел Мунблит, говорит о будущем, он шел к возлюбленной, а может быть, врал. Потом пришла Ида[225]. Ужинали Савичи. Сейчас Браззавиль передает марши. Не могу быть одна. Мне нужен мужчина. Но покупателя нет. Сейчас играют «Le Chant du depart»[226]. Вспоминала Габи, почему? Как все суетно…

11 мая.

День Победы, малой и большой. 8 мая мы нетерпеливо ждали. Европа праздновала, у нас — ничего. Подписано в Реймсе, но мы ждали, чтобы это было подписано в Берлине. И вот, наконец, в 2 часа десять минут радио объявило. На улицах всю ночь были песни и крики. Днем выступил пьяный Сталин. Фейерверк и пр. Видела много плачущих женщин. Я себя хорошо вела, но во вторую половину дня не выдержала: наконец до меня дошло. Сама того не зная, я надеялась. Он не вернется. Все кончено. Я сойду с ума. Попробую довести до своего сознания все, что произошло. Нет, не в силах.

Что было 9-го мая? Мы с Фаней и Угольком вышли на улицу. Я увидела, что Илью качают, я испугалась, что его уронят. У него было испуганное лицо. Меня кто-то целовал, обнимал, Фаню тоже. Какие-то незнакомые люди. Текло море, океан людей, многие плакали, все что-то кричали. Мы с Фаней пошли к Ольге и Теме, они живут рядом. Ольга строго сказала: «Вытирайте ноги!» Не такого приема мы ожидали, и мы ушли. Фаня то плакала, то улыбалась, я тоже. Мы попробовали пройти на Красную площадь, но густая толпа нам не дала. Мы тоже поздравляли, тоже целовали кого-то и тоже кричали: «Конец войны! Мир!» Залитые слезами, мы с Фаней вернулись домой. Илья уже пришел, а Люба смотрела на толпу с балкона. Вечером, к ужину, пришли Савы,

Лидины, Таировы и еще много народу. Пили за Победу. Илья молча улыбался. В толпе почти не было пьяных. Такое торжество, а Боря его не увидел.

14 мая.

Итак, мир. Люди еще не привыкли, все идет по-старому. В Англии сократили рацион. Идет борьба с Польшей. Там не признают нашего ареста 16 поляков, плюс австрийское правительство, плюс Триест, который Сталин хочет, чтобы был у Тито[227].

Сводка: прием пленных.

18 мая.

А мне уже все равно, май это или август. Идет дождь, и я довольна. В Европе Геринг обедал с англичанами и американцами, в газетах меню Геринга[228]. В некоторых местах англичане и американцы получили приказ отдавать честь немцам. Радио «Би-Би-Си» сообщает об этом с возмущением. В Бельгии все бурно, король Леопольд предпочел не возвращаться к себе на родину. Франция заняла какие-то куски Италии, «где говорят по-французски». Тито сидит в Триесте, а союзники пробуют его выжить. У нас польский вопрос и т. д., в общем — «драчка».

У Ильи то холодно, то жарко.

Ина вышла из больницы. Приехал Альтман, грустный. «Что теперь делать?» Этот вопрос возникает у многих. Возврата к старому нет. Люди стали другими.

Все, кто едет на Запад, навозят уйму барахла. Век крови, смешанной с барахлом. Альтман не привез ничего. Редкостно нравственный человек. Я ходила продавать костюм и туфли Бори, давали очень мало. Вернулась оплеванная. Надя флиртует, Ина толстеет. Может быть, ошибка? Ольга украла у продавца 27 рублей и рада. А ведь член партии!

19 мая.

Слушаю Париж. Рассказывают о гибели партизан и тут же о жизни Гитлера — со слов стенографиста, фюрер любил орехи и шоколад.

Люба и Илья ушли в Дом кино, там вечер Победы… У меня был Вайсберг, хочет заработать, написав о Боре. Взял у меня книги, фотографии и стал ухаживать.

Мечтаем с Фаней о переезде, о жизни вдвоем. В Лаврухе будет легче работать.

Мама купила домик в Истре за 10 тысяч, которые я получила за Борю. Илье телеграмма из Владивостока: будто Боря в лагере. Оказалось очередная утка, но сколько волнения!

Радио всего мира отвратительно!

Я должна ехать от ВОКСа в Киев или Таллинн.

Гостил Гриша, очень похож на Любу. Я устала от «семейной» жизни.

Мир занят тем, чтобы мы не получили атомной бомбы. По Лондону проехал первый автомобиль на атомной энергии.

Я позорно халтурю для радио, самой тошно, но нужны деньги и в большом количестве.

К Фане приехал человек от брата, брат едет в Палестину.

Сегодня генеральная «Золушка» с Улановой. Я иду. Зачем? Написала для радио об Аре. Удивительно бескорыстный человек. Моя встреча с ней под Гжатском, на переднем крае. Ее работа в госпитале. Гибель сына. С фронта вернулась с приемной дочкой — четырнадцатилетней полькой, капризной и кокетливой, которой она достает туалеты.

У Любы припадок, я не могу больше сочувствовать.

Был у нас Шапиро, типичные американские рассуждения «мы» и «вы». Пырьев привез грузовик барахла, подъехал ночью — стыдно.

Сегодня 72 года со дня рождения Барбюса[229], как сообщил сейчас Париж, о нем выступает Дюкло[230].

В мире беспокойно, говорят, что 1918 год не повторится, боятся, что повторится, и я боюсь.

Идет пленум Союза писателей, скучный и благопристойный. Говорят, что грусть неуместна. Тихонов пишет «облако грусти, закрывающее нам будущее».

Я бы очень хотела знать, живы ли в Париже мои друзья: Ив, Серж, Макс; о Жаке я знаю, что он погиб.

Меня утешает Фаня, я ее по-настоящему полюбила, хотя путь к любви был трудным, а это и понятно — ведь она почти сложившийся человек. Хорошая девочка, гораздо лучше, чем я была в ее годы. Абсолютно нет лживости, порочности, что часто свойственно этому возрасту. Надеюсь, что мы с нею не расстанемся.

Будем ли мы воевать с Японией — вот вопрос, который волнует всех, у кого родные в армии. Мир не чувствуется, так как

нет демобилизации.

Вчера выступал Молотов. Сталина не было на Красной площади. Молотов говорил об атомной энергии. 20-го будет процесс в Нюрнберге. Все едут туда. Илья в Югославии, Румынии, Венгрии. Восторженно писал о Румынии и Болгарии.

Я была от ВОКСа в Воронеже. Написала для ВОКСа несколько очерков, которые похвалили.

24 ноября.

В Нюрнберге процесс. Илья, видно, там.

Пулей в дом влетела похоронка,
И навзрыд заплакала вдова.

Но она по-прежнему в сомненье,
Верит в то, что муж ее живой.
Если б вышел он из окруженья,
Не осталась бы она вдовой.

Битвами издерганный, уставший,
Где ты? Без тебя проходят дни.
Для родных не без вести пропавший,
А живой, пока живут они[231].

Анкета, заполненная Ириной Эренбург в 1995 г. по просьбе одного из немецких журналов

— Что является для Вас самым большим несчастьем?

— Изгнанные собаки.

— Где вы желали бы проживать?

— В Москве.

— Что для вас совершенное земное счастье?

— Это могла бы быть долгая жизнь с моим мужем.

— Какие проступки Вы прощаете скорее всего?

— Все, кроме имеющих националистическую подоплеку.

— Ваши любимые литературные герои?

— Дон Кихот.

— Ваша любимая личность в истории?

— Нет таковой.

— Ваши любимые герои современности?

— Отличающиеся высоким профессионализмом в своей специальности.

— Ваши любимые женские образы в поэзии?

— Татьяна в «Евгении Онегине» Пушкина.

— Ваш любимый художник?

— Марке.

— Ваш любимый композитор?

— В музыке я не разбираюсь.

— Какие черты Вы цените больше всего у мужчины?

— Преданность и честность.

— Какие черты Вы цените больше всего у женщины?

— Смотри мужнину плюс откровенность.

— Ваша благодеятельность?

— Верность.

— Ваше любимое занятие?

— Работать, писать.

— Кем или чем Вы хотели бы быть?

— Психологом.

— Ваша главная характерная черта?

— Жизнерадостность. Оптимизм.

— Что Вы цените больше всего у Ваших друзей?

— Верность.

— Ваша самая большая ошибка?

— Разговорчивость.

— Ваша мечта о счастье?

— Вечная молодость, особенно теперь, когда в России так интересно.

— Что было бы для Вас самым большим несчастьем?

— Не мочь любить.

— Какой Вы хотели бы быть?

— Более работоспособной, чем теперь.

— Ваш любимый цвет?

— Серо-голубой.

— Ваш любимый цветок?

— Василек.

— Ваша любимая птица?

— Воробей.

— Ваш любимый писатель?

— Чехов.

— Ваш любимый поэт?

— Пушкин.

— Ваши герои современности?

— Сахаров и все, кто борется против фашизма.

— Ваши героини в истории?

— Александра Коллонтай.

— Ваши любимые имена?

— Ольга, Ирина, Маша, Борис.

— Что Вы ненавидите больше всего?

— Трусость.

— Какие исторические личности ненавидите больше всего?

— Гитлера, Сталина, Муссолини.

— Какими военными действиями Вы более всего восхищены?

— Нашей Победой во Второй мировой войне.

— Какую реформу Вы считаете самой важной?

— Отмену крепостного права.

— Каким врожденным даром Вы хотели бы обладать?

— Рисовать.

— Как бы Вы хотели умереть?

— Тихо, во сне.

— Ваше мировоззрение?

— Тревожное.

— Ваш девиз?

— Доброта остается высочайшей целью.

Письма

ПИСЬМА БОРИСА ЛАПИНА — ИРИНЕ ЭРЕНБУРГ ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ КОМАНДИРОВКИ НА ФРОНТ (Август — сентябрь, 1941)

Киев, 23 августа, ночью.

Моя любимая Иришка! Мы приехали сюда вчера, после 4-дневного тряского, пыльного путешествия. Опять — «Континенталь» на два дня, послезавтра утром едем на юг, в Черкасы, затем вернемся на день и отправимся в Чернигов и на Гомельское направление (или в другие места — мы известим тогда редакцию). В Киеве стало очень сложно со связью. По телефону, должно быть, говорить не удастся часто, поэтому ты не беспокойся. Очень грустно, что мы опять расстались и теперь долго не увидимся. На душе странно и тоскливо. Мы стараемся побольше работать. В Киеве мало что изменилось. Спят здесь спокойно, о «фугасках» и «зажигалках» знают только понаслышке. Передай И.Г., что машинка печатает хорошо, несмотря на всю дорожную тряску. Нежно тебя обнимаю и целую (эх ты, моя дурочка!). Будь здорова. Постарайся чаще гостить на даче, пока хорошая погода и лето. Попробуй напиши мне сегодня фототелеграмму, к нашему возвращению дойдет. Если позвонит мама Захара — скажи ей, что здоров, сидит на диете, передает привет. До свидания.

Твой Борис.

Киев, ночь на 2 сент. 1941 г.

Моя дорогая, пишу тебе из «Континенталя» под артиллерийский гул, какого я еще не слыхал, — непрерывный, без интервалов, как будто большая телега катится по булыжной мостовой. Гул приятный — это наши орудия бьют по немецким позициям. В Киеве все по-прежнему. Мы позавчера вернулись из поездки — мы довольно точно описываем ее в очерке, который послали сегодня. Предыдущий наш очерк о Киеве, очевидно, не понравился — что-то его не видно. Приехав, я застал твою фототелеграмму. Можешь представить, как я обрадовался! И тотчас же побежал отправлять ответ, но отсюда бильдов[232] не

принимают — только сюда. Напиши еще — м. б., к следующему приезду в Киев я получу. К сожалению, теперь, как видно, не придется нам так часто говорить по телефону, как прежде, но, м. б., все-таки это еще иногда удастся. Повсюду хорошо говорят о газетной работе Ильи Гр. — «писатель-боец» и пр. — Здесь его систематически перепечатывают, мы очень огорчались, что нас Орт. не послал в Ир.[233] — Мы писали бы оттуда хорошие корреспонденции и сейчас для газеты была бы польза, напр., серия очерков о герм, происках на Бл. Востоке. Интересно, послали ли Олега Эрберга. Почему-то мы думаем, что туда поедет Павленко, поскольку он в Москве. Завтра мы опять едем на неск. дней на фронт. Куда — еще не выбрали. География стала очень разнообразной. Крепко целую тебя и наших дорогих чернолапых. Сердечный привет Люб. Мих. и И. Гр. У меня остались милые воспоминания о наших утренних ужинах после бомбежки. Жене Бальтерманца скажи, что я видел его на днях — он ездит с кинооператором Кричевским и в скором времени собирается в Москву. Неужели негодяй Цветов не передал тебе моего письма?!.. Будь здорова, моя любимая жена, не унывай! Я помню тебя всякий час.

Твой Боря.

Пиш. машинка работает.

Если Карельштейн из «Комс. пр.», кот. везет это письмо, поедет обратно, пошли ответ через него. Но, во всяком случае, постарайся дать фототелеграмму.

Нежно еще раз целую.

2 сентября, 1941 г.

Моя дорогая! Только вчера написал тебе письмо, днем говорил с тобой по телефону и вот — пишу опять. Бальтерманц летит завтра в Москву и отвезет письмо. Будь здорова, моя любимая! В Киеве сегодня тихая ночь, артиллерии не слышно. Впрочем, к стрельбе здесь относятся только как к ряду звуковых эффектов — по городу пока не бьют. Жители чувствуют себя безумными храбрецами и не обращают внимания на артиллерию. Прочти наш последний очерк — это про переправу через Днепр, под Черкасами. Там было довольно интересно — не знаю, удалось ли нам передать обстановку. Сегодня мы занимаемся делом, кот. для нас труднее всего, — пишем т. н. «литературный портрет героя» — редакция требует, чтобы мы их обязательно делали. Мы завтра едем в одно любопытное место, а оттуда сразу в Киев (или, м. б., напишем очерк о поездке где-нибудь в дороге на обратном

пути и поедем на военный телеграф передавать — мы еще не знаем). Думаем быть в Киеве числа 6-го. Если мы срочно понадобимся — надо телеграфировать на два адреса: Олендеру[234] (там, где телеграф) и в Киев, в «Континенталь». Здесь на улице продают вареную кукурузу — представляешь, как я объедаюсь. Ведь это для меня, как арбуз, апельсины и виноград, и я ее ем также жадно. Крепко тебя целую, моя милая обезьянка Аришка. До свидания.

Твой Борис

У тебя очень трогательный голос по телефону. Целую тебя.

10 сент., 1941 г.

Моя дорогая! Последние 4 дня мы сидели в Киеве и выезжали в окрестности. Мы думаем дать несколько коротких военных корреспонденций о боях под Киевом, но редакция почему-то поручила это не нам, а Абрамову и Сиславскому, и они уже передали какой-то материал, и мы в результате написали короткий бледный очерк и тем ограничились. Мы очень недовольны работой последних дней: очерк о переправе не напечатан (переделывать его, как предложил Шифрин, мы не будем — там, где мы были, все изменилось!), «портрет» и так незавидный, страшно искажен и «стилистически» выправлен глупейшим образом, вставлены фразы, выброшены слова и т. д. Я не понял твоих слов о переезде туда, где Иосиф[235], — редакция нам об этом ни слова не говорит и не телеграфирует. Завтра на рассвете мы едем в Кременчуг (или, м. б., в Конотоп) — и там, и там интересно. Вернемся опять в Киев. Крепко тебя целую. Думаю о тебе каждый день и обнимаю тебя. Мы ездим весело. По дороге в машине сочиняем песни — журналистский фольклор. Я оч. огорчился за вас, прочитав о налете на Москву. Опять утренние ужины и бомбоубежище и пр.! Сегодня я постараюсь поговорить с тобой днем. Каждый разговор это подарок, т. к. телефонная связь очень плохая. Будь здорова. Привет Илье и Любе и хвостатым.

Боря.

Пишущая машинка работает, несмотря на сильную тряску.

ПЕРЕПИСКА ИРИНЫ ИЛЬИНИЧНЫ ЭРЕНБУРГ

Ирина Эренбург — литературоведу Александру Рубашкину

1

28/1 [1981]

Уважаемый Александр Ильич!

Спасибо за Ваше письмо, которое я получила именно 27/1. Жду статью. С комиссией: я не знаю, почему ввели Сидорова, Воробьева, Калашникову, почему выкинули Слуцкого и т. д. Но дело не в составе, пока Марков, Верченко и Озеров сказали, что печатать Эренбурга не будут, и письма в Союз писателей и в Госкомиздат Михалков отказывается подписывать. Вот какие огорчительные дела[236].

Бороться-то я буду, но…

Желаю Вам хорошего года.

С уважением, Ир. Эренбург.

2

16-го апреля [1984]

Уважаемый Александр Ильич!

Извините, что так долго не отвечала. О публикации в «Театре»[237] я ничего не знала. Это уже не в первый раз, когда мне не только не находят нужным сообщить, но и не присылают опубликованный материал. Что я могу сделать? Даже западные издательства поступают не лучше. Я не знаю, где что напечатано.

Стенограммы на вечере памяти Мейерхольда у меня нет, № «Театра» тоже нет. Если бы Вы могли мне прислать копию стенограммы, я была бы Вам очень признательна. Во всяком случае, большое спасибо за проявленное Вами возмущение — я полностью его разделяю. Кстати, в Вашем письме очень неразборчиво написана фамилия человека, к которому Вы советуете написать[238].

О том, что они могут «так издать и мемуары», не может быть и речи — они их зверски боятся и пока даже не хотят упоминания о них.

Еще раз спасибо.

Ваша Ир. Эренбург.

3

29/III [1987]

Уважаемый Александр Ильич!

Большое спасибо за «Звезду». Мне было очень интересно прочесть Ваши комментарии[239].

В ближайших номерах «Огонька»[240] должны пойти главы из

7-й части Л. Г. Ж.[241] В остальном ничего нового.

Желаю Вам всего хорошего.

Ир. Эренбург.

4

27 июля [1987]

Дорогой Александр Ильич!

Извините, что так поздно пишу Вам. Большое спасибо за Ваши статьи. Особенно за ту, которая напечатана в «Литературном обозрении»[242], она бесспорно много даст читателю, если он прочтет «Люди, годы, жизнь». После публикации в «Огоньке» «Советский писатель» собирается в 1989 году выпустить мемуары полностью. В «Огоньке» были произведены довольно большие купюры, после того как я подписала гранки № 24 и 25 и спокойно уехала отдыхать. Особенно пострадала еврейская глава. С собранием сочинений до сих пор ничего не решено.

Все Вам доброго.

Ир. Эренбург.

5

14 июля [1991]

Дорогой Александр Ильич!

Спасибо за вырезку, спасибо за то, что Вы ответили Сеземану[243]. Жаль, что в такой газете, но ничего не поделаешь. Я нашла, что Вы зря не написали насчет ссылки на «Л. Г. Ж.», ведь Эренбург не пишет, что он выгнал Цветаеву, а только что разговор не получился.

И. Г. всегда очень хорошо относился к Цветаевой, и в их отношениях виновата она, это бесспорно.

Еще раз спасибо.

Ваша Ир. Эренбург.

Р. Б. Получили ли Вы «Л.Г.Ж.»?[244]

6

Без даты [после июня 1995]

Дорогой Александр Ильич!

Большое спасибо за интереснейшую статью об отношениях

Цветаевой с Эренбургом[245]. Спасибо за защиту Эренбурга. Мне кажется, что Сеземан не заслужил, чтобы с ним спорить. Кроме того, я не нашла в Вашей статье упоминания об отличительной черте Эренбурга: он настолько ценил талант в искусстве, что никогда не обижался на талантливых поэтов, художников, писателей. Вспомним Гроссмана[246].

Желаю Вам хорошего года, хотя ничего доброго он не предвещает. Жму руку.

Ваша

Ир. Эренбург.

7

Дорогой Александр Ильич!

Лежу в постели, поэтому не писала до сих пор. Лежала в больнице, говорили, что отрежут ногу. Спасибо большое за книги и гонорар, я все получила.

Ваша

Ирина Эренбург.

7 / VI. 97.

Ирина Эренбург — Болеславу Издебскому (Эфраиму Фишману)

26/III 45 г.

Дорогой Болеслав, я Вас называю просто по имени, так как считаю, что мы с Вами стали немного родственниками.

Я та Ирина, о которой Вам уже писала Фаня. Мне хочется Вам написать о той радости, которую я испытала за Фаню, оттого что нашлись ее братья. Фаня, до того, как узнала о Вас, много мне рассказывала о том, как она Вас любит, какие у нее есть братья, поэтому мне кажется, что я с Вами знакома.

Фане пришлось многое испытать, как Вы сами знаете, поэтому, когда она приехала в Москву, она была скрытной и сдержанной. Сейчас она совсем другая: веселая и общительная. Ей было трудно учиться в школе, ведь она плохо знала русский, много пропустила, но сейчас учится хорошо, без посторонней помощи.

Мы с Фаней очень подружились. Я ее полюбила и привыкла настолько, что когда мне приходится (?), то очень скучаю по Фане.

У Фани хороший, ровный характер. В школе мне говорили, что она хороший товарищ, очень исполнительная, ей можно

доверить любое дело, и раз она за него взялась она, его выполнит. Мне нравится в Фане, что несмотря на все, что ей пришлось увидеть, пережить, она совершенный ребенок.

Ваши письма доставляют Фане огромную радость, да я думаю, что Вы сами это понимаете.

Я желаю Вам боевых успехов и скорейшего свидания с Вашим братом и Ваней.

Крепко жму руку.

Ваша Ирина Эренбург.

Ф. А. Вигдорова — Ирине Эринбург

Дорогие, забегала и не застала.

Между тем — соскучилась. Очень. И дело есть.

1) Надо сказать Илье Григорьевичу, что после обсуждения в университете его мемуаров трех студентов исключили. Фамилии узнаю.

2) Вернулась из Новосибирска Елена Сергеевна Вентцель, разговаривала с Ляпуновым. Ляпунов сказал: «Я проверил по правдинской подшивке, в 44-ом году в статье Эр-га „Убей немца“ были слова „убей немчонка“».

Молодой аспирант, присутствовавший при разговоре, эти слова подтвердил.

Дело стоит того, чтобы в какой-то части мемуаров дать им по морде и сказать, что этого не было и быть не могло.

Целую Вас и очень хочу видеть.

Ф.

Виктор Шкловский — Ирине Эренбург

1972 г.

Дорогая Ирина Ильинична!

Я не узнал Вас в поликлинике. Мне скоро (очень скоро) будет 80 лет. Вернее стукнет — 80 лет. С годами они начинают с (?). Я совсем не узнаю людей, даже когда они со мной целуются; недавно так я поцеловался с цензором, который запрещал мою книгу. Я встретил его в лифте Госиздата. Это начало склероза. Очень устал. Кончил книгу об Эйзенштейне. Начал новую о Достоевском, я хотел бы писать о смерти своего поколения.

Как бы ни был зол и дерзок человек, он не посмел бы передать поклон мужу — (?) со вдовой. Бориса Леписа я любил и люблю.

Я не узнал Вас, но сержусь как старик, когда мне кажется, что

мою дорогу перебегают (?). Дорожу минутами.

Еще не умерли писать не книги, не события.

Память на лица умерла.

Простите меня.

Вы мало постарели, я Вас принял за молодую нетерпеливую женщину.

Старики обидчивы и вздорны.

Живу трудно. Круты лестницы Союзов и издательств. Меня никто не хочет обижать, но всем некогда.

Все не на месте. Жизнь мелькает своими пустотами и опустошенностью сердца. Кажется, и писать я стал с грубыми ошибками.

То, что когда-то называли вдохновением — музой, последняя женщина, которая ко мне снисходительна.

Еще раз простите меня, а для меня этот случай урок.

Ваш старый друг

Виктор Шкловский.

Вот и все. Сейчас придет стенографистка. Буду диктовать.

18 июня 1972 г.

Москва

Ирине и Василию Грановским — Ирина Эренбург

14.10.96–22.10

Дорогие мои тимуровцы!

На днях улетела Фаня, а вчера вечером собрались у меня Иришкины подруги, которые боялись Фани. Я была окружена почетом и вела себя как памятник, к чему меня приучают окружающие. Я делаю все медленно… но делаю. Страх упасть заставляет меня сидеть дома, а очень хочется самой пойти про магазинам. Очень жаль, что Вы уехали, с Вами, Инна, я бы не стеснялась. Какого черта вы уехали? (?) и далеко от внуков, получила маленькое пособие, живете стесненно, не лучше, чем мы? Я догадываюсь, но вы боитесь признаться.

Я продолжаю свои мемуары, что-то мне не нравится, получается пока плохо. Надеюсь добиться лучших результатов.

Как у вас с изучением иврита?

Трудно овладеть чужим языком не с детства. Много лет назад я пробовала изучить итальянский, не получилось.

Вечера я провожу перед телевизором, как вы знаете, я очень политизирована. Мне не нравится никто из наших властителей.

Извините за прыгающие строки и бумагу.

Очень плохо быть старой, поверьте мне, но не жить еще хуже! Рука болит, поэтому перестаю писать, а то дождались бы новых

сентенций, изречений.

Целую вас обоих крепко. Пишите.

Ваша Ирина.

Ирина Эренбург — Галине Петоян, беженке из Карабаха

1991

1

1 ноября. 91 г.

Дорогая Галочка!

Очень обрадовалась Вашему письму. Вы исчезли, а Дорис все спрашивает Ваш адрес, не говоря уж обо мне! Ваше письмо грустное, хотя Вы и не жалуетесь, но очень печально, что Вы не работаете.

Краковский знал, что Вы не владеете ивритом. Будете в Иерусалиме, пойдите к нему, мне кажется, что любая работа Вас устроит, вы же всю жизнь работали.

У нас очень большие изменения: в магазинах совершенно пусто, даже молоко бывает редко и за ним очереди, сыра, масла, мяса просто нет. Люди обозленные, ругаются, толкаются, ненавидят стариков. Очень весело! Но многие достают все с черного хода, думаю, что с таким народом ничего сделать нельзя. Я лично не теряю оптимизма, хотя, честно говоря, он не оправдан.

Корниловы ездят: он в Югославию, в Англию, в Америку; она сейчас в Америке, до того два раза была в Англии. Сарновы в декабре поедут в Германию, а до того Бен с Феликсом ездили в Америку. Войновичи получили великолепную квартиру в Астраханском переулке. Ори с Олей приезжали, а Володя уже давно здесь, собирается в Мюнхен, но потом опять к нам. Моя Аксенова тоже получила квартиру. Доллары у нас покупают запросто. Квартиры продают официально на валюту, кооперативные квартиры стали собственностью тех, кто в них живет, обычные — можно выкупить у государства. Масса коммерческих магазинов, будок, отделов (например в нашей молочной), продают там брюки, (?), обувь, духи и т. д. по бешеным ценам: все исчисляется в сотнях и тысячах. Пачка «Мальборо» — 25 р. Как в сказке.

Я все еще вожусь с «Черной книгой», постепенно выходит собрание сочинений отца. Фаня вернулась, залетев из Америки в Израиль, и очень жалела, что не знала, где Вас найти.

Напишите мне, а я дам Дорис Ваш адрес. Биргеры, видимо, останутся.

У нас большая выставка Шагала, когда я была, было много посетителей, но очереди нет. Все ужасно устают, и на культуру не хватает сил.

Мои все здоровы.

Целую Вас крепко, приезжайте, все (?).

Ваша Ирина Ильинична.

2

1/II 92 г.

Дорогая Галочка!

Получила я Вашу открытку, спасибо, Вам тоже желаю хорошего года, но Вы ничего не пишете о себе. Неужели Вы так и не работаете?!

О нас Вы все знаете, и, может быть, даже лучше, чем есть на самом деле. Не знаю и, по-видимому, никто не знает, чем это все кончится.

Я с 17-го декабря сижу дома, сперва в гипсе, а теперь жду, когда уйдет отечность и я смогу влезть в сапоги. Обидно, что погорела командировка в Париж — все из-за этого проклятого грузовика, которому вздумалось ехать по тротуару. Меня утешают: не стоишь в очередях, но, зная мой активный характер, мне очень тяжело, что меня обслуживают.

Я рада, что Вы уехали, по всей видимости, гражданская война на Кавказе никогда не кончится.

Как Ваши занятия языком? Появились ли у Вас друзья? Напишите о себе в деталях и правду.

По телевизору много раз возвращаются к истории в Баку, то показывают трагедию армян, то азербайджанцев, а вообще всему перестаешь верить.

Целую Вас крепко и жду подробного письма.

Ваша Ирина Ильинична

3

С Новым годом, с новым счастьем, дорогая Галочка!

От всей души желаю Вам всего-всего хорошего. Вы правильно сделали, что уехали. У нас сейчас такой хаос, так трудно жить, а главное страшно — непонятно, что же уже может быть диктатура, фашизм и т. д.

Напишите Дорис, она спрашивает о Вас.

У нас началась зима, скользко, холодно, на улице стоят очереди. Очень весело.

Зато интересно: живем в безвоздушном пространстве.

Целую крепко, жду письма.

Иллюстрации

Ирина Эренбург. Париж, 1927 год

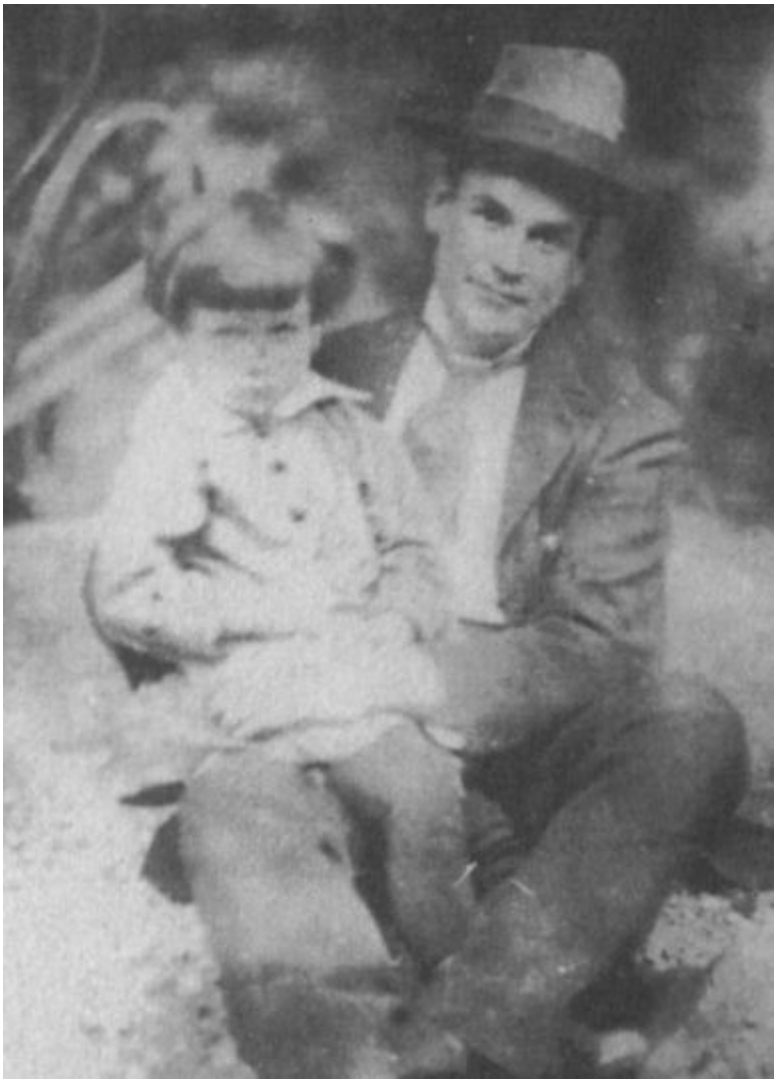
Илья Эренбург. Париж, 1926 год

Екатерина Шмидт. Париж, 1910 год

Ирина с двоюродным братом Юрой. 1918 (?) год

Ирина Наталья, дочь Ильи Эренбурга и Екатерины Шмидт. Ницца, 1914 год

Ирина с отцом. Ленинград, 1924 год



Ирина с отчимом — Т. И. Сорокиным. Ницца, 1914 год

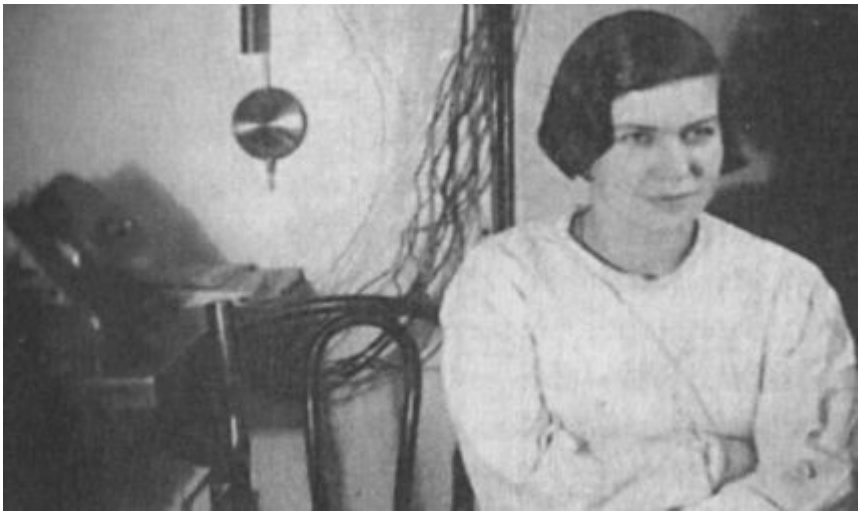
Ирина Эренбург. Москва, 1924 год. Фото И. Г. Эренбурга

Ирина и Габи. Париж, 1925 год

Габи. Париж, 1925 год

Лотарингская школа, выпуск 1927 года. Ирина Эренбург — крайняя слева во втором ряду снизу

Ирина с друзьями. Париж, 1930 год



Ирина Эренбург — сотрудник института им. В. А. Обуха. Москва, 1934 год

Ирина Эренбург и Любовь Михайловна Козинцева-Эренбург (жена И. Эренбурга). Париж, 1930 год

Слева направо: Ирина Эренбург, Любовь Михайловна Козинцева-Эренбург, Изабелла и Евгения Эренбург (сестры Ильи Эренбурга), в центре Юрий Каган, сын Евгении. Бельгия, 1924 год

Ирина с матерью, сестрой Наташей и братом Сережей. Москва, 1930 год

Ирина в станице Екатериноградская. 1932 год

Ирина с отцом. Поездка в Холмогоры, 1932 год

Ирина с отцом (справа) во время путешествия по северу России. Архангельская область, 1934 год

Писатель Борис Матвеевич Лапин, муж Ирины Эренбург. 1930-е годы

Ирина Эренбург. Москва, 1937 год

Ирина. Нагорный Карабах, 1935 год. Фото Бориса Лапина

На фоне Третьяковской галереи. 1937 год

Ирина с Владо Клементисом и его женой Лидией. Прага, 1937 год

Ирина с собакой Чукой. Москва, 1939 год

Борис Лапин. Армения, 1936 год. Фото Ирины Эренбург

Борис Лапин (справа) и Захар Хацревин. Под Киевом, август 1941 года

На Киевском фронте (справа Борис Лапин). Август 1941 года

Борис Лапин (крайний справа) и Захар Хацревин прощаются с коллегами, покидающими замыкающее кольцо немецкого окружения Киева. Конец сентября 1941 года

Ирина Эренбург (справа) и Ара Альтман. Редакция армейской

газеты «Уничтожим врага», Декабрь 1942 года

Ирина Эренбург в воинской части. Декабрь 1942 года

НКО СССР
РЕДАКЦИЯ
КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ
„УНИЧТОЖИМ ВРАГА"

№ 0442/7

Приложение всех статей, гонорарообязательно!

КОМАНДИРОВОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

тов

С получением сего предлагается Вам отправиться в служебную командировку в

для

Из командировки возвратиться не позднее 194 г.

Ответственный редактор

НКО СССР
РЕДАКЦИЯ
КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ
„УНИЧТОЖИМ ВРАГА"

№

Приложение всех статей, гонорарообязательно!

КОМАНДИРОВОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

тов

С получением сего предлагается Вам отправиться в служебную командировку в

для

Из командировки возвратиться не позднее 194 г.

Ответственный редактор

Фронтовые командировочные предписания редакции «Уничтожим врага» Ирине Ильиничне Эренбург. Январь 1943 года

Ирина Эренбург — военный корреспондент газеты «Уничтожим врага». 6 января 1943 года

Фаня Фишман, приемная дочь Ирины Ильиничны Эренбург. Москва, октябрь 1944 года

Иосиф (слева) и Эфраим Фишманы, братья Фани. Хелм (Польша), июль 1945 года

Справа налево: Михаил Куприянов, Ирина Эренбург, Маргарита Алигер, Елена Куприянова. Коктебель, 1948 год

Ирина Эренбург, Леонид Первомайский и его жена Евдокия. Подмосковье, начало 1950-х годов

В новой квартире. Москва, 1953 год

Ирина Ильинична с Фаней. Москва, 1946 год

В пригороде Киева. Ирпень, июль 1949 года

Ирина Ильинична и Фаня с собакой Чукой. Москва, 1953 год

Ирина Эренбург и Фаня. 1946 год

Москва, 1954 год

Ирина Эренбург с Иришей в гостях у Рождественских — Роберта, Аллы и их дочери Кати. 1966 год

С внучкой Иришей. Новый Иерусалим, июль 1956 года

Ирина Эренбург и Назым Хикмет. Москва, 1952 год

Ирина Эренбург, Маргарита Алигер и Нина Каминская на фоне Святой горы. Коктебель, 1959 год

Друзья Ирины Ильиничны (слева направо): Мирель Шагинян, Мария Хамадан, Людмила Толстая, Евгения Куприянова и Нина Каминская. Фото И. И. Эренбург. Коктебель, октябрь 1953 года

Слева направо: Фаина Палеева (Фишман), Любовь Михайловна Козинцева-Эренбург, Ирина Эренбург с внучкой Иришей, Илья Эренбург, его водитель Иван Желтяков. Аэропорт Внуково,

1958 год

Ирина Эренбург с внучкой Иришкой. Крым, Коктебель, 1960 год

Первая выставка Ирины Щипачевой, внучки Ирины Ильиничны

(слева). Москва, 1983 год

Ирина Эренбург в своей квартире с кошкой Умкой. Москва, 1980 год

Ирина Ильинична среди преподавателей и учащихся школы имени И. Г. Эренбурга в Берлине. 1985 год

Ирина Ильинична и Фаина Палеева у подъезда своего дома после посещения Новодевичьего кладбища по случаю 25-летия со дня кончины Ильи Григорьевича Эренбурга. Москва, 31 августа 1992 года

Со старшей правнучкой Анной. Москва, 1995 год

С младшей правнучкой Любой. Москва, 1996 год

Слева направо: Фаина Палеева, Ирина Ильинична, Ирина

Щипачева (внучка), Анна Григорьева (правнучка), Оля, сестра Ирины Щипачевой. Москва, 1995 год

В Центральном доме литераторов на вечере, посвященном 100-летию И. Г. Эренбурга. Москва, 1991 год

Ирина Эренбург представляет женщин России на Международном фестивале женщин в Гамбурге. 1990 год

Интервью. Москва, 1993 год

Ирина Эренбург и Фаина Палеева. Москва, 1996 год

notes

Примечания

1

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — поэт, публицист, писатель. (Прим. ред.).

2

Сорокин Тихон Иванович (1879–1959) — искусствовед, переводчик.(Прим. ред.).

3

Меркурьева Вера Александровна (1876–1943) — поэтесса. (Прим. ред.).

4

«Светлячок» — дореволюционный детский журнал.(Прим. ред.).

5

Чарская (Чурилова) Лидия Алексеевна (1875–1937) — детская писательница.(Прим. ред.).

6

Алферовское училище — дореволюционная гимназия в Петербурге.(Прим. ред.).

7

Станюкович Кирилл Владимирович (1911–1986) — ученый, путешественник.(Прим. ред.).

43. Станюкович Алексей Владимирович (р. 1912) — инженер. (Прим. ред.).

9

Правильно «АРА». АРА — Американо-российская ассоциация. Общественная организация, занимавшаяся благотворительной деятельностью в пользу российской интеллигенции в первые годы после революции.(Прим. ред.).

10

Белла — Изабелла Григорьевна Эренбург (1886–1965) — сестра И. Г. Эренбурга.(Прим. ред.).

11

Женя — Евгения Григорьевна Каган (Эренбург) (1884–1965) — сестра И. Г. Эренбурга.(Прим. ред.).

12

Юрка — Юрий Львович Каган — сын Евгении Григорьевны (гражданин Бельгии).(Прим. ред.).

13

Маня — Мария Григорьевна Эренбург (1881–1940?) — сестра И. Г. Эренбурга.(Прим. ред.).

14

Дункан Айседора (1877–1927) — американская танцовщица. (Прим. ред.).

15

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения.(Прим. ред.).

16

План Дальтона — учебная программа американского педагога Пахурст, внедрялась в 20-х годах в Дальтоне (США). Вместо академических классных занятий предусматривалась «свободная» работа школьников, при этом учителю отводилась лишь роль консультанта.(Прим. ред.).

Учком — ученический комитет.(Прим. ред.).

18

Издательство, монополизировавшее во Франции выпуск учебников.

19

Изображение женщины, символизирующее французскую республику.

20

Стена, некогда окружавшая Париж.

21

Обычное французское ругательство.

22

Флик — полицейский.

23

Студенты во Франции в отличие от школьников носят книги, заворачивая их куском материи.

24

Монархисты.

25

Габи имеет в виду героин — наркотик.

26

Героин.

27

Современный французский художник.

28

Эмигрантский ресторан.

29

Кафе.

30

Так Габи называет героин.

В. Осипов — журналист.(Прим. ред.).

32

Боря — Лапин Борис Матвеевич (1905–1941) — писатель, поэт, переводчик, муж Ирины Ильиничны Эренбург.(Прим. ред.).

33

Илья тогда потерял заключительную часть романа «Падение Парижа». Позже он ее дописал.

34

Сейчас, думаю, мало кто знает, что Емельян Ярославский написал историю Коммунистической партии и был членом ЦИКа. Вид этого плачущего старика из чуждого мне мира еще больше усугублял ощущение катастрофы.

35

Афиногенов был известным драматургом. Дженни [Афиногенова Дженни (1905–1948) — жена писателя А. Н. Афиногенова.(Прим. ред.).] — его жена, американка. Она приехала в Москву с группой туристов, влюбилась в Афиногенова, приняла советское подданство, чтобы выйти замуж, родила дочь Джою и приспособилась к нашей жизни, перенеся американские обычаи в Переделкино, где у Афиногенова была дача.

36

Евгений Габрилович в юности был дружен с Борей. Они вдвоем выпустили книжечки стихов в 1921 и 1922 годах. Позже Габрилович стал сценаристом.

37

Николай Погодин, преуспевающий драматург, жил в Лаврушинском, но мы с ним мало общались. Трезвым я его ни разу не видела.

38

Захар Хацревин [Хацревин Захар Львович (1903–1941) — писатель, соавтор Б. М. Лапина.(Прим. ред.).], ближайший друг Бори. Они написали много книг вместе. Высокий, красивый. Захар пользовался успехом. Он не был женат, боялся женщин своего круга и, насколько я догадывалась, отдавал предпочтение официанткам и продавщицам. Он был болен эпилепсией, но скрывал это даже от Борн. Думаю, что его странности объяснялись болезнью.

39

Дмитрий Бальтерманц был фотокорреспондентом «Красной звезды». Он был хорошим другом, храбрым человеком, талантливым, но неоднократно попадал в неприятные истории. Его жена Тоня говорила — «Митя невезунчик».

40

Сережа Сорокин — мой единоутробный брат. Он умер в шестнадцатилетнем возрасте в Феодосии от прободения желудка. Вскрытие показало самозарубцовывающиеся язвы. Сказалось голодное детство. Похоронен Сережа в Коктебеле. Его смерть была первым моим горем. Тогда я поняла, что горе одиноко.

41

Рая — жена поэта Семена Кирсанова. Первый день войны застал их в Риге. «Было очень страшно, латыши стреляли в русских», — рассказывала Рая. Боря и Захар отдали им свои билеты, которые получили, будучи военнообязанными. Как они сами добирались до Москвы — не помню, но я встречала рижские поезда в течение трех суток и была уверена, что Боря погиб в Латвии.

42

Люба Козинцева-Эренбург — вторая жена Ильи. Она была художницей, ученицей Экстер [Экстер Александра Александровна (1884–1949) — художница.(Прим. ред.).] в Киеве, где они с Ильей и познакомились. Илье нравилась живопись Любы, он всячески поощрял ее, но, видимо, лень помешала ей стать крупной художницей.

43

Настя — наша домашняя работница. Она украла все вещи Захара, которые он перед отъездом на фронт перенес к нам, часть моих и Бориных вещей, но не тронула ничего, что принадлежало Любе и Илье. Через некоторое время она мне позвонила и предложила снова поступить ко мне в работницы. Для меня Настя до сих пор остается загадочной девушкой.

44

10 ноября 1941 года на 4-ой странице «Правды» была напечатана редакционная статья «Трусливая болтовня Гитлера». В ней речь шла о выступлении Гитлера 9 ноября в Мюнхене, где он объяснял причины задержки окончательной победы на Восточном фронте. Наряду с погодными неожиданностями Гитлер помянул и злокозненность евреев, «самых опасных людей в мире». В связи с этим в «Правде» говорилось: «Гитлер лжет, что СССР — это будто бы „еврейское государство“… Гитлер сам запуган и других пытается запугать умом евреев, их предприимчивостью, их изобретательностью. Фашисты чувствуют свое душевное убожество, свою ограниченность. Пуганая ворона куста боится. Нам ли, создавшим могучее государство трудящихся и самое передовое сельское хозяйство, выпестовавшим многочисленные кадры талантливых строителей, героических бойцов из русских, украинцев и других народов, — нам ли бояться кого-либо, евреи они или не евреи… Только трусам трусы могут внушать страх перед другими народами. В Советской стране перед умом, предприимчивостью, изобретательностью всех народов, всех людей открыты широкие пути, в том числе и для евреев. Это равные среди равных. Советские люди знают, что Гитлер боится и ненавидит не только евреев, но и русских, все славянские и не славянские народы СССР».

45

Кличка нашей с Борей собаки.

46

Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель.(Прим. ред.).

В Чистополь был эвакуирован Союз писателей.

48

Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) — писатель. (Прим. ред.).

49

«Тенью моей смерти» называл Василий Гроссман тогдашнего редактора «Красной звезды» Давида Ортенберга.

50

Американский корреспондент «Associated Press». Очень юркий журналист, у которого была одна цель — передать в Америку какую-нибудь сенсацию раньше своих коллег. Илья пользовался его осведомленностью. Мне казалось, что Шапиро наплевать на нашу судьбу.

Габрилович.

52

Ина Годьман — моя ближайшая подруга. Жена кинорежиссера Лели Арнштама [Арнштам Леон Оскарович — кинорежиссер.(Прим. ред.).]. Девочкой ее отдали в школу Большого театра, чтобы подкормить. Она стала балериной кордебалета, хотя начисто была лишена музыкального слуха и ориентировалась на сцене по каким-то деталям. Незадолго до войны Арнштамы переехали в Ленинград, и Ина поступила в Мариинский театр. Она дружила с поэтами, писателями и не была похожа на остальных балерин, хотя и любила свою профессию.

53

Польский генерал Сикорский возглавлял польское эмигрантское правительство, сформированное в 1939 году в Советском Союзе.

54

Это был не сын Олеши, а его пасынок. Он потребовал, чтобы его тетя Лидия Багрицкая [Багрицкая Лидия — жена поэта Эдуарда Георгиевича Багрицкого (1895–1934).(Прим. ред.).] пошла в НКВД и узнала наконец о судьбе дяди подростка — поэте Нарбуте. Багрицкую успокоили, отправили домой, а через несколько дней посадили и ее. Пасынок Олеши, узнав об этом и считая себя виноватым, выбросился из окна. Это произошло в Камергерском переулке, в центре Москвы, среди бела дня. Трагедия потрясла нас всех.

55

В конце июля 1941 г. Боря с Захаром приезжали в Москву на двое суток. Обе ночи Боря восстанавливал на память свои старые стихи. Альбомчик с этими стихами я увезла с собой в Куйбышев, часть из них вошла в сборник «Только стихи…», который вышел в 1978 году благодаря К. Симонову — он боролся за эту книжку четыре года.

56

Илья сперва думал, что не сможет восстановить потерянную рукопись романа «Падение Парижа», потом решил попытаться. Он дописывал этот роман, вернувшись в Москву.

57

Валентина Ароновна Мильман была преданным секретарем Ильи в течение многих лет. Она была очень отзывчивой, всем хотела помочь, но ее бестолковость и суетливость раздражали Илью, и после войны он ее уволил.

Миша Варгафтик — племянник Мильман.

59

Малик — кличка собаки Арнштамов. Ину удалось вывезти из блокадного Ленинграда. Но в Москве ее не оставили.

60

Алигер Маргарита Иосифовна (1915–1992) — поэтесса.(Прим. ред.).

61

В Лаврушинском переулке, недалеко от Третьяковки, стоит девятиэтажный серый дом, он был построен на средства писателей-пайщиков. Потом деньги нам вернули, и это здание перестало быть кооперативным. Мы с Борей переехали в этот дом в страшный тридцать седьмой год, оставив всю мебель в коммунальной квартире на Сретенке, чтобы избавиться от клопов. На первых порах мы купили матрацы, а сидели на книгах и ели тоже на книгах — их мы перевезли — разве Боря мог выкинуть хоть одну книгу, будь то собрание Гёте или Гейне, напечатанное готическим шрифтом и принадлежавшее доктору Лапину, который, видимо, любил читать не меньше сына. Мы въехали в пятикомнатную квартиру, из них две наши, три для Ильи с Любой. Боря очень неохотно согласился на общую с Эренбургами квартиру, но выхода не было. Илья жил в Париже, и ему не разрешили бы вступить в кооператив. Боря опасался несовместимости жизни с богатым и известным писателем, но когда Илья приехал, они подружились. Во всяком случае, Боря мне не жаловался. Он умел приспособиться к любым условиям жизни.

62

Роман Тимофеевич Пересветов — друг юности Бори. Знаю, что он был сыном священника, а, значит, и гонимым. Очень доброжелательный, с неизменной улыбкой, обожавший Борю. Рома переносил свою любовь к нему на близких Боре людей.

63

Борис Волин, настоящая фамилия Фрадкин, родственник Германа Фрадкина. Я взяла у него интервью для радио. Он был довольно крупным государственным и партийным деятелем.

Т — Васильева Татьяна Васильевна (1910-?) — балерина Большого театра.(Прим. ред.).

65

До конца марта, видимо, я жила у Ильи в номере. Переехала я в квартиру Альтманов, наша была нежилая.

66

Майский Иван Михайлович (1884–1975) — советский дипломат, в описываемое время — посол СССР в Англии.(Прим. ред.).

67

Литвинов (Меер Баллах) Максим Максимович (1876–1952) — крупный советский политический деятель, в описываемое время — посол СССР в США. (Прим. ред.).

Каплер [Каплер Александр Яковлевич (1904–1979) — кинодраматург.(Прим. ред.).] заказывал мне материалы для сценарной студии.

69

Кличка нашего с Борей пуделя.

Аннет Лотт, француженка. Она вышла замуж в Париже за советского скульптора. Ее муж уехал в Москву устраивать квартиру и встретил здесь свою старую любовь, из каких-то соображений не отменил приезда Аннет в Союз, и она, не зная языка, оказалась брошенной в чужой стране, с советским паспортом. Мы с Борей навещали ее. Она жила в съемной комнате в коммунальной квартире, слушала французские пластинки и тосковала по Франции, по маме и тете. В конце концов Аннет вышла замуж за архитектора Илью Вайнштейна, которого называла «Ваней», научилась русскому, родила дочь и, казалось, приспособилась к нашей жизни. Началась война, Ваня был мобилизован, а Аннет через семь дней родила вторую девочку. Аттестата ей не хватало, и она меняла свои вещи на продукты. К концу войны Илья помог ей написать письмо Молотову. Она просила дать ей возможность показать дочек своей матери. Получив разрешение, она уехала во Францию и исчезла. Много лет спустя Илья узнал, что Аннет открыла в Париже блинную, растит своих детей. Когда я приезжаю в Париж, я часто вижусь с Аннет, ее дочками, внуками. Недавно стала прабабушкой. Она мечтает побывать в Москве, с которой ее связывают военные годы, но до сих пор боится, что ее не выпустят обратно. Одна из ее внучек временно работает в России и бывает у меня.

71

В «Правде» за 5.04.42 г. напечатаны две статьи, посвященные суду в Турции над советскими дипломатическими представителями. Тогда фон-Папен был немецким послом в Турции. ТАСС сообщал о «провокационной стряпне в анкарском суде».

72

«Правда» в том же номере писала, что в Болгарии арестовывают офицеров, которые настроены прорусски, а я считала, что эта запись объясняется так: Болгария и Турция будут воевать против Советского Союза бок о бок с Германией.

Та же «Правда» сообщала о десанте японцев в Бенгальском заливе — в 140 километрах от Индии. Англичане предлагали Индии полную внутреннюю свободу на самоуправление, но руководство ее обороной останется в руках Великобритании.

74

Таня Васильева — балерина Большого театра, жена танцора Габовича. Она болела туберкулезом, но продолжала работать. Я часто у нее бывала. Мне нравились ее твердый характер, ее любовь к независимости. Мне кажется, что у нее не было никого из родственников. Она была очень скрытной и одинокой.

75

Поленово — дом отдыха Большого театра (Тульская обл.). (Прим. ред.).

76

Леля Поволоцкая, кажется, искусствовед. Она жила в Лаврушинском и часто приходила ко мне. Она очень любила своего мужа Беню Гофеншефера. Оба они отличались доброжелательством. Леля придумывала, как побаловать соседей по дому, что в то время было нелегко. Беня, мне казалось, дал себе зарок доказать, что евреи храбрее всех, не зря Леля так волновалась за него.

А. А. — Александр Александрович Габричевский — профессор МГУ, близкий друг Сорокиных.(Прим. ред.).

78

В «Правде» сообщалось, что Каганович освобожден от обязанностей наркома путей сообщения, и о назначении его заместителем Транспортного комитета, объединяющего все виды транспорта. Не знаю, было ли это понижением, но мне очень хотелось, чтобы Кагановича сместили. Мне кажется, что он никогда не был в опале.

26-го апреля «Правда» писала, что «Мусульманская лига» добивается разделения Индии на два государства: индусское и мусульманское.

80

Илья был поглощен статьями. Он писал по три-четыре статьи в день. Когда он их обдумывал, мне не ясно. Трудоспособность Ильи меня поражала.

81

Так я окрестила балерин Большого театра, которые были эвакуированы в Куйбышев, жили в каком-то общежитии, спали на полу и мечтали вернуться в Москву.

82

Кирилл Хенкин, племянник актера Хенкина, долго жил во Франции, познакомились мы с ним в Москве. Вместе что-то переводили. После войны он при первой возможности уехал из Союза.

83

Люси, падчерица венгра Андора Габора, жившего на одной площадке с нами в Лаврушинском, приходила несколько раз ко мне, чтобы я рассказала ей о французской школе. Она ненавидела нашу страну, не понимала, как мы живем, и завербовалась в разведчицы в какое-то государство, где она должна была выдать себя за француженку. Видимо, она хорошо говорила по-французски.

84

Крымов Юрий Соломонович (1908–1941) — писатель.(Прим. ред.).

85

Сталинская премия — за роман «Падение Парижа», И. Г. Эренбург передал ее в Фонд обороны страны.(Прим. ред.).

Свирь — река на северо-западе России.(Прим. ред.).

Сельвинский Илья Львович (1899–1968) — поэт.(Прим. ред.).

88

Ольга Моисеева числилась в кордебалете Большого театра, но в основном была занята общественной деятельностью. Человек, никогда не унывающий, энергичный, она поддерживала своих подруг как морально, так и материально. Они с Германом Фрадкиным составляли идеальную супружескую мещанскую пару.

89

Лаваль Пьер (1883–1945) — вице-президент правительства Виши, активно сотрудничал с немцами во время оккупации, расстрелян после освобождения Франции.(Прим. ред.).

Сестра Ильи — Изабелла Эренбург, моя любимая тетя.

91

Иоган Альтман, редактор армейской газеты «Уничтожим врага». В октябре 1941 года, когда Москва эвакуировалась на восток, Альтман сформировал газету и поехал с нею на запад. Я долгое время жила в его квартире, так как наша пострадала во время бомбардировок.

92

«Ежовщина» — террор, осуществлявшийся в СССР в 1936–1938 годах при наркоме внутренних дел Ежове Николае Ивановиче (1895–1940).(Прим. ред.).

93

Рая Кирсанова и ее сестра Нина — жена поэта Роховича.

94

Совершенно не знаю, от какой Вали я получила письмо, зато помню свое удивление, что может быть связь с занятым немцами Крымом, словно я соприкоснулась с потусторонним миром.

Илья был очень скрытен и страдал от этого. Из писем разным людям, из его поступков, которые мне были не известны, поняла, что он меня любил, а я обижалась на его холодное отношение. Поняла, но поздно — его уже не было в живых.

Боря был мечтателем. Он убегал от нашей действительности в своих произведениях. Описывал свое пребывание в Индии, где не был, выдавал свои стихи за переводы других поэтов. Рукопись, которую сожгла Настя, — современные сказки — была кульминацией его фантазии. В этих сказках он переносил нашу реальность в волшебный мир и давал ответы на волнующие нас проблемы. Боря закончил свою книгу перед отъездом в Латвию и не успел дать ее перепечатать.

97

С Георгием, или Гогой, Мунблитом я познакомилась в Гаграх на похоронах забытого теперь писателя Раухнера.

Во время войны я часто виделась с Маргаритой Алигер, она меня расспрашивала о Зое Космодемьянской, после войны с нею подружился и Илья.

99

Лифтерша в нашем подъезде в Лаврушинском. Лифт тогда не ходил. Она делилась со мной своими заботами, расспрашивала о Боре, искренне сочувствовала мне.

100

Альсгута [Альсгута — дочь Якова Мазе, Главного московского раввина после революции, известного защитника интересов евреев в первые годы советской власти.(Прим. ред.).], она же Аля, жена Овадия Савича [Савич Овадий Герцович (1897–1967) — поэт, писатель, переводчик, ближайший друг И. Г. Эренбурга. (Прим. ред.).]. В нашей семье их называли Савами и кроликами. В начале войны они жили на Арбате, в одной квартире с юристом Семеном Шварцем — мужем покойной сестры Али. Более несхожих людей трудно себе представить. Они не ладили друг с другом, и Аля, «дитя террора», как ее прозвал Боря, вечно жаловалась на своего шурина. Савич был ближайшим другом Ильи, первым читал его рукописи и делал на полях свои замечания. Сава был хорошим стилистом. Он был сверхинтеллигентным и начитанным человеком. В юности он мечтал быть актером, но стал писателем. Недавно наконец переиздали его великолепный роман «Воображаемый собеседник».

101

Эмилия Вульфсон-Грановская — подруга Любы. Она приехала в Москву с детьми-близнецами незадолго до войны. Ее муж (скульптор) оставался в Париже.

102

После смерти Сталина начали выходить писатели из лагерей, и выяснилось, что критик Эльсберг писал на них доносы.

103

Храпченко занимал какой-то высокий пост в руководстве культурой. Почему он урезал пособие беспомощной Ревекке Хацревиной — не знаю, но от него мы все зависели.

104

Мои родители любили собак, у Ильи было особое выражение лица, когда он смотрел на собаку. Свою глубоко запрятанную нежность он мог наконец излить, ведь собакам важна интонация, а не слова.

105

В саду «Эрмитаж» натаскивали собак на миноискателей. Оказалось, деревянные мины аппарат не может обнаружить, а собаки могут. Уголек первым в своей группе находил зарытую в земле мину и садился рядом с нею, как его учили. Я гордилась своим способным пуделем, но когда пришла повестка о его мобилизации, я воспользовалась тем, что мы с ним часто переезжали, и не отправила его на фронт. Уголек стал дезертиром.

106

Внешнее спокойствие Бори было обманчиво. В нем бурлили страсти. Он был одержим желанием путешествовать. Когда я с ним познакомилась, он уже избороздил почти всю страну. Беспредельная любознательность не давала ему сидеть на месте. Стоило ему закончить какую-нибудь книгу, как он тут же уезжал из Москвы. Больше всего он любил Таджикистан, язык которого выучил, когда ездил по Памиру переписчиком населения. Написав «Повесть о стране Памир», он поехал на Чукотку и прожил там в дымной юрте несколько месяцев. Боря подружился с местным художником, который подарил ему клыки моржей с изображением быта чукчей. Эти клыки и фотографии, сделанные Борей (на одной из них кто-то запечатлел Борю с его возлюбленной чукчей — «мне интересно было узнать, как любят на Чукотке. Понимаешь?». Я не понимала), мне попадались в нашей комнате в Последнем переулке.

Мы с ним были в Узбекистане и, конечно, в Таджикистане потом. Однажды он сказал: «Мне предлагают написать очерки об Армении. Поехали?» Оказалось, что утром он уже съездил в билетную кассу и купил два билета до Ростова-на-Дону, других не было. Это было сказочное путешествие! Правда, в Ростове мы ночевали, сидя в холле гостиницы. Утром мы полюбовались Доном и осмотрели все достопримечательности города. По плану Бориса мы заехали и в Тифлис. Учитывая нашу действительность, мы решили проводить ночи в поезде, а днем осматривать города. Видимо, и с билетами было туговато. Я помню, что мы ехали то в международном, то в плацкартном вагонах. Сейчас вижу, как я спала на багажной полке, подложив под голову берет. В Ереване нас ждал забронированный Союзом писателей роскошный номер в гостинице с видом на Арарат. Мы побывали в степной части Армении, в Степанакерте, в нежилой Шуше — с ее каменными полуразрушенными турками домами, с фонтанчиками во внутренних двориках, в горных районах этой поразительной страны и под конец нашего путешествия поехали на озеро Севан. Дом отдыха писателей был еще закрыт, но Боря уговорил повара покормить нас, и мы ели форель, выловленную из озера. На острове были замечательные деревянные старинные церкви — к ним Боря остался равнодушен, но его привели в восторг какие-то черепки XVI века, валявшиеся на земле. Стоял месяц май, было не жарко, но я обгорела, лицо у меня покрылось волдырями, и мы с трудом уговорили одну из проезжавших машин довезти нас до города — все боялись, что я заразная.

107

Надя Капустина, балерина Большого театра. В балете «Пламя Парижа» она вызвала у меня восхищение: она красиво, вдохновенно бежала по сцене с французским флагом. Я тогда поняла, что она талантлива. Ее муж погиб в начале воины. Его мать прожила всю жизнь с Надей, очень любила ее и тщетно пыталась выдать ее замуж, Надя называла ее мамулей, и для меня она осталась мамулей, заботливой, доброжелательной, как и Надя.

108

Лев Арнштам. Почему мы называли его этим женским именем — не знаю.

109

Никто из моих знакомых не покупал броню, значит, я услышала эту цену в какой-нибудь очереди.

110

Лева — Славин Лев Исаевич (1896–1984) — писатель.(Прим. ред.).

111

Пти Эрнест (1888–1971) — французский генерал, во время войны представлял генерала де Голля в Москве.(Прим. ред.).

112

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — писатель, литературовед.(Прим. ред.).

113

Киев был почти полностью окружен, и я попросила Илью поговорить с редактором «Красной звезды», чтобы тот отозвал Захара и Бориса. Для газеты они стали бесполезны. Почему-то Илья этого не сделал. Может быть, уже поздно?

114

Жиро Анри (1879–1949) — французский генерал, в то время командующий французскими вооруженными силами в Африке. (Прим. ред.).

115

Де Голль Шарль (1890–1970) — генерал, крупнейший французский военный и политический деятель, президент Франции.(Прим. ред.).

116

Национальный праздник Франции.

117

Жена Иогана Альтмана. Старший их сын — школьник ушел в ополчение и погиб. Ара никогда о нем не говорила. Вообще она была замкнутым человеком, принимавшим все как должное. Но один раз я ее видела растерянной. Взятая ею тринадцатилетняя сирота за то, что Ара не купила ей туфли на каблуках, написала на приемных родителей донос в партком.

Р. С. — реактивные термитные снаряды «катюш».(Прим. ред.).

119

Парк культуры и отдыха. Мы с Борей в нем часто бывали. В те времена там существовала парашютная вышка. Боря, конечно, любил этот непривычный аттракцион, а я ни разу не прыгнула — боялась.

120

Уманский часто бывал у Ильи. Он приходил с красивой молодой женщиной, которую любил. Илью, думаю, привлекала европейская манера держаться Константина Александровича, его отличие от советских дипломатов, его, как нам казалось, счастливая судьба, его оптимизм. Нас всех потрясла его трагедия. У него была единственная дочь, в которой он души не чаял. Когда она сказала влюбленному в нее однокласснику, что уезжает с родителями в Америку, он застрелил ее и покончил самоубийством.

121

Приказ № 227 гласил: «Ни шагу назад», другими словами — расстреливать отступающих.

Союз писателей.

123

Марти Андрэ (1886–1956) — деятель ФКП и Коминтерна. (Прим. ред.).

Лев Славин.

125

Таня Литвинова жила в мрачном доме правительства, в «доме на набережной». Не понимаю, почему я написала «масса очарования в квартире», мне помнится угнетающее впечатление от дома, где большинство квартир пустовало — жителей посадили, от огромных комнат, в которых жили Литвиновы. А Таню я люблю. Она приходила ко мне в Лаврушинский с обеими дочками, которым она поддевала под пальто газеты «для тепла», как она объясняла.

126

Жан Шампенуа всю войну был в СССР корреспондентом какой-то французской газеты. После войны он, как и все инкоры, уехал к себе на родину, но прожил там недолго — или не смог приспособиться к образу жизни Франции, или война его породнила с нами. Во всяком случае, он вскоре вернулся в Москву, поселился в квартире на Сивцевом Вражке, выписывал французские газеты и книги, любил сидеть на скамейке перед домом, поговорить с ветеранами войны. Я его довольно часто навещала, но не решалась спросить, что ему нравилось в Советском Союзе. Думаю, что он не смог бы ответить.

127

Ганди Махатма (1869–1948) — лидер национально-освободительного движения в Индии.(Прим. ред.).

128

В Индии шла упорная борьба за независимость и одно восстание против англичан сменялось другим.

129

Год я работала в Москве по своей специальности — прикладной психологии, пока ее не объявили «лженаукой», о Левитове в среде психологов говорили с уважением.

130

Я знала, что Андрэ Марти не любит Илью со времен гражданской войны в Испании, но не думала, что такой крупный политический деятель способен перенести свою вражду с Ильей на меня.

131

Мы все ликовали, когда генерал де Голль выступил по радио из Лондона со словами: «Я, генерал де Голль…», положив начало формирования движения «Сражающаяся Франция». До сих пор помню его голос. Помню, как горячо его приветствовали москвичи, когда он выступал с балкона Моссовета.

132

Пассионария — Долорес Ибаррури (1895–1989) депутат кортесов (испанского парламента), лидер Испанской компартии; получила свое прозвище за страстные выступления в защиту Испанской республики.(Прим. ред.).

133

Жеймо Янина Болеславовна (1909–1987) — киноактриса. (Прим. ред.).

134

Моя парижская школьная подруга. Она родилась в Швейцарии, но всегда стремилась в Союз. Года два она пробыла в Москве, потом ее арестовали и осудили на 10 лет без права переписки. Потом она прожила пять лет в ссылке. Илья взял ее в секретари. Она прослужила у него до самой его смерти. Энергичная, любознательная и отзывчивая, она была крайне бестолкова, но Илья объяснял мне, почему он с нею мирился: «Всю молодость в лагерях просидела, это накладывает отпечаток. А мне пишут в основном люди обездоленные. Кроме того, она твоего возраста и я не боюсь ей делать замечания».

135

Муж Екатерины Александровны Лукашевской, преданной Альтману немолодой женщины. Она ушла на фронт вольнонаемной, работала в газете «Уничтожим врага» секретарем. Альтман и корреспонденты ценили ее безупречную грамотность.

136

Собака Ильи и Любы.

137

В Тасю был влюблен Каплер, но она вышла замуж за ленинградского писателя Меггера. Каплер помогал им обоим.

Пимы — валяная обувь.(Прим. ред.).

139

Илья Слоним — скульптор, муж Тани Литвиновой. После войны мы с Ильей бывали в его мастерской на Масловке. Он слепил бюст Ильи. Слоним с художником Альтманом — авторы памятника Илье на Новодевичьем кладбище.

140

Дарлан Франсуа (1881–1942) — адмирал, во время войны командовал французским военным флотом в Северной Африке. (Прим. ред.).

141

Петен Филипп (1856–1951) — французский маршал. После поражения Франции руководил правительством Виши, сотрудничавшим с немцами. После освобождения Франции был заключен в крепость на о. Йе. (Прим. ред.).

142

Габор Андор (1884–1953) — венгерский драматург, поэт, сатирик.(Прим. ред.).

143

Меня поразило, что сестра не слышала о нашем злейшем враге — немецком маршале Роммеле.

144

Такса Сорокиных. Во время очередной тревоги Наташа, как всегда, взяла Джоньку с собой в убежище. В ту ночь одна бомба попала в их дом в Проточном переулке, убежище засыпало, и кто как мог разрывал руками себе выход. Наташа копала, зажав Джоньку под мышкой, он видимо, тогда и простудился. В ту ночь, когда я поднялась после отбоя на свой девятый этаж, я увидела, что в стороне Смоленской площади все полыхает. Телефон Сорокиных не отвечал, и я побежала. На Арбате горел Вахтанговский театр. Проточный был оцеплен. Горел дом, где жили наши. Мне посоветовали подняться к церкви. «Там сидят те погорельцы, которые выбрались из убежища». Я догадалась позвонить Любе. «Сорокины только что вошли. И даже Джонька с ними».

145

Политическое управление Вооруженных сил СССР.

Видимо, во время войны я с ним дружила. Он был известен как талантливый исследователь Лермонтова.

147

У него была красивая жена, но писателем он не считался, хотя его роман «Одиночество» сделал ему имя. В основном о нем говорили как о человеке, любящем барахло.

148

Ортенберг Давид Иосифович (р. 1904) — во время войны главный редактор газеты «Красная звезда».(Прим. ред.).

149

«Французы едят кислую капусту и огромные „корнишоны“» — т. е. соленые огурцы. Оба блюда не приняты во Франции.(Прим. ред.).

КП — командный пункт.(Прим. ред.).

151

Корреспондент газеты «Уничтожим врага».

152

Тоже корреспондент газеты, единственный профессиональный журналист.

АХО — административно-хозяйственный отдел.(Прим. ред.).

НЗ — неприкосновенный запас.(Прим. ред.).

Сбор денег на орудие, на танк, на самолет проводился всюду, это входило в систему. Писали обязательно Сталину. Все мы верили, что тем самым приближаем победу. Пожертвования будто бы делались добровольно, но никому не приходило в голову отказаться дать деньги. То же самое было с займами.

Почти все фронтовики переписывались с незнакомыми девушками с «большой земли», обменивались фотографиями, заводили платонические романы. Как приятно получить вышитый кисет, нежное письмо, табак! Я видела сияющие лица, когда раздавали письма и посылочки.

157

Каждый входивший в землянку называл себя. И трое или четверо подряд представлялись так: «Жора». А может быть, мне это приснилось?

158

Незаслуженно забытая писательница. А в то время все зачитывались ее «Виринеей». Лидия Сейфуллина была на редкость чистым и честным человеком, и Илья да и я относились к ней с глубоким уважением.

Думаю, мало кому была известна его книга «Дерсу Узала». Меня удивило, что это имя было знакомо Ефремову. Я-то читала Арсеньева из-за Бори, который очень любил Восток.

«шесть месяцев войны…» — «год и шесть месяцев войны…»(Прим. ред.).

У одного из хирургов в землянке этого батальона, а он всю ночь оперировал, так я не увидела хозяина постели, в которой провела ночь.

162

Передовая в «Правде»: «Польские сотрудники Гитлера». Статья начинается с «гнусных измышлений Геббельса по поводу якобы имевших место в 1940 году массовых расстрелах советскими органами польских офицеров». Тогда польское правительство обратилось в Красный Крест с просьбой провести расследование обстоятельств гибели польских офицеров в Смоленской области. «Правда» так старалась доказать вину немцев, что и мои знакомые, и я отнеслись подозрительно к этой передовой. Спустя пятьдесят лет мир узнал об истинных виновниках трагедии Катыни…

163

25 апреля 1943 года СССР порвал дипломатические отношения с сформированным в Лондоне польским правительством.

164

Вышинский Андрей Януарович (1883–1954) — во время войны заместитель комиссара иностранных дел.(Прим. ред.).

165

Вышинский говорил о Польше, о «преступной» деятельности польского посольства Москве и о высылке его работников из СССР. Судя по моему дневнику, нас волновали советско-польские отношения.

166

Я не читала ни одной книги Ванды Василевской, но знаю, что они были посвящены борьбе Польши против фашизма. Ванда в основном была занята партийной деятельностью. Эта мужеподобная полька, жена драматурга Корнейчука, довольно часто приходила к Илье.

Черчилль тогда выступил на заседании Конгресса США, «под громкие аплодисменты» он заявил: «Война в Африке закончена».

Бенеш говорил преимущественно о проблемах послевоенной Европы. Судя по моей записи, он предлагал обкорнать Польшу.

169

Коммунистический Интернационал был основан в 1919 году и распущен в 1943. К тому времени большинство членов Коминтерна было расстреляно.

Подобие современной «Березки» [«Березка» — закрытая сеть магазинов в СССР, где торговля дефицитными товарами велась на чеки, которые получали советские граждане, работавшие за границей, вместо валюты.(Прим. ред.).]. Сорокин там работал и под всякими предлогами уносил домой самые ценные иконы, спасая их от продажи за границу.

171

Владимира Германовича Лидина у нас в семье называли Рюриком Абрамовичем, Он был одним из ближайших друзей Ильи. Сохранилась их переписка. Талантливый юморист, он стеснялся своего дара и блестящие пьесы, зарисовки, рассказы дарил нам, а печатал романы и воспоминания о писателях, которые едва ли останутся в истории. Во время войны Лидин все время был на фронте, но одна его статья почему-то пришлась не по душе «наверху», и у бедного Рюрика были крупные неприятности, Илья пробовал его защитить, но безрезультатно.

172

Одно время тишайший Славин запил, что меня глубоко потрясло.

Бедная славная Франция.(Прим. ред.).

Г. — Гальперин — заведующий кафедрой английского языка в Институте иностранных языков.(Прим. ред.).

175

Первая жена художника Натана Альтмана, балерина. Во время гастролей театра во Франции она вышла замуж и осталась в Париже. Натан и Ирина часто приходили на Монпарнас с их обезьянкой Федькой. Потом Натан уехал в Союз, влюбился в другую Ирину, а жена, ничего не зная, прибыла в Москву. Она в отличие от Аннет русская, имеет профессию и быстро приспособилась к нашей жизни. Во время войны она эвакуировалась, потеряла жилье и прописку, и одно время ее приютили Сорокины, которые сами жили в чужой квартире.

Не могу вспомнить, о ком идет речь, но я зря завидовала, ведь многих осужденных тогда отправляли в штрафные батальоны на смерть.

177

Люба написала хороший портрет Гудзенко. Илья очень любил этого юного поэта. Искусству Илья был предан, талантливым художникам, писателям, поэтам все прощалось. Любовь к поэзии была у Ильи как бы врожденная. На талантливых людей он никогда не обижался, он их боготворил. Недаром Пастернак, не помню по какому поводу, сказал ему: «Ваша неумная любовь ко мне погубит меня». Илья не завидовал чужому дару, а спешил его донести до других.

178

Мать Олега Кошевого, одного из руководителей подпольной организации Краснодона «Молодая гвардия». Олег был расстрелян немцами в 16 лет. Его мать, в отличие от Космодемьянской, произвела на меня впечатление убитой горем, искренней женщины. Я написала об Олеге очерк для радио.

179

Киноактрису Софью Магарилл, первую жену кинорежиссера Козинцева, брата Любы, я хорошо знала. Веселая, красивая, остроумная, по прозвищу Макс. Она умерла в эвакуации от тифа. У нее в Ленинграде остался сын Юра. Я ее запомнила в фильме «Маскарад».

180

Ставский Владимир Петрович (1900–1943) — писатель. (Прим. ред.).

181

В действительности конференция в Тегеране закончилась 1-го декабря 1943 года.

182

15–18 декабря 1943 года в Харькове состоялся суд над палачами, истребившими 30 тысяч человек. На трибунал поехали, кроме Ильи, Симонов и Толстой. Илья скупо рассказывал об этом трибунале и с удивлением говорил, что Симонов, Толстой и остальные присутствовали при казни преступников. Илья не пошел смотреть, как их вешали.

183

Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) — литературный критик.(Прим. ред.).

184

Тихонов Николай Семенович (1896–1979) — поэт.(Прим. ред.).

Младший сын Иогана Альтмана — Юлий.(Прим. ред.).

186

Ромм Михаил Ильич (1901–1971) — кинорежиссер.

187

Михоэлс Соломон Михайлович (1890–1948) — актер и режиссер.(Прим. ред.).

Такова жизнь.(Прим. ред.).

189

Заславский Давид Иосифович (1880–1965) — журналист. (Прим. ред.).

190

Младший любимый сын Сталина, летчик. Он жил в особняке на Гоголевском бульваре, где устраивал попойки, чем и прославился. О нем говорили презрительно.

191

Каплер влюбился в Светлану, дочь Сталина, за что и поплатился пятью годами лагерей. Однажды Каплеру нужно было ей позвонить, но ее отказались подозвать к телефону, и он попросил меня дозвониться до нее. Я Каплеру не могла отказать, хотя понимала, насколько это опасно. Я позвонила из автомата, назвала свою фамилию, но мне тоже не разрешили поговорить со Светланой. Вскоре Каплера арестовали.

192

Неплохой человек, но поэт, о котором можно сказать, что он заслуженно забыт.

Р.О. — разведотдел.(Прим. ред.).

КПП — контрольно-пропускной пункт.(Прим. ред.).

НКО — Народный комиссариат обороны.(Прим. ред.).

196

Илья получил квартиру в доме напротив Моссовета. Илья считал, что взамен мы должны сдать все пять комнат на Лаврушинском. Я же привыкла к самостоятельной жизни, кроме того, в душе надеялась, что Боря вернется, и нам не разместиться в четырехкомнатной квартирке.

197

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Я много писала по заказу ВОКСа.

«Бедекер» — путеводитель, по имени немецкого издателя Бедекера Карла (1801–1859).(Прим. ред.).

199

Меттерних Клеменс (1773–1859) — крупный австрийский дипломат. Апогей его карьеры — Венский конгресс (1815 г.), созванный для переделки политической карты Европы после Наполеоновских войн.(Прим. ред.).

200

На оккупированных территориях немцы заставляли еврейское население пришивать к одежде (на груди и на спине) желтую нашивку в форме шестиконечной звезды.(Прим. ред.).

201

Мицкевич Адам (1798–1855) — крупнейший польский поэт. (Прим. ред.).

202

«Нормандия-Неман» — эскадрилья французских летчиков, воевавшая на советско-германском фронте в составе Красной Армии на советских самолетах.(Прим. ред.).

203

Фаня Фишман — моя приемная дочь. Теперь она носит фамилию своего второго мужа Палеева. Она врач. У нее две внучки. Это моя семья.

204

Двухлетняя голубоглазая сирота, которую я собиралась взять из детского дома.

205

В мае 1944 года в Греции было создано правительство «национального единства», которое призывало английские войска (десант) к борьбе с коммунистическим сопротивлением. Англичане начали в декабре боевые действия против греческих коммунистических отрядов. Те стремились установить в Греции советский режим. В итоге началась гражданская война, которая закончилась лишь в 1949 году.

206

В Польше было разгромлено официальное правительство. Советский Союз добился того, чего добивался в Греции.

207

10 декабря в Москве был подписан советско-французский договор о союзе и взаимопомощи.

208

Министр иностранных дел временного правительства Франции.

209

Сестры Ильи. Всю оккупацию они прожили в Париже, и никто не выдал их, хотя у Жени была фамилия Каган, а у Беллы — Эренбург.

210

Жана-Ришара Блока и его жену Маргариту я хорошо знала. Они были связаны с Ильей давней дружбой. Добрые, благожелательные люди, они никогда не жаловались, хотя жилось им у нас плохо. Жан-Ришар был искренним коммунистом, но за годы, проведенные у нас, он многое понял. Так мне кажется. Торез и его жена Жанетт Вермеш бывали у Ильи. Торез был веселым, открытым человеком. Его жену Жанетт Вермеш никто не любил. В Союзе она вела себя так, будто и в Москве она оставалась секретарем комсомола.

211

Отец Фани — был не мясником, а прасолом, оптовым скупщиком скота и сельхозпродуктов.(Прим. ред.).

212

Оба брата Фани спаслись. Они узнали ее адрес, приехали в Москву за сестренкой. Я ей сказала, что она должна сама решать, уезжать ли ей, и ушла из дома. Мы тогда жили на улице Горького. Фаня нагнала меня на остановке троллейбуса и сказала, что остается со мной. Не буду скрывать, я очень обрадовалась ее решению. Братья живут в Израиле, и Фаня несколько раз виделась с ними во Франции, а сейчас ездит к ним в Израиль.

213

Таиров Александр Яковлевич (1885–1950) — режиссер, основатель Камерного театра в Москве; Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974) — актриса этого театра.(Прим. ред.).

214

В декабре 1944 г. началось мощное немецкое контрнаступление против американских войск в Арденнах, и союзники потребовали от СССР срочной интенсификации военных действий на Восточном фронте.(Прим. ред.).

215

Эту книжечку издали, и я недавно обнаружила ее в своей библиотеке.

216

Немецкое издательство «Мелик-Ферлаг» подарило Илье таксу, которую назвали «Малик». Собака пережила с моими тетями войну, но в Москву ее не привезли.

217

МАКИ — боевые части организаций подпольного движения Сопротивления на территории Франции (1942–1944).(Прим. ред.).

В начале войны у населения были изъяты радиоприемники. (Прим. ред.).

Croisière a travers l'Allemagne (фр.) — путешествие по Германии.(Прим. ред.).

220

Речь идет о судьбе молодых женщин оккупированных территорий СССР, угнанных в Германию на принудительные работы.(Прим. ред.).

221

Начался «укропный период» — он повторялся несколько раз в жизни. Крупная неприятность вызывала у Ильи отвращение к еде. Обычно он сидел с безжизненным взглядом и съедал за весь день только несколько веточек укропа. Илья мог питаться одним укропом много дней, он ослабевал, ложился одетым на тахту и тупо смотрел на стену.

В этот раз такой период длился долго. Илье стоило больших усилий написать вялую статью, кажется, о взятии Берлина. Его изредка стали печатать, и он постепенно вернулся к жизни.

Merde! (фр.) — Дерьмо!(Прим. ред.).

223

Деа Марсель (1894–1955) — французский журналист, сотрудничавший с немецкими оккупационными властями, член правительства Петена (см. выше).(Прим. ред.).

Эррио Эдуард (1872–1957) — видный левый французский политический деятель.(Прим. ред.).

225

Генина Ида — киноассистентка, жена сценариста Павла Фурманского.(Прим. ред.).

226

«Le Chant du depart» (фр.) — патриотический гимн на слова А. Шенье, написанный по случаю пятой годовщины взятия Бастилии.(Прим. ред.).

227

«Правда» сообщала, что Англия и Америка обратились к Югославии с нотой о положении в районе Триеста. Югославия ноту отвергла. Триест до войны принадлежал Австрии. Несмотря на протест союзников, войска Тито, поощряемые Сталиным, отказывались уйти из Триеста.

228

Сообщение о пленении Геринга появилось в «Правде» 10 мая, 18 мая та же газета пишет, что Геринг дает интервью, позирует для фотографий и выдает себя за «жертву» Гитлера. Об обеде и меню Геринга, скорее всего, ходили слухи, а может быть, я слышала передачу по радио какой-нибудь станции.

229

Барбюс Анри (1873–1935) — французский писатель.(Прим. ред.).

230

Дюкло Жак (1896–1979) — крупный деятель Французской коммунистической партии.(Прим. ред.).

231

Отрывок из стихотворения «Вдова» Геннадия Сивака. «Полвека с лишним длится День Победы». Альманах № 2, 1998 г. (Прим. ред.).

232

Бильд (нем.) — фототелеграмма.

233

…нас Орт. не послал в Ир. — (по-видимому, «нас Ортенберг не послал в Иран»), В это время усиливались связи Ирана с гитлеровской Германией. Лапин, владевший языком фарси, вероятно, считал, что он мог — как корреспондент своей газеты — быть более полезным там.

234

Олендер Петр Моисеевич (1906–1944) — военный корреспондент газеты «Красная звезда».

235

Ирина Ильинична, видимо, считала, что Сталин («Иосиф») находился в Куйбышеве, куда в сентябре 1941 г. эвакуировалось правительство.

236

В письме упоминаются тогдашние руководители Союза писателей и С. В. Михалков, возглавлявший помимо этого комиссию по литературному наследию И. Г. Эренбурга (о ней сказано в начале письма).

237

Речь идет о публикации «Он был человеком вдохновения» («Театр», 1984, № 2). Это выступление (стенограмма) И. Г. Эренбурга на вечере в Центральном доме работников искусств, посвященном 90-летию со дня рождения (1964) Вс. Мейерхольда. Публикация Д. Брудного А. И. Рубашкина сильно огорчила. В журнале оговаривалось: «На-печ. с сокр.» Это «сокр.» не имело никаких оснований.

Речь может идти о работавшем в журнале М. Швыдком.

239

Речь идет о публикации «Настоящая литература — в России», в которой напечатаны рецензии И. Эренбурга на сборники русских поэтов, в частности, стихи М. Цветаевой, О. Мандельштама, Б. Пастернака, С. Есенина и др. Эти рецензии из берлинской «Новой русской книги» 1922 года были впервые представлены русским читателям в журнале «Звезда» (1987, № 3) и позже были включены в изд.: И. Г. Эренбург. «Портреты русских поэтов», СПб., 2002.

240

О публикации в «Огоньке» см. следующее письмо.

241

Мемуары И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

242

Речь идет, в частности, о статье «Минувшее проходит предо мною» А. И. Рубашкина, посвященной мемуарам Эренбурга («Литературное обозрение». 1987. № 5).

243

Дм. Сеземан — парижский журналист, переводчик, родился в семье эмигрантов (1922). Вместе с матерью и отчимом (Клепиниными) вернулся перед войной из Франции на родину родителей одновременно с мужем Марины Цветаевой С. Эфроном. Вскоре Эфрон и Клепинины были репрессированы. Воспоминания Дм. Сеземана «Париж — ГУЛАГ — Париж» были (частично) опубликованы в газете «Невское время» (1991, 5 мая). Сеземан обвинял Эренбурга в том, что Цветаева вернулась в СССР из-за того, что ее уговорил Илья Григорьевич. На самом деле это произошло по другим причинам, глубоко личным и широко известным (судьба мужа, возвращение дочери). Об этом и была реплика А. И. Рубашкина «Не упрощать!» в ленинградской газете «Литератор» (1991, № 22).

244

Ирина Ильинична прислала А. И. Рубашкину трехтомник мемуаров «Л.Г.Ж.» с трогательной надписью: «Верному борцу за имя Эренбурга — Александру Ильичу Рубашкину, на память о моем отце».

245

Статья А. И. Рубашкина «Перепосвещение дружбы» была опубликована в журнале «Аврора» (1995, № 6). Возможно, была отправлена в журнал с запозданием, отсюда пожелание «хорошего года».

С В. С. Гроссманом у Эренбурга многие годы, включая военные, были дружеские отношения. Но уже во времена «оттепели» они разладились. Автор «Жизни и судьбы» был сражен арестом своего главного романа и фактически из-за этого погиб. Он не видел для себя возможности существования в подцензурной литературе. Эренбург — с большими потерями — все же пробивался к читателю. Когда Гроссман после тяжелой болезни умер (1964), Эренбург, еще опальный, выступил на панихиде еще более опального друга с речью, звучавшей как вызов властям.